

0-38

№ 2

**ОГНИ
КУЗЬБАСА**

Петр Ворошилов — член Союза журналистов СССР, автор очерковых книг «Подвиг, отлитый в бронзу», «На большаке», «Герцог подает в отставку». Сейчас он готовит к печати новую книгу «Встреча с деловым человеком».

В нашем альманахе печатались очерки Петра Ворошилова «Свадьба с приданым», «Как гриб в лесу» и другие.

В этом номере читайте проблемный очерк П. Ворошилова «Будних дней черновики».

Год издания 24-й

ОГНИ КУЗБАССА

№ 2, 1972

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ,
ОРГАН
КЕМЕРОВСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР

389176

Кемеровское
книжное
издательство

В номере:

Стихи, проза

Игорь Киселев. Перед второй книгой . . .	3
Валерий Зубарев. «Сопят кусты, улитка строит рожки...», «Пью жадно газировку у киоска...». Стихи . . .	6
Геннадий Кравцов. Из детства. Дождь в Париже. Стихи . . .	7
Сергей Донбай. Прелесть смысла. Доброе утро. Стихи . . .	9
Виктор Чурилов. На родине. Мальчишки. Стихи . . .	11
Дмитрий Глазов. Стужа. Октябрь. Стихи . . .	12
Николай Пискаев. Проводы. «Когда б стихи мои...». Стихи . . .	14
Леонид Березин. По Тайдону. Зубчатая гора. Стихи . . .	15
Олег Павловский. Тайна крестовины, или Мрассу — Желтая река. Повесть . . .	18
Юрий Тотыш. На шурфе. Буза. Рассказы . . .	75

Наши переводы

Суэмас О'Салливан. Флейтист. Стихи . . .	82
Уильям Генри Дейвис. Досуг. Стихи . . .	82
Джон Хит-Стаббз. Бездомный поэт. Стихи . . .	83
Переводы с английского Сергея Сухарева-Мурышкина . . .	
А. Гуковский. Высокое давление . . .	85

Проблема? Да, проблема

П. Ворошилов. Будних дней черновики . . .	95
---	----

Время — человек — время

А. Дубровский. Судьба рудознатца . . .	103
--	-----

Слово — критике

В. Коньков. «Шестая гряда» . . .	112
----------------------------------	-----

0—38

Редактор
В. М. МАЗАЕВ

Редакционная
коллегия:

А. Ф. Абрамович,
Е. С. Буравлев,
А. Н. Волошин,
Г. А. Емельянов,
Н. Н. Зеленин,
В. В. Махалов,
О. П. Павловский
(отв. секретарь).

Адрес редакции:
Кемерово, 99, Советский
пр., 94. Тел. 6-85-14.

Рукописи объемом до одно-
го печатного листа не воз-
вращаются.

На первой странице обложки
«ЛОДКИ», линогравюра худ.
Владимира ЕЛОХОВА

7—3—2
30—72—М

Веселая минутка

Вячеслав Тимофеев. Снежный ком в
июле. Юмористический рассказ 118

Ведущий редактор *Л. В. Глебова*
Художественный редактор *Г. И. Кравцов*
Технический редактор *Г. В. Адова*
Корректор *Т. Е. Трусова*

Сдано в набор 1/III—1972 г. Подписано к печати
6.VI.1972 г. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Усл. печ. л. 8,76. Уч.-изд. л. 8,36. Тираж 5000 экз.
ОП00883. Заказ № 1812. Цена 32 коп.

Кемеровское книжное издательство
Кемерово, Ноградская, 5.

Полиграфическое объединение «Томь»
Кемерово, Ноградская, 5.

ПЕРЕД ВТОРОЙ КНИГОЙ

Областные семинары молодых литераторов прочно вошли в практику писательской организации Кузбасса как одна из наиболее гибких и действенных форм воспитания и обучения творческой молодежи. Следует, пожалуй, напомнить, что именно такие семинары выдавали «путевку в жизнь» авторам трех поэтических «кассет», вышедших в последние годы в Кемеровском книжном издательстве.

Семинар, состоявшийся в Кемерове в конце прошлого года, был несколько необычен по своему составу. К участию в нем были приглашены всего семь молодых поэтов (обычно на семинарах обсуждалось творчество двадцати—тридцати литераторов). Но зато каждый из приглашенных был автором небольшого сборника стихотворений, выпущенного в свет в одной из трех «кассет», упоминавшихся ранее. Целью этой встречи была проверка того, что сделано молодыми авторами со времени появления их первых книг. Не менее, а может быть, и более важными были задачи семинара как одного из методов литературной учебы. Дело в том, что география «Кузбасса литературного» неуклонно расширяется, свои певцы появляются в самых отдаленных уголках области. И этот естественный процесс не может не радовать. Но, с другой стороны, молодой автор весьма часто оказывается предоставленным самому себе, он вынужден, говоря словами одного из участников семинара, «вариться в собственном соку», он лишен квалифицированной и своевременной консультации, лишен постоянного общения с себе подобными, что, конечно, не может способствовать его творческому росту. С этой точки зрения состоявшийся семинар можно только приветствовать. Однако итоги его вызывают тревогу.

Как я уже говорил, обсуждалось семь рукописей, причем речь идет не о новичках, а об авторах книг. У некоторых участников семинара, например, у Дмитрия Глазова (Кемерово) и у Леонида Березина (г. Березовск), эти книги вышли

в свет более трех лет назад. И тот, и другой заявили тогда о себе достаточно уверенно, и читатели были вправе ожидать от них, как и от остальных участников семинара, заметного творческого роста. Как правило (из этого правила, разумеется, есть исключения), первая книга поэта служит своеобразным «трамплином» в творческую деятельность, недостаток опыта и незрелость компенсируются свежестью чувств, обаянием молодости. Лицо поэта определяет его вторая книга. И отношение ко второй книге куда более требовательное. Именно с таких позиций руководители семинара и рассматривали творчество его участников.

Из обсуждавшихся рукописей только одна, принадлежащая журналисту из Киселевска Валерию Зубареву, получила весьма положительную оценку и рекомендована Кемеровскому книжному издательству как основа для работы над будущей книгой. Для остальных участников «порог» перед второй книгой оказался слишком высоким, а «пропускные фильтры» семинара — слишком плотными.

Суровой критике подверглось творчество Дмитрия Глазова. По сравнению с его же собственным сборником «Март» он не только не продвинулся вперед, но и, как отметили многие, растерял кое-что из найденного ранее. Его стихи на исторические темы — а таких в рукописи много — зачастую интересны по замыслу, но отдают откровенной стилизацией. Кроме того, Глазов стал с недопустимой небрежностью относиться к форме стиха, а заодно и к языку, что не было свойственно ему прежде.

Вычурность грамматических конструкций, нарочитая усложненность формы и в то же время поверхностное, лобовое решение многих важных тем — эти недостатки были отмечены в рукописи кемеровчанина Геннадия Кравцова. Примечательно, что молодой поэт пытался сделать эту чисто формальную сложность чуть ли не фундаментом своего творческого кредо. И в то же время в его стихах много удачных строк, интересных образов, тонких наблюдений. Очень часто недостатки в его творчестве объясняются не столько отсутствием опыта, сколько неверно выбранной позицией.

Виктор Чурилов (Юрга) далеко не новичек в поэзии. Его стихи появились в печати много лет назад, и уже тогда об их авторе говорили как о способном, подающем большие надежды авторе. Но вот прошли годы, Виктор окончил Литературный институт им. Горького, а стихи его не претерпели заметных изменений. Более того, сузился круг его тем: даже в небольшой по объему рукописи встречаются стихотворения «близнецы», перепевающие друг друга. Некоторые стихи производят впечатление натужности, вымученности. Виктору

необходимо понять, что прошло время «подавать надежды», пора бы уже и осуществлять их. А силы и способности для этого у него, несомненно, есть.

Леонид Березин пишет очень правильные стихи, к ним трудно придаться с точки зрения формы. Но нередко эта внешняя гладкость скрывает отсутствие интересных мыслей, его стихи описательны. Леониду также следовало бы подумать над расширением тематики своего творчества, ведь на бесконечном воспевании красот тайги — кое-где оно уже становится однообразным — далеко не уедешь.

На семинаре отметили задушевность, теплоту лучших стихотворений Николая Пискаева (Белово). Удачны его сюжетные миниатюры. Однако простота в стихах Пискаева часто граничит с примитивностью. Форма хромает — достаточно отметить хотя бы обилие глагольных рифм. Село в большинстве его стихотворений выглядит слишком идилличным, «розовым».

Кемеровчанин Сергей Донбай, к сожалению, опоздал — он смог предоставить свою рукопись только к концу работы семинара. А рукопись эта очень интересна. Даже при беглом прочтении бросаются в глаза лаконизм, точность рисунка, выразительность и пластичность его стихотворений. Однако нельзя не заметить незаконченности многих произведений Донбая, их этюдности. Они производят впечатление набросков к чему-то, пока еще не состоявшемуся.

Чистота чувств, светлое жизненное восприятие мира, тонкий лиризм — все это было в лучших стихотворениях Валерия Зубарева его первого сборника «Говорил со мною ветер», вышедшего в позапрошлом году. Все это в полной мере присутствует и в его новой рукописи. Но почерк Зубарева стал значительно увереннее, взгляд — пристальнее. У поэта появились попытки философского осмысления жизненных явлений, стихи его стали богаче мыслью и настроением. Это не значит, конечно, что творчество Зубарева лишено недостатков. Мне, например, представляются не совсем удачными его попытки выступить в эпическом жанре. Но тут важнее другое: несомненный и достаточно быстрый рост его как поэта, отмеченный и руководителями семинара, и его участниками. Нет сомнений, что рукопись Валерия Зубарева станет основой хорошего поэтического сборника.

Таковы итоги семинара. Хочется думать, что он стал для участников доброй встряской и что он поможет им в дальнейшем творчестве.

Игорь Киселев

Сопят кусты, улитка строит рожки,
зевает жаба, светится побег...—
все это гениальные наброски,
пока не получился человек.
Так долго надо было — без конца —
материи мучительно меняться,
чтобы, согревшись мыслью до лица,
по-человечьи плакать и смеяться.
Измерить все добром его и злом,
познать и жизнь и вечное молчанье...
Начала нету ей и нет скончанья —
они во мне затянуты узлом.
Но я благодарю ее опять
за малость бесконечного движенья
и, вспоминая лучшую из женщин,
«Материя, — твержу я, — мать, мать»...
И говорю себе: «Пока Земля
мансарде суматошливой подобна,
Земля пока для творчества удобна
И не совсем удобна для житья».

Пьют жадно газировку у киоска,
и капельки блестят на подбородках...
А каменщик крутой раствор, как масло,
намазывает вкусно на кирпич...
Грохочет где-то станция составами...
А под землей талантливый забойщик,
осилив гравитацию усталости,
выходит на сверхплановый предел.
А школьник это делает у карты...—

и снова деревянная указка
атоходом взламывает льды.
И мать смеется вместе с малышом,
защекотав его лучом дыхания.
А в микромире делится белок...
И жизнь дана, чтоб все мы в этом мире —
от человека до простейшей клетки —
вязали ткань из света и тепла.
...Когда же утолю я эту жажду
и с подбородка капельку смахну?

Геннадий КРАВЦОВ

Из детства

Война окончена.
Базар.
И здесь, толкаясь спозаранку,
с печалью и мольбой в глазах
я продаю резные рамки.
Я ими очень дорожу.
Боюсь, чтоб не разбили стекла.
И цену верную держу,
как наказали — только столько.
Меня швыряет толчея
меж сумок, обуви, фуфаек
и, кажется, — толпа меня
глазами колкими пронзает.
Среди торгов я тих, как мышь,
топчусь застенчиво и кротко
и часто слышу: — Эй, малыш!
Почем кiotка? Слышь... кiotка?
Чуть помолчу.

Вопросы ранят,
хоть с ними я давно знаком,
но важно отвечаю: «Рамки
я продаю не для икон».

К обеду я освобожден.
И словно заново рожден
рекой, кустами, теплым пляжем
и непривычной тишиной,
где дышит солнце за спиной,
где волны голубые пляшут,
где тихо всхлипывает лодка.
И лишь одна на всю округу
вспорхнет испуганно пичуга
и пропищит:
— Почем киотка?!

Дождь в Париже

Дождь.
В кварталах Парижа
брожу, забыв об усталости.

Журналы прячут
от сырости
старательные киоскеры.

Продукты прячет лавочник
от струй,
омывающих крышу.

Девушка прячет под зонтиком
себя
от песен осенних.

Ребята из мотоклуба
устало
жуют бутерброды,
и капли на стеклах бара
лица их искажают.

Рот прикрывая ладонью,
старик под каштаном зевает —
прыгает удивленно
пенсне на его носу.

Автомобили мчатся.
Только красные стрелы
мелькающих стоп-сигналов
режут асфальта серость
и исчезают во мгле.

Визг тормозов — и площадь
окутана дымом несчастья,
и ротоzeи оглохшие
мнутcя у смятых машин.
Судьбы
неоновый росчерк
с кем-то зовет попрощаться.
Влажно —
ноябрьской рошей —
смотрят глаза мужчин.

Приехала скорая помощь.
Мечется скорая помощь.
Поможет ли скорая помощь?

А дождь
нескончаемо
льет.

Сергей ДОНБАЙ

Прелесть смысла

Собирались, собирались,
Наконец они пошли,
И над городом качались
Предосенние дожди.

Из автобуса под ливень —
Лень, а делать нечего...
Зонтик весело поднимем,
Все равно невесело...

Но во всем есть прелесть смысла!
Помнишь, слякоть, темнота...
И качались наши лица
Возле тросточки зонта.

Доброе утро

Мы все молчаливей с утра,
Значительнее и добрее...
Такая настала пора
На небо смотреть, на деревья;

Пернатая свежая ветвь
Поет непрерывно и чисто!
О, как нам прекрасно молчит —
Бьет жизнь, так сомнительна смерть;

И реки теплей на заре,
И светлая внятность природы;
И встретились вновь на земле
Мы, утренние пешеходы!

На Родине

Небольшая сибирская станция,
разве мог я забыть о тебе?
Голос твой навсегда останется
в сумасбродной моей судьбе.
Нет, мне это не снится, не чудится:
вновь я здесь,— через двадцать лет! —
где мой дом на Советской улице
вечерами льет чистый свет,
где ребячью шальную братию
тех далеких военных пор
целый день мог держать в объятиях
маслопромовский грязный двор.
Отшумели те вьюги и грозы
над разливом озер и полей.
Лишь акация да березы
машут зеленью грустных ветвей.
Может быть, и они мне рады —
ведь росли у одних ворот!
Я вхожу, как тогда, в ограду.
Я вхожу и надеюсь: вот-вот
тихо скрипнет оконная рама,
брызнет свет, в дом знакомый маня...
Я пришел к тебе в гости, мама.
Что же ты не встречаешь меня?..

Мальчишки

Среди пустующих трибун
мальчишки клюшками гремят,
мальчишки клюшками грозят,
мальчишки поднимают бунт.

Они пока не мастера,
но в них горит азарта злость.
Им наплевать, что их игра
не принимается всерьез.
Все начинается с игры:
коньки, скользящие легко,
смешной кораблик из коры
и первый выстрел в «молоко».
И первый небольшой успех —
во взрослость озорной бросок...
Еще по-детски чист их смех,
по-детски голос их высок.
Еще на них маститый ас
с високомерием глядит...
Но юность щурит левый глаз,
и пуля в «яблочко» летит.

Дмитрий ГЛАЗОВ

Стужа

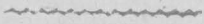
Воробьиными шагами
Прибывают дни.
За глубокими снегами
Нелегко одним.

Весь декабрь шальные выюги
Дверь входную гнут,
Только ходим друг за другом
От окна к окну.

Видим — в беленькой манишке,
Судорожный весь
Дятел швейною машинкой
Прошивает лес.
Припадем к стеклу и слышим —
Через море дрём
Стужа падает на крышу
Мертвым снегирём...

О к т я б р ь

Справа пажити желтыми лентами
И нескошенный в зиму овес.
И последнею вянет календула
За колком облетевших берез.
И мальчишки с замерзшими лицами
По дворам разжигают костры,
И взывают собаки волчицами,
Поджимая хвосты.
...Не поется, не пьется, не пляшется.
Только солнце закатит едва —
То озноб, то тревога привяжется
Или вдруг заболит голова.
То мерещатся люди во множестве,
Шелест писем и шарканье ног —
Словно мучит меня невозможностью
Неисполненный вовремя долг...

Проводы

Случилось так,
Что ни один из них
Во всей родне
В солдаты не годился
И, провожая в армию других,
Всегда стыдась чего-то,
Сторонился.

Отец и дед, и прадед
Никогда
Солдатской жесткой
Не носили скатки.
Из года в год
Какие-то всегда
Врачи в них находили недостатки.

Но все переменялось вдруг.
Слух облетел округу, словно пуля,—
Был признан годным докторами внук
В один из теплых дней
В конце июля.

Ломился стол
От кренделей и пышек.
Каких там только не было сластей!
Дед угощал соседских ребятишек,
Совсем забыв о скупости своей.

Вся ходуном
Весь день ходила хата.
И мать, как мак, от радости цвела.
Она гордилась — первого солдата
В родне своей Отчизне родила.

Когда б стихи мои
В один из дней
Нашли признание у моих друзей,
Но матери не нравились моей,
Я все равно бы
Верил только ей.
Она бы лишний раз
Не суетилась,
А, помрачнев
Иль посветлев, склонилась
И слово бы
Сказала лишь одно,
Но было б
Самым праведным оно.

Леонид БЕРЕЗИН

По Тайдону

Жаканом втиснут
В тугой патрон
Под небом мгlistым
Наш плот в Тайдон.
И вот взведенным
Курком
остер
В бурун разъяренный
Упал багор.
И мы — как выстрел —
Эгей, держись!
Легко и быстро
Помчались вниз
На камни-глыбы —
О, быть беде! —
Плот лезет дыбом —

И мы в воде.
Нас мнет и вертит
Водоворот,
Спешите, черти,
Скорей на плот!
И снова с кручи
Сквозь ливень брызг
Летим по тучам
Куда-то вниз.
Сквозь шум и рокот,
Как пулей лось,
Рубеж порога
Пробит насквозь.
Тиха протока
У камыша
И лишь порогом
Во мне душа,
Над ветроломом
Сосна, как флаг...
А я-то дома
Торчал, чужак!
Мне, домочадцу,
Как этот плот,
По жизни мчаться
Вот так бы вот.
Любой стараться
Прошить рубеж,
Веслом вгрызаться
В кипящий стриж,
Чтоб в вечной силе,
Вперед спеша,
Буруном била
Моя душа.

Зубчатая гора

За тайгой уступчатой,
Где горят голыцы,
На горе на Зубчатой
По краям зубцы.
И на них дремучая,
Выплыв из низин,

Накололась туча,
Как на вилку блин.
Где с Таскыла — пропастью
Ширь во все концы,
Выцелил я компасом
Острые зубцы.
Нет, не слыл я слабеньким,
Но, сбивая шаг,
К мхам, к березкам-карликам
Гнул меня рюкзак.
Говорила вдумчиво
Реченька Растай:
«Думы ты о Зубчатой
О горе оставь,
Горы не горошины,
Враз все не возьмешь,
Ты в тайге нехоженной
Сгинешь, пропадешь».
И дорогой ломкою,
Меж камней звеня,
Повела сторонкою
Речка вниз меня.
Сытой волчьей стаей
Расступился лес.
И гора растаяла
В мареве небес.
Дни мелькают спицами,
Только до сих пор
Неотвязно снится мне
Рванный гребень гор.
За тайгой нехоженной
Видится голец
И рюкзак, наброшенный
Лямкой на зубец.

Олег ПАВЛОВСКИЙ

ТАЙНА КРЕСТОВИНЫ, ИЛИ МРАССУ- ЖЕЛТАЯ РЕКА

ПОВЕСТЬ*

24 июля прошлого года к Кузьме Стрекаловскому вошел собственный корреспондент всеми уважаемой газеты и с ходу, не представившись, сказал:

— Разрешите вас проинтервьюировать...

Кузя поморгал, тряхнул головой и брякнул:

— Простите, но все анализы я сдал еще неделю назад.

— Остался последний,— корреспондент принял его слова за остроумную шутку.— Мне поручено взять у вас интервью для воскресного номера. Материал пойдет под рубрикой «Туризм — лучший отдых».

— Интервью?.. Ясно... Ну, что ж... Прощу...— Кузя провел корреспондента в комнату, пол которой был покрашен голубой краской и напоминал палубу корабля. На полу валялись блесны, лески, части спиннинга, рюкзак, сапоги, портянки и прочее необходимое в плавании снаряжение.

Адмирал предложил корреспонденту расшатанную табуретку, порылся в набитом бог весть чем ящике письменного стола, разыскал старую прокуренную трубку, набил ее табаком, раскурил, выпустил подряд пять аккуратных колечек дыма и лишь тогда произнес:

— Я вас слушаю.

Пораженный обстановкой и Кузиной трубкой, корреспондент долго собирался с мыслями, забыв заранее обдуманные вопросы.

* Печатается в сокращении.

— Скажите, товарищ адмирал,— наконец начал он, смущаясь и краснея,— как все это у вас началось?

— Хм... М-мда... Давненько это было, давненько,— Кузя поерзал в кресле с отломленным подлокотником, принимая более удобную позу и задумался, не зная, с чего начать рассказ.

А началось все с бляхи-мухи.

«Бляха-муха» — единственное ругательство в словесном арсенале Витальки Зайцева, или просто Зайчика, употребляемое им в редких случаях наивысшего раздражения, крайней неудовлетворенности и предельной взволнованности.

И вот...

— Бляха-муха! — сказал Виталька, когда закапала капель, небо стало голубее и прозрачнее, а профсоюзные деятели завздыхали над длинными списками, гадая, кому предоставить путевку в санаторий или дом отдыха, кому — отказать, ибо на восемь желающих приходилась всего лишь одна путевка.

— Бляха-муха! — повторил Виталька. — С этим пора кончать. В конце концов собственное здоровье дороже самого фешенебельного курорта. Я не могу больше видеть подстриженные кактусы и заштопанные шезлонги. Мне противны бифштексы с яйцом и яичница без бифштексов. От соленой воды у меня болят железы, хотя врачи утверждают обратное. Я не могу сутками стоять в очередь за билетами Аэрофлота, я не могу...

На лбу у Зайчика выступил обильный пот. Никогда еще он не выражал свои мысли столь многословно и в столь «изысканном» стиле.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Кузя.

— Плот.

За окном вдребезги разбилась об асфальт крупная сосулька.

— Флот?.. Это интересно, — сказал Кузя.

— Зачем это все нужно? — поморщился Сергей, который тогда еще не был Волнушечкой. У него болели зубы. Он мрачно макал в горячий чай сахарное печенье, и даже оно казалось ему горьким.

— Как зачем? Ты ничего не понял. Ровным, так сказать, счетом ничего. Мы ищем Рио-де-Жанейро за синими морями, а оно у нас под боком. Мы взхлеб читаем рассказы о путешествиях и путешественниках, а сами осаждаем профсоюзные организации, выключивая путевки в какой-нибудь захудалый санаторий или дом отдыха. Мы живем в краю...

— Хватит, — остановил Кузя. — Все ясно. Что же ты предлагаешь?

— Плот, — сказал Зайчик.

— А на плоту?

— Флот! — вскричал Валера. — Я — за! Я плавал на настоящем корабле. Это здорово, товарищи! По морям, по волнам...

— А к-к-конк-к-кретно? — спросил Зайчика начавший почему-то вдруг заикаться товарищ, который под псевдонимом Матвей Сироткин

печатал свои юморески в разделе «Веселая минутка» районной газеты «За урожай!».

— Конкретно?.. Конкретно я, так сказать, предлагаю...— и Виталька уже без предисловий и отступлений начал излагать свой план.

— Гм... В этом есть смысл,— произнес Кузя, выслушав Зайчика не перебивая, что было вовсе не в его характере и доказывало важность и серьезность будущего мероприятия.

— Безусловно, есть,— поддержал Кузю Игнат.

— А к-как с ко-ко-комплексом несовместимости?

— Совместим, не волнуйся,— бодро сказал Валера, расправляя свои могучие плечи. На прошлой неделе он записался в заводскую секцию тяжелоатлетов, а вчера вечером обыграл в настольный теннис парикмахера Мосю Бернштейна, страдающего одышкой.

— Подожди. Сироткин прав, между прочим,— взял слово Игнат. — В тайге нам придется жить, так сказать, семейной жизнью. И если мы начнем препираться по пустякам, как надоевшие друг другу супруги, если кто-то попытается взвалить тяжести бытия на плечи товарищей—это и будет проявлением комплекса несовместимости. А чтобы такого не случилось, я считаю, что нам необходим...

— Заведующий хозяйственной частью,— подсказал товарищ под псевдонимом Матвей Сироткин.

— Помолчи,— одернул его Кузя.— У тебя нет чувства юмора. Нам нужен не завхоз, а адмирал.

— Почему — адмирал?

— Помолчи, говорю, неполноценный ты человек... Настоящий порядок бывает только на флоте. Флот без адмирала — не флот. Поэтому нам нужен адмирал.

— Кузя угадал,— сказал Игнат.— И я предлагаю избрать адмирала нашего флота...

Все почему-то посмотрели на Кузю.

— Я предлагаю избрать адмирала нашего флота...— загадочно повторил Игнат,— тайным голосованием.

Кузьма Стрекаловский тихо вздрогнул.

Было решено скатать шесть бумажек, на одной из которых будет написано единственное слово «адмирал».

Игнат достал блокнот, аккуратно вырвал из него листик, разделил его на шесть ровных аккуратных ленточек и вышел в коридор.

Затем Игнат бросил скатанные трубочками бумажки в пустую салфетницу, встряхнул и первому предложил тянуть Кузе.

Кузя побледнел. Он мечтал стать великим художником, писал при помощи трафарета лозунги в горкомхозе, а дома тайком от жены и дочери разрисовывал картинки в альбомах «Раскрась сам». В результате сегодняшней жеребьевки он видел предначертание своей судьбы.

Собрав волю в кулак, Кузя решительно запустил пальцы в салфет-

нищу, долго там копался, вытащил трубочку, с трепетом развернул и, блеснув взглядом, изменившимся голосом произнес:

— Ну, что ж!

На бумажной ленточке бисерным почерком Игната было написано: «Адмирал».

Продолжать жеребьевку было ни к чему. Игнат тут же выкинул остальные трубочки в раскрытую форточку.

Для такого флота, как наш, лучшего адмирала было не сыскать. Он обладал всеми качествами руководящего работника. У него был зычный голос, крупный нос и голубые располагающие глаза. Он любил читать нотации, издавать приказы, делать замечания. Он мог хлестко выражаться и умел давать обещания и не выполнять их. Поистине, Кузя родился адмиралом. Правда, ему не хватало солидности, — тощ как хвощ, — но в целом его достоинства превалировали над недостатками.

Обо всем этом Кузя и рассказал корреспонденту всеми уважаемой газеты.

Корреспондент строчил в блокноте. Адмирал выжидал.

— Интересно. Оч-чень интересно, — сказал корреспондент. — И сколько вы навигаций проплавали?

— Пять.

— Великолепно! Какая из них вам больше всего запомнилась?

— Все. У меня отличная память.

— Расскажите, пожалуйста.

— Обо всех? — Зрочки у Кузи начали расширяться, нижняя челюсть выдвинулась вперед, пятка левой ноги нервно застучала о голубой пол.

Кузю можно было понять.

Ему предстояло разобрать блесны, найти пропавшие куда-то шнуры от кед и сделать тысячу всяких мелких дел, а тут его заставляли рассказывать о всех предыдущих навигациях.

— Ну, не обо всех, — смешался корреспондент, пораженный грозным видом адмирала, — ну, хотя бы об одной, наиболее примечательной.

— Все наши навигации примечательны, — отрезал Кузя.

— Ну, конечно же... Я об этом не подумал... Вы как-то рассказывали об огромных трудностях, которые вам приходится преодолевать. Почему вы не изберете более легкий маршрут?

— Мы — мужчины, — пыхнул адмирал трубкой.

— Ясно, — сказал корреспондент, занося эту великолепную фразу в свой потрепанный блокнот. — Но почему же тогда вы не берете в свои походы женщин!

— Да потому, что мы — мужчины, — адмирал сверкнул глазами, положил ногу на ногу и забарабанил пальцами по коленке.

— Да-да, я понимаю, — поспешил заверить корреспондент, чирк-

нул в блокнотике, порылся в памяти: — Значит, вы отправляетесь на днях в новый поход?

— Не на днях — завтра, — уточнил адмирал.

— И избрали на этот раз...

— Крестовину.

— П-простите... Не понял.

Адмирал вздохнул и ткнул трубкой в лежащую на столе потрепанную карту — молчаливую свидетельницу всех наших переживаний. Карта была испещрена крестиками, кружочками, стрелочками и другими знаками. После того, как Кузя задел трубкой чернильницу, на ней появилось еще и большое пятно.

— Вот Горная, так сказать, Шория, — Кузя не обратил на пятно внимания, потому что оно залило противоположный конец карты, где были прочерчены линии железных дорог, шоссе и обозначены большие города. — А вот вам Мрассу...

— Вы решились плыть по Мрассу? — вскинул брови собственный корреспондент всеми уважаемой газеты.

— Да-да, — недовольно буркнул адмирал, не любивший, когда его перебивают. — А вот, вверху, у ее истоков две речки: Узас и Кезас. Одна впадает слева, другая справа. Если глянуть сверху, — похоже на крест. Вот вам и крестовина... Ясно?

— Ясно. Но ведь это так далеко. Вполне возможно, что там не ступала нога человека.

Адмирал пыхнул трубкой.

— И вы решили во что бы то ни стало добраться до этой, как ее... крестовины?

Адмирал кивнул.

— А если не доберетесь?

— Мы — мужчины, — процедил адмирал, не вынимая из рта трубки, и встал, дав понять, что аудиенция окончена.

МЫ — МУЖЧИНЫ?

Вертолет взмывает. Ощущение такое, будто тебя специально законопатили в этой бочке, чтобы сбросить потом с тысячеметровой высоты прямо в тайгу. А тут еще Зайчика дернуло за язык рассказать случай, когда у вертолета сам по себе срезался винт. А винт у него, как известно, один-разъединственный. Да и второй пилот, приоткрыв дверцу кабины, предупредил, чтобы около входной двери не шарашились: один вот так же, дескать, шарашился, да ненароком и отвернул крюк-завдвижку. Три дня потом искали — как сквозь землю провалился.

Матвей Сироткин закрыл газа, будто спит. У Кузи самопроизвольно дергается левая нога.

— Кузя, не дергайся, — говорит Волнушечка, не сводя глаз с дверного крючка.

— А я бы за две минуты до земли долетел, — говорит Валера.

— Не долетел бы, — ухмыляется Игнат.
— Долетел бы, — взвинчивается Валера. — На спор?
— Давай.
— Кончайте, — строго приказывает адмирал.
— Все равно долетел бы, — Валера отворачивается от Игната с видом победителя.

— Вот она! — вскрикивает Зайчик и, качнувшись, вlepляется лбом в толстое стекло иллюминатора.

— Кто?

— Мрассу.

Все хотят посмотреть на Мрассу с вертолета. Кто-то тянет на себя занавеску, чтобы лучше видеть. Никелированная планка выпружинивает из гнезда и бьет Кузю по кончику носа. Кролик от такого удара сыграл бы в ящик. Кузя всего-навсего летит в правый дальний угол кабины. Вертолет вздрагивает. Второй пилот показывает из-за двери увесистый кулак. Матвея Сироткина начинает бить мелкая дрожь.

Вертолет резко идет на снижение. Кузя закрывает глаза. Лицо его покрывает мертвенная бледность. Он думает, что вертолет падает. Посадка. Кузя с трудом приходит в себя, выползает из кабины, падает в высокую траву и начинает кататься по земле, тихо поскуливая от радости. Остальные вытаскивают рюкзаки и снасти.

Вертолет улетает, приняв на борт трех пассажиров. В полусотне метров — Мрассу. Широкая, полноводная, зовущая. По обе ее стороны — поселок Усть-Кабырза. На левом берегу, где посадочное поле, он раскинулся километра на три, потом неподалеку от слива Мрассу с Кабырзой переехал на пароме реку и подался по логовине в таежную глушь. Правый берег напротив — сплошная крутая гора с редким жу-старником и скалистыми выступами.

— Ребятки, лось! — восклицает Волнушечка, показывая рукой на гору.

По склону горы, непонятно как удерживаясь на такой крутизне, неспешно спускается к воде какая-то животное.

— Это не лось, — ответственно заявляет Зайчик.

— Может, лосиха? — неуверенно тянет Матвей Сироткин.

— У лосей не бывает на боках пятен.

— Хотите, я за два часа взберусь на эту гору, — говорит ни к селу ни к городу Валера.

— А все-таки это лось, — настаивает Волнушечка. — Или марал. Больше никто по такому склону не пройдет.

Между тем на склоне появляется откуда-то целое стадо пестрых животных.

— Это же коровы, — смеется Зайчик.

— Хотите, я доброшу до них камень? — Валере явно хочется удивить нас больше, чем эти коровы с повадками горных козлов.

— Как же они не свалятся? — удивляется Волнушечка, пораженный открытием.

— Это шорские коровы, — объясняет Зайчик. — Они приспособились к местным условиям. Они могут скакать, прыгать, бегать, брать препятствия. Мне рассказывали — одна из таких коров задрала медведя.

— А молоко они дают?

— Чего не знаю, того не знаю, — развел руками Виталька, подтвердив тем самым, что он всегда говорит правду и только правду.

— Довольно! — Кузя встал, отряхнул от травы брюки, куртку, поправил берет. — Довольно трепаться. Вам бы только языки чесать, а дело кто будет делать...

Адмирал прав. Предстоит закупить хлеб, картошку, соль, сахар и прочее, а главное — разыскать знакомого Кузе руководящего кабырзинского товарища. Этот руководящий товарищ, по словам Кузи, делает для него все.

Матвей Сироткин остается караулить рюкзаки и снасти. Остальные гуськом пошли разыскивать нужную им контору.

Кабырзинский руководящий товарищ поднялся навстречу, вежливо со всеми поздоровался, но Кузю не узнал, хотя Кузя величал его по имени-отчеству и делал какие-то намеки на их бывшее знакомство.

Узнав, что от него требуется, руководящий товарищ тяжело вздохнул, поморщился, заерзал в кресле:

— Далековато решили забраться, далековато... Не лучше ли здесь, в Кабырзе, отдохнуть? И рыбалка ничего, и воздух, и тайга вот она. Молока всегда купить можно, хлебушка свеженького. А потом вниз сплавитесь... Не желаете? Слово, говорите, себе дали. Это хорошо — слово. Да вот с лодками у меня беда. В работе лодки.

— Мы не за так, мы в аренду или в прокат, сколько стоит — пожалуйста.

— Да знаю, знаю, что не за так, только извините... И рад бы в рай, да грехи не пускают. При всем желании ничем помочь не могу.

Они вышли из конторы убитые горем. Золотые лацканы на Кузиной куртке поблекли и вообще вид у них был как у ошипанных гусей.

— Зачем тебе надо было трепаться, что он твой хороший знакомый? — ворчал Игнат. — Если б не твой треп, мы бы избрали другой маршрут или что-нибудь придумали бы. Теперь загорай тут...

— Да-а, бляха-муха...

— Эх, ма, да не дома...

— Узнал он меня, только вида не показал, — оправдывался Кузя. — Мы же с ним вместе однажды в поезде ехали, пиво в вагон-ресторане пили. Приезжай, говорил, я для тебя что хошь сделаю.

— В вагон-ресторане, говоришь?

— Ну да. Я, говорил...

— Все ясно. Можешь не продолжать.

Кузя виновато шмыгнул носом.

— Хотите, я с этим товарищем один на один поговорю, — выпятил грудь Валера.

— Э,— отмахнулся Игнат.

Матвей Сироткин преспокойно спал возле рюкзаков. В иное время ребята обязательно перепрятали бы пару рюкзаков, но сейчас было не до шуток. Все их мечты летели прахом. Да еще адмиральское интервью, которое не сегодня-завтра появится в газете...

— Пойду, посмотрю, чем здесь в магазине торгуют,— сказал Волнушечка.

Он прибежал минут через пятнадцать, весь сияющий, словно побывал на самой крестовине.

— Братцы! В магазин уже два месяца спиртного не завозили!

— А тебе от этого легче?

— Всем нам легче. Ну, как вы не понимаете... Мужики по этому делу так соскучились, что....

— Можешь не продолжать,— вскочил Кузя.— Ты гений, Волнушечка! Переговоры беру на себя,— и возбужденно потер вспотевшие ладони.

И все разрешилось просто, и как нельзя лучше. Во время навигаций устанавливался можно сказать «сухой закон», но на случай простудных заболеваний и для поощрения особо отличившихся товарищей прихватывалась небольшая канистрочка спирта.

Степан Гаврилович Бурков, мужик высоченный и грузный, после третьей стопки клятвенно заверил, что на плечах пронесет лодку хоть за десять крестовин. Судя по комплекции, ему можно было поверить.

Хозяин второй лодки Иван Назаров, тощий, но жилистый, тыкал вилкой в кружку со спиртом и предлагал хором спеть песню Паганеля из кинофильма «Дети капитана Гранта».

— Я отважный капитан, я объездил много стран, и не раз я бороздил океан... — заводил Иван, но не получив поддержки, смолкал, а затем начинал сначала, пока Валера не сообразил плеснуть ему в кружку дополнительную дозу.

Иван выпил, икнул и захрапел. Кузя неодобрительно покачал головой. «Отважный капитан» не внушал ему доверия.

— Пустяки,— сказал Бурков на прощание,— завтра в шесть ноль-ноль будет, как стеклышко.

Бурков подхватил Ивана под мышки и понес, как кутенка, домой. Валера пренебрежительно отвернулся. Кузя же с восхищением поглядел вслед кабырзинскому Жаботинскому и повелел спать. До рассвета оставалось не так уж много времени.

Ровно в шесть Бурков с Иваном явились пред флотом с виду свеженькие, и вроде даже побритые. Лодки выглядели куда хуже. Бортовые доски рассохлись, шпангоуты скособоились, пакля вылезла. Из щелей фонтанчиками била вода.

— И за-а борт ее бросает... — запеваёт Волнушечка, но под свиреным взглядом адмирала обрывает песню.

— Ничего, посудинки вполне исправные,— заверяет Бурков.— Можно подконопатить, конечно. Ваяйте, пока мы за моторами сходим.

Объявляется аврал. Матвей Сироткин тут же выбывает из строя, разmozжив палец. Старая, из года в год повторяющаяся история.

Игнат приносит длинную жердь, прибавляет ее посредине флагманского корабля. Но мачта без флага — тоже не мачта, а флотский вышитый флаг Кузя по присущей ему рассеянности оставил дома. Адмирал готов пожертвовать своим цветастым, в клеточку носовым платком. За неимением лучшего жертва принимается.

— Истинно адмиральский флаг! — торжественно произносит Волнушечка.

Ну, вроде бы все. Равномерно распределяется по днищу груз, Бурков с Иваном приносят моторы, и в 7 часов 28 минут 26 июля корабли вспенили воду. На берегу стояли два годовалых бычка. Они тупо глядели вслед флоту.

Флот окружили лесистые горы и прозрачная вода. У берегов всплескивала рыба. Встречный ветерок полоскал адмиральский носовой платок, то бишь, извините, флаг. Необыкновенным, неиспытанным отдохновением тянуло от окружающего мира, и даже суровый Игнат разулыбался, будто только что родился на свет.

Кузя устроился поудобнее среди рюкзаков, обзрел голубыми глазами пространство и выдохнул:

— Благостно-то как, господи!

Избороздившие Мрассу вдоль и поперек лодочники, видимо, на память знали каждый камушек, каждую отмель, ловко обходили едва приметные глазу бурунки, рискованно проскакивали перекааты, и все твердо уверились, что к полудню крестовина ляжет у их ног.

Хорошо, когда плывешь вот так, когда тебя везут и ты можешь спокойнехонько глазеть по сторонам, курить когда вздумается, макать в воду и грызть сухарь, потому как адмирал не отпустил времени на завтрак и, судя по боевому его настроению, не намерен устраивать привала до самой крестовины.

— Далеко еще? — то и дело оборачивается он к Буркову.

— Отсюда не видать, — хмуро отвечал Бурков.

— Часам к двенадцати будем?

— На реке время не загадывают.

Все чаще стали встречаться острова и островки. Мрассу растекалась на две, три, а то и четыре протоки, и только одному шорскому богу ведомо, каким чутьем мотористы безошибочно направляют лодки именно в ту протоку, по которой можно проплыть, а не сесть на мель или напороться на подводные камни.

Когда поднялось солнце, Бурков пожаловался на головную боль. Волнушечка — заведующий походной аптечкой — с готовностью полез в рюкзак за анальгином. Более сообразительный на этот счет Валера посоветовал пристать на минутку к берегу.

Бурков пренебрежительно отверг анальгин и охотно выпил поднесенную Валерой стопку. Крякнув, Бурков завел мотор и тут же медленно сполз на днище лодки. Если бы Игнат вовремя не подхватил

руль, лодку развернуло бы или врезало в берег. Бурков храпел, умищаясь во сне поудобнее.

— Он не мужчина, — сказал адмирал и отвернулся.

За предыдущие навигации любознательный Зайчик немножко освоил лодочный мотор, Игнат же еще в военные годы познакомился с подобного рода техникой, и вот сейчас они попеременно заменяли лежащего балластом проводника.

Мели попадались все чаще, беспрестанно летели шпонки, мотор Ивана Назарова чихал, как простуженный, тянул плохо. Бурков ворочался во сне, грозя перевернуть лодку. Уже к полудню, проплыв всего каких-нибудь двадцать километров, Кузя понял, что не видать им, кажется, крестовины, как своих ушей.

Все приуныли, один лишь Матвей Сироткин вроде бы даже воспрял духом. Впрочем, никто этому не удивился. Юмористы-сатирики все воспринимают не как обычные люди. Жизнь для них — сплошное кривое зеркало.

Иван Назаров неожиданно заглушил мотор и ткнул лодку носом в травянистый берег. Игнат подчалил артистически, борт в борт, но заслуженных аплодисментов не дождался — все смотрели только на Ивана Назарова.

— Что случилось?

— Кажется, все, отъездили, — в голосе Ивана не было, однако, никакого сожаления.

— Т-то есть как отъездили? А договор? — вытянул шею Кузя.

По договоренности Бурков с Иваном должны были добросить флот до крестовины, оставить лодку с мотором и бензин. За это по возвращении им отдавали всю хозяйственную утварь и сравнительно небольшую сумму денег.

— Какой тут договор... — Иван поднял мотор.

Из воды показался винт с отвалившейся лопастью. Запасного винта не было.

— По морям, по волнам, — неожиданно пропел Матвей Сироткин.

— Эх, в крестовину твою... — в сердцах ругнулся Игнат, вылез из лодки и стал пригоршнями пить взбаламученную воду.

— М-может, еще протянем? — жалобно выдавил Волнушечка.

— На чем протянешь? На этом?.. — окрысился Иван Назаров, показывая на поломанный винт.

— Тяпнуть с горя, что ли? — невзначай вырвалось у Валеры.

— Я тебе тяпну... Я тебе так тяпну... — Адмирал, кажется, начал приходить в себя. — Дотяпались... Дисциплину подорвали, технику из строя вывели... На кой черт ты этому бугаю стопку подносишь? А ну разгружайся, нечего сиднем сидеть. Бензин есть, лодка есть, сами будем плыть дальше. Мужчины мы, в конце концов, или не мужчины!

СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ПОДВОХ?

Ни одна навигация не начиналась с такой нервотрепки, как эта. Казалось, все было против флота, даже сама природа.

— Может, кто согрешил в чем? Сознавайтесь!.. — сказал Кузя. — Замолим сообща грехи у шорского бога.

Все считали себя безгрешными.

Весь груз из лодки Ивана Назарова вынесли на берег, безуспешно пытались разбудить Буркова, да так спящего и завалили на промокшее днище Иванова корыта.

— Вы уж, ребята, извиняйте, — забормотал Иван, отводя глаза в сторону. — Кто ж его знал... Винт у меня в порядке был... Теперь вот самому самосплавом придется. Вы тоже поосторожней с мотором. Мы к вам всей душой. Ребята вы хорошие, на вас надеяться можно, не обманете....

Иван, конечно, имел в виду обещанную плату.

— Не бойся, мы не такие, как у твоего отца дети, — проворчал Игнат.

— Да я ничего, я так...

— Ладно, отважный капитан, отчаливай! — грубо оборвал Ивана Кузя.

Иван словно этого только и ждал. Он сноровисто схватил шест и, ловко орудуя им, направил лодку вниз по течению.

— Алкаши несчастные, — сплюнул Кузя, сорвал с головы берет и бросил его оземь.

Молчавший все это время Зайчик поглядел вслед удаляющейся надежде и заявил:

— Это не случайность. Это преднамеренный, так сказать, подвох.

— Что ты имеешь в виду?

— Все. Давайте восстановим события по порядку... То, что руководящий товарищ не признал Кузю, пусть это лежит на совести обоих. А вспомните, как воспринял Бурков наше предложение подбросить до крестовины. Чесался, ежился, говорил, что река обмелела, дождей давно не было. Это уж потом, после стопки расхрабрился. На плечах донесу... Вот и донес, бляха-муха... Далее... Почему они за мотором столько времени ходили?

— Бурковский-то, вроде, ничего мотор, — вставил Игнат.

— Подожди, посмотрим еще. Слушай дальше. Неужели пятьдесят грамм спирта могли такого быка с ног сбить? Сам нарочно расслабился.

— Ну, это ты зря. Два месяца мужики в рот не брали — вот с непривычки и...

— Не знаю, может быть, и с непривычки. Но я еще самого главного не сказал. Кто из вас на излом винта внимание обратил? Никто. А я обратил. Лопасть винта давно была лопнувшей. Иван только и ждал момента, когда она совсем отлетит.

Позади раздался треск падающего дерева. Это Валера для успокоения нервов с корнем выдрал из земли огромную сухостойну.

— Но почему? Почему они не захотели добросить нас до крестовины? — жалобно-возмущенным тоном спросил адмирал.

— В том-то, бляха-муха, и вся загадка.

— Это никакая не загадка, — молвил после долгих раздумий Волнушечка. — Это — тайна.

— Не вижу разницы, — сказал Кузя.

— Разница есть. Загадку можно отгадать лежа в постели или вот как мы — на травке. Тайна же раскрывается только на месте.

— Пожалуй, в этом есть определенный смысл, — сказал Кузя. — Ну что ж... Мы раскроем тайну крестовины. Полный вперед!

— Куда вперед? — осадил Кузю Игнат. — На чем? Чтoб только одну соль везти — отдельная лодка нужна, черт бы побрал этого ломовика.

Дело в том, что Валера Ломов, ожидая на крестовине необыкновенного улова, настоял, чтобы флот взял с собой тридцать килограммов соли. Продавщица смеялась, говорила, что этой солью можно всю рыбу в Мрассу пересолить, но Валера был неумолим. Он хорошо помнил случай, когда им однажды не хватило с полкило соли, — а брали-то всего четыре килограмма, и вот теперь решил не рисковать. «Я сам ее на себе потащу, если потребуется», заявил он.

— И потащу, — сказал Валера, расправившись с сухостойной.

— Крестовина, маты моя... — запел Волнушечка на мотив известной песни:

— Тихо!.. Есть идея... — сказал Зайчик.

Идею Зайчика одобрили в целом и затем разработали в деталях.

Игнат с Валерой, бочкой бензина, ведрами и снастями, мешками с хлебом, картошкой и солью пробиваются, насколько возможно, на лодке. Остальные превращаются в туристов-горбачей и, взвалив на горб, то бишь на спину, рюкзаки, двигаются, опять-таки насколько возможно, по берегу. Затем Игнат где-то, в благоприятном для ночевки месте, высаживает Валеру с грузом и возвращается за четверкой.

Перекусили тушенкой, запили сухоятину мрассинской всдичкой и двинулись в путь.

Шагать с рюкзаком в тридцатиградусную жару по гладкому асфальту, наверное, куда ни шло, но продираться с ним по тайге без тропы, в сопровождении полчищ поднятой из травы нечисти — комарья, мошкар, мух, паутов — участь каторжная.

Первые полсотни шагов Кузя шел бодро, выкрикивая: «Вперед, друзья! Даешь крестовину! Не по воде, так пехом!», но на пятьдесят первом шаге покачнулся вправо, на пятьдесят втором — влево, а на восьмьдесят шестом, с трудом одолев не так уж толстую жоряжину, предложил передохнуть. Волнушечка и Сироткин тут же сбросили рюкзаки с таким облегченным вздохом, будто прошагали не меньше пяти километров.

Зайчик ошалело посмотрел на лежащую ничком компанию.

— Вы что, сдурели? Да если через каждые восемьдесят шесть шагов привал будем устраивать, то мы и километра до вечера не пройдем.

— Правильно, — согласился Кузя, — не пройдем. Мы не лошади. Клянусь именем шорского бога, не понимаю выючных товарищей-горбачей, которые находят в подобном способе передвижения какое-то удовольствие.

— Я тоже не понимаю, — сказал Матвей Сироткин. — У них, на мой взгляд, нет никакого чувства юмора.

Адмирал одарил Сироткина благосклонной улыбкой и продолжил:

— Ну, горбачи, ладно, им на роду написано пехом тайгу таранить. А мы — души морские, нам это совсем ни к чему. Ну, пройдем километр или два. А что выгадаем? Только измотаемся без толку. Игнату же на лодке, да по течению эти два километра — пять минут и никакой бесполезной траты силы. Так что я предлагаю оставаться на месте и ждать Игната здесь.

— Почему же ты при Игнате не сказал об этом? — спросил Зайчик.

— Просто не пришло в голову.

Игнат объявился только в сумерках. Злой, как черт, он подплыл неслышно, с силой шлепнул шестом по воде и разразился кондовой бранью.

— Разлеглись. Обленились? Лишнего шага сделать боитесь, таежники... Шпонку из-за вас на последнем перекате сорвал, руки шестом намозолил, возитесь теперь сами. — И Игнат, тяжело выпрыгнув из лодки, завалился в траву.

Кузя тут же поднял голенища сапог, забрел в воду, засуетился возле мотора, не зная, как к нему приступить. Любой механизм для него, вплоть до шариковой ручки, всегда оставался неразрешимой загадкой.

— Ну, что же вы? Давайте эту самую шпонку... Куда ее вставлять?..

— Загружайсь, бляха-муха...

Вода напоминает солярку, берега сдавлены, скалы вот-вот рухнут, подводные камни притаились, как хищники, ожидающие малейшего промаха, перекаты ревут, готовые в любую минуту заглотить добычу.

Игнат осторожно ведет корабль, держась на случай ближе к берегу.

Кр-р-ряп!

Мель. Ну, это не страшно. Игнат заглушает мотор, все без приглашения вываливают за борт, тянут изо всех сил лодку.

Ага! Глубина!

Игнат дергает шнур стартера, включает скорость. Мотор работает, но лодка не двигается с места. Хуже того, ее начинает сносить.

— Держи, в крестовину твою... — не своим голосом кричит Игнат.

Матвей Сироткин выпрыгивает первым, но в темноте хватается не за борт лодки, а за торчащий из воды камень. Он долго не отпускает его, уверенный, что с честью оправдывает доверие товарищей. Смеяться некогда. Надо менять шпонку.

Через километр-полтора шпонка летит снова, хотя мотор ни разу не скребанул дна.

Что за напасть!

Шестами подгоняют лодку к берегу. Игнат поднимает мотор, снимает винт... Втулка разработана настолько, что приходилось удивляться, как вообще передвигались.

— Амба! — сказал Игнат.

— Ну? — спрашивает Зайчик. — Случайность или подвох?

Берег давит непроглядной тьмой, только вода теперь почему-то отликает холодным рассеянным светом. Приходится идти где на шестах, где просто волоочь лодку. До Валеры добираемся за полночь. Измученные, промокшие до костей, голодные. Не хватает даже сил выругать заспанного Валеру, который установил палатку на прибрежной гальке и не развел костер. Ну, ставить палатку в сумерках среди молчаливых пихт и высоченной травы одному, понятно, страшно. Но костер-то можно было разжечь...

Оказывается, некурящий Валера не подумал о спичках. Спыхватился, когда Игнат был уже далеко и кричать или догонять его было бесполезно.

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Местечко великолепное. На взгорке — ровная, поросшая папоротником полянка. Сухостоя для костра — завались. Метрах в пятидесяти, под подпирающей небо скалой, глубокий омут — раздолье для таймешатников. Повыше, за перекатом, длинное и тоже глубокое плесо. Ниже омута влево уходила не то протока, не то курья. Скорее — протока, потому, что вода мчалась по ней почти с той же стремительностью, что и по основному руслу. Значит, принятый ночью за коренной левый берег был островом.

— Карту! — потребовал Игнат.

По карте выходило, что от Усть-Кабырзы отплыли всего ничего, а до крестовины еще десять раз по столько.

— Даже до Кыльзата не добрались, — сокрушался Игнат.

Кыльзат — обозначенная на карте извилистой черточкой речушка, впадавшая в Мрассу с левой стороны. Выше, но уже справа — Черная речка, еще выше, и тоже справа — Кизас, а уж потом, километрах в тридцати — Узас с Кезасом — почти недосыгаемая теперь крестовина.

— Ну, и что будем делать? — спросил Кузя.

— Мотор чинить будем, — отрезал Игнат и направился к лодке. Зайчик засуетился возле Игната, Кузя сел перебирать блесны —

любимое «хобби» адмирала. Сироткин занялся подготовкой к обеду — отбывал внеочередное дневальство, а Волнушечка с Валерой накопал червей и решили попытать свое рыбацкое счастье.

Они перебрели обмелевшую Мрассу по перекату и пошли по берегу протоки. Волнушечка, как всегда, отстал. Он считал, что настоящему рыбаку спешить ни к чему. Рыба, как говорится, может быть и в луже, нужно только суметь ее выловить.

Волнушечка выбрал удобное местечко и стал забрасывать удочку. На десятом или пятнадцатом забросе поплавков резко ушел под воду. Волнушечка не ожидал этого, и подсечь рыбину не успел. Но главное — поклевка. Есть поклевка — будет и хариус.

У Валеры на такой метод ловли не хватает терпения. Раз не клюнуло, два — и Валера ломит дальше в надежде набрести на струйку или омут, где хариус берет жадно, без промаха, как пескарь. Вот и сейчас, когда Волнушечка вытащил первого хариуса, Валера, перебрывая на другой берег, — там ему виделась заманчивая излучинка, — уже успел черпнуть в сапоги настывшей за ночь мрассинской воды и теперь выжимал портянки. Когда же Волнушечка поймал вторую рыбину — Валеры и след простыл.

Примерно так через час Волнушечка услышал зов. Валера стоял посреди протоки, метрах в ста от него, призывно махал руками и что-то орал. Из-за шума реки слов разобрать было невозможно.

Волнушечка жестами показал Валере, что хариус у него ловится и зря мотаться по протоке нет никакого смысла. К тому же предназначенная под рыбу сумка бессильно свисала с Валериного плеча.

Валера однако оказался настойчив, как никогда. Он грозил кулаком, тряс удилищем, резал ладонью по горлу и таким образом все же достиг цели. Волнушечка смотал удочку, перекинул через плечо сумку с пятком хариусов и пошел к нему, готовясь в случае пустобрехства выдать Валере все положенное.

— Слышишь? — на лице Валеры розлило торжество первооткрывателя.

В общем равномерное клокотанье протоки врывался бурлящий гул, словно за тем вот мыском воду довели до кипения.

— Слышу.

— А сейчас увидишь. Пошли... — и Валера решительно, черпая сапогами воду и не обращая на это никакого внимания, направился к мыску.

— Кызлаг? — выдохнул Волнушечка.

— Он самый. Остров-то на карте не обозначен, мы и проскочили. С адмирала сегодня причитается. Пошли, исследуем, чтоб доложить по всей форме.

— А время? Мы ж обещали к обеду вернуться.

— Ничего, за такое простят, — Валере не стоялось на месте, он весь ходил ходуном, словно готовился к старту на длинную дистанцию. — Ну?

Волнушечку непросто было уговорить на что-либо, он любил подумать, взвесить все «за» и «против», но перед таким напором не устоял.

— Пошли...

Логовина, по которой бежал Кылгаз, поросла тальником, черемухой, березой. На склоне холма правого берега — буйные заросли кипрея, медвяного белоголовника, пучек. Тут, видно, когда-то было пожарище, и лес так и не смог больше подняться. Зато левый берег речки — нехоженная тайга со столетними соснами, пихтой, кедром.

Это в устье. А дальше склоны словно решили поменяться растительностью. И едва приметная охотничья тропа тоже переходит потом с правого берега на левый. Брод мелкий, чуть выше щиколоток, и вообще Кылгаз больше похож на ручей, чем на речку, но глубокие омутки, крутые и быстрые излучины, затаенная тишина вокруг говорят, что хариуса здесь — лови не выловишь.

Валера порывается вытащить из чехла удочку, но Волнушечка толкает его в спину:

— Мы как договаривались? Или до истока дойти, или когда идти нельзя будет. Так?

— Ну, разок...

— Никаких разков. Шуруй...

Сразу за бродом поляна. Сплошная стена травы и крапивы. Все говорит о том, что когда-то здесь жили люди: и полусгнившие остатки избяных срубов, и бывшие покосы на склоне пологого холма. Травы столько, что любому животноводческому совхозу хватило бы прокормить свой скот не одну зиму. Душный аромат ее окутал округу, словно туманом. Трава перевила, перекрыла тропу, и Валере с Волнушечкой приходится идти как бы на ощупь, шаркая подошвами сапог.

Они уже изнывали от наступающей жары, когда тропа вдруг круто свернула от речки и пошла в гору. В сплошных зарослях тальника и перевитой хмелем черемухи Кылгаз раздваивался, и трудно было определить, где основное русло, а где впадающий в речку ручей. И тут и там мелкая вода тихо журчала по илистому дну, омутки исчезли, духота стала невыносимой.

— Дальше, по-моему, переть нет смысла, — сказал Волнушечка.

— По-моему, тоже. Начнем? — Валера взмахнул чехлом с удочкой.

— Валий.

— А ты?

— Перекурю.

Валера не стал дожидаться и, раздвигая заросли плечами, ломая сучья и прогнившие валежины, попер напролом. В силу своего характера он всегда и во всем стремился быть первым и когда это не удавалось, тяжело переживал свою неудачу. Волнушечка тоже не любил уступать первенство, и на этой почве их никогда не брал мир. Стоило Валере увидеть, что Волнушечка тянет, скажем, рядового пескаря, как он тут же пристраивался к нему, да еще начинал досажать за-

мечаниями. Волнушечка приходил в ярость, кричал, что река большая и нечего таскаться за ним, но Валеру криком не прошибешь. Он лишь набычивался и с завидным упорством продолжал рыбачить впритык к Волнушечке, пока тот не выдерживал и не уходил на новое место. При этом Волнушечка старался выбрать такой камень или такие кустарники, чтоб уж никому нельзя было пристроиться рядом. И тогда Волнушечка торжествовал, а Валера готов был развеяться от досады.

В свою очередь Валера не воспреещал пристраиваться к нему, он был даже доволен, потому как рыбачить в одиночестве для него тоска смертная. Не перед кем было похвалиться вытянутой рыбиной или показать раздвинутыми до предела руками, какой дурила сорвался у него с крючка.

— Видел, а? — восклицает Валера и страшно расстраивается, если сосед говорит «нет».

Перекурив и отдохнув, Волнушечка двинулся искать свой заветный омут. Еще издалеко он заметил вздымающуюся над берегом Валерину удочку, обошел его стороной, чтоб не пугать хариуса треском сучьев, и чуть ниже вышел на очень удобное для рыбалки место.

Кустарник у берега был невысок, не мешал забросам и в то же время хорошо скрывал рыбака от настороженных рыбьих глаз. Вода после небольшого переката круто падала, устремляясь в узкое пространство меж двух коряг, и образовывала симпатичный такой омут, в котором наверняка пасся не один десяток отменных хариусов.

Осторожно, чтоб не задеть нависших над водой ветвей, Волнушечка забросил удочку и тут же вытащил жадно заглотившего наживку хищника. Второй заброс — и снова приличная рыбина. Волнушечка забросил в третий раз — и тут услышал у себя за спиной треск и пыхтение. Это Валера спешил ему на «помощь». Не оборачиваясь, Волнушечка погрозил кулаком. Где там! Валера спешно наживил крючок, и его поплавок с громким хлюпаньем упал в воду. Волнушечка поторопился с подсечкой, вытащил пустую леску, снова забросил, но неудачно — поплавок плюхнулся около коряжины и крючок вместо рыбьей пасти вонзился в дерево.

По-рыбацки Волнушечке следовало оборвать поводок или леску, сделать новую снасть и продолжать рыбачить. Но он, разозленный поведением Валеры, резко потянул удилице на себя, коряжина поднялась, взбаламутила воду, сорвалась с крючка и навела среди хариуса такого шороху, что до завтрашнего дня здесь делать нечего.

— Ты что натворил? — взвинулся Валера, играя желваками. — Ты не рыбак... Ты... Ты... — он никак не мог подобрать подходящего оскорбительного слова.

— Не твое дело.

— Крючка пожалел, да? Так я тебе десяток могу дать.

— Не шуми. Рыбу испугаешь.

— Что?! — ноздри Валеры хищно раздулись. — Это я шумлю? Как у тебя язык поворачивается! Такую рыбалку испортить!

— Ты и испортил.

— Я?!

— Ты. Рыбачил бы на своем месте... Я тебя сюда не звал.

Этого Валера выдержать уже не смог. Он вломился в чашобу и через минуту исчез, оставив за собой глубокий пролом в прибрежном кустарнике.

Волнушечка же покурил, намазался «Дэтой» — донимало комарье — и не спеша стал спускаться по речке, останавливаясь у омутков, возле которых уже успел побывать Валера. И не заметил, как зарыбачился до сумерек. Тогда Волнушечка вышел на тропу и зашагал по ней, пронзительно свистя через каждые полсотни метров на случай, если Валера не ушел с речки.

В лагерь Волнушечка пришел почти затемно, гордо сбросил с плеча тяжелую сумку, но его словно не замечали. Сироткин возился у костра, Зайчик потрошил тайменя, Кузя распутывал «бороду» у своего спиннинга, Игнат что-то точил на пне напильником.

— Налились? Ну, извините, ребята. Сами знаете — такое дело.

— Какое дело? — первым отозвался Сироткин. — Я из-за вас от костра не отходил, все обед подогревал. И ребята извелись — не на гулянку, в тайгу ушли. Где вас черти носили?

— Как это — где? А Валерка разве... — и тут Волнушечка заметил, что Валеры в лагере нет. — Пойдите... Валерка что — не приходил?

— Нет.

— Разыгрываете?

— Еще не хватало!

Волнушечка заглянул в палатку, пошарил по кустам, вышел растерянным. Ссора ссорой, но оставить в тайге товарища — последнее дело. Тут места незнакомые, Валера мог и в яму сверзиться, и ногу вывихнуть, и мало ли что...

Волнушечка схватил фонарик, палку, чтоб нащупывать дно при бросе, и кинулся обратно.

Вспокоился и Кузя, бросил «бороду», стал искать сапоги.

— Сиди, — остановил его Игнат. — Адмирал должен при корабле находиться. Где мелкашка?

Игнат осторожно, по-охотничьи, слегка пружинящим шагом пошел вслед за Волнушечкой.

В темноте и вода, и берег, и трава, и деревья глядятся по-иному. И невольно вздрагиваешь, когда прокатывается по дну камень или вспархивает из кустов вспугнутая птица. Даже хруст сучьев под ногами отдается много резче и громче, чем днем.

Волнушечка перебрел Мрассу, остановился. По какой дороге пойдет Валерка? Разойдешься — блуждай потом, ищи друг друга. Зря второпях мелкашку не взял — пальнуть можно случай чего. Ну да не возвращаться же. Через остров путь короче. Но там такие заросли — в темноте черт ногу сломит. По берегу протоки идти проще, но нужно лишний раз перебрывать Мрассу.

И все-таки Волнушечка решает идти по острову. Валера наверняка сократит путь, а заросли для него ничего не стоят. И точно — вскоре раздается непомерно громкий хруст веток и перед Волнушечкой вырастает Валера.

— Ты? — Валера поражен. Никак он не думал, что после ссоры Волнушечка пойдет его искать.

— Нет, привидение, — отвечает Волнушечка.

— Понимаешь, на омуток напал, — начинает оправдываться Валера, хотя Волнушечка ни в чем пока его не обвинял, — и недалеко совсем, за своротом, как к броду идти. Ну, там еще береза такая стоит, — Валера растопырил руки. — И клев как раз на закате начался...

— Клев клевом, а на свист почему не отзывался?

— Не слышал, старик, вот хоть чем угодно поклянусь, — не слышал. Неужели я бы... Ты что! А вообще я понимаю... Утром я, конечно, дурака сваял. Ты уж извини. Характер такой дурной. Я сам потом переживал...

— Ладно, чего там. Оба хороши. Пошли, Игнат напильником зуб на нас точит.

Первым в лагерь вернулся Игнат. Положил на место мелкашку, взял напильник, будто и не сходил с места.

— Ну? — спросил Кузя.

— Чего — ну? Плетутся. Дай им взбучку покрепче. Обоим.

— Это мы можем, — адмирал потер руки. — По первому разряду, с крестовиной выдадим. Эй, юморист, бросай рыбу в уху. Проголодались ребята, как волки сейчас накинута. Но сперва я им все-таки насыплю. На полную катушку. Дисциплина на флоте превыше всего!

ВОТ ЭТО УЛОВ!

Хорошо просыпаться на рассвете! Выползешь из душной палатки — и тебя сразу берет в клещи крепенький холодок. Сна как не бывало. Поклацаешь зубами, пробежишься по лагерю туда-сюда, поприседаешь, раздуешь костерок, ополоснешься ледяной водичкой и почувствуешь себя настоящим неандертальцем, готовым сразиться хоть с десятком мамонтов.

Горы еще темны, скалы серы, вода в реке свинцового цвета и только бурунчики от подводных камней серебрятся, курлыкают пожуравлиному. Нет еще ни мошкеры, ни паутов, ни ос. Тишина оглушающая. К шуму реки все так уже попривыкли, что совершенно его не замечали.

По крутым склонам, путаясь в вершинах кедрача и елей, ползут, как паровозные дымы, облака предутреннего тумана. Чуть-чуть золотится кромка леса по верху горы. Свежесть в воздухе такая, что зажатую в пальцах сигарету хочется выбросить, но привычка берет свое, и ты вытягиваешь из костра веточку с горящим кончиком, прикурива-

ешь, и только тогда испытываешь полнейшее блаженство, которого не знают некурящие Зайчик и Валера.

Не знал этого и Игнат, хотя выкуривал по две пачки сигарет за день. Просыпался он обычно последним, долго и тщательно одевался, чистил зубы, фыркал, умывался, проверял удочку, доставал из своих тайников мешочки с червяками и ручейником, а потом неожиданно обрушивался на всех: копошиться, дескать, солнце уже вон где, давно рыбачить пора, а вы все еще чего-то канителитесь...

И потому все мы немало были удивлены, когда сегодня Игнат поднялся чуть ли не раньше всех и напал на дневального, почему он так долго возится с завтраком. Наверняка ему снились Кылзаг и хариусы, которые во вчерашнем Валеркином рассказе выглядели так:

— Иду, слышу... клокочет. Водоворот? Пороги?.. Я туда... Река! Да какая! Омута — во! Хариус — во! Не верите — спросите Волнушечку. Как заброс — хариус. На червя берет, на муху берет, на комара даже берет, сам пробовал. Бабочку поймал — с ходу во-от такой взялся. Сорвался, правда. Крючок-то у меня седьмой номер, а тут давятый в самую пору. Тропа — асфальт, ходу — двадцать минут. А клев — за все навигации такого не видывал. Не верите — спросите Волнушечку...

Игнат торопил. Хариузятник он был завзятый.

— А крестовина? — спросил Зайчик.

— Подождет.

— Эт-то как понимать? — заморгал голубыми своими глазами Кузя. — Ведь мотор-то мы починили.

— Мы пахали, — не удержался Матвей Сироткин.

— Мы — это мы, — сказал адмирал, — и ты свои претензии на юмор бросай, а то вверенной мне властью...

— Я пошутил, товарищ адмирал.

— Глупые шуточки... Значит, разбиваем лагерь здесь?

— Подожди с лагерем, — сказал Игнат. — Вот посмотрим на Кылзаг, тогда и решим. А вы с Зайчиком поспиннингуйте пока. Может, и тебе удача выпадет.

— Ну, валяй — дуйте, ни дна вам ни покрышки, — согласился Кузя. Ведь как-никак Зайчик выволок вчера приличного таймешонка.

— За мной! — скомандовал Валера и замер на месте.

Сверху послышался ровный гул мотора. А через несколько минут из-за поворота щукой вынырнула лодка. На носу сидел мальчонка лет двенадцати, за мотором — кряжистый мужик в стеганке и шапке. Завидя флотилию, он вывернул руль, ловко обошел выступающий из воды камень, подчалил к берегу и заглушил мотор.

— Здорово, мужики! На рыбалку собрались?.. Омута тут хорошие. А куревом не богаты? Со вчерашнего не курил. Не рассчитал.

К нему разом протянулись четыре руки с сигаретами.

— Бери всю, — Кузя сунул мужику только что распечатую пачку. — Мало ли в дороге...

— Спасибо,

— С рыбалки?

— Плохая нынче рыбалка. Баловство одно. Штук тридцать всего и взял. Вода здорово спала, на глубину рыба ушла.

— Тридцать-то штук и я вчера за полдня выловил, — не преминул похвалиться Валера. — Да Волнушечка... И ничего хариус, приличный, граммов по триста.

— Ну, у меня покрупнее будет, — сказал, ухмыльнувшись, рыбац. — Откинь-ка брезент, Андрюша.

Мальчонка шмыгнул носом, переступил через лежащий вверх дном ящик, отвернул край брезента, прикрывавшего рыбу.

У Валеры судорожно дернулся кадык. Кузя раскрыл рот и часто задышал, словно ему не хватало кислорода.

— Н-ничего, бляха-муха! — как можно спокойнее постарался сказать Зайчик.

Под брезентом лежала куча тайменей. И все, как на подбор, — килограммов по шесть. У них были тупые пасти и красноватые брюшки.

Мальчонка посмотрел на Кузю, засмеялся и закрыл рыбу, тщательно подоткнув под нее брезент.

— На спиннинг? — спросил Зайчик.

— Само собой. Это геологи, случается, рвут, а нам свою кормилицу обижать негоже.

— И далеко рыбачили?

— Да не так чтобы...

— А хариус там как? — спросил Игнат.

— Этой-то мелочишки кругом полно. Ну, бывайте! Мне еще на работу поспеть надо. Спасибо за курево!..

Мы долго еще стояли, как оглушенные.

— А ведь он, бляха-муха, на крестовине был...

— И скрыл. Отсюда следует...

— Плюнуть на Кылзаг и добираться до крестовины.

Все посмотрели на лодку. Вид у нее был весьма плачевный. Мотор тоже не внушал доверия, хотя втулку и стягивала банка из-под сгущенного молока.

— Есть предложение! — сказал Волнушечка. — Валеру с солью пустить по берегу, Сироткина оставить — ему все равно где пузо греть, адмирала...

— А-атставить! — прикрикнул на Волнушечку Кузя. — Шутить будем на крестовине. Загружайсь! Полный вперед!

КОГДА МОЛЧАТ СКАЛЫ

Одно дело, когда тебя везут, другое — когда сам отвечаешь за каждый шаг, каждое движение. И, пожалуй, только сейчас по-настоящему ощутили коварный нрав Мрассу, и чем выше поднимались, тем сварливее, беспощаднее, злее становилась река.

Зайчик осторожничают, неохотно прибавляет скорость даже на тихих безобидных плесах. И тогда Валера начинает катать желваки: «Прибавь газу. Ну, чего резину тянешь? Боишься, да?».

— Тише едешь, дальше будешь, — спокойно отвечает Зайчик. — Успеешь выкупаться.

Валера злится, но вдохнуть в рассудительного Зайчика свой необузданный энтузиазм не в его силах.

Валера с Сироткиным вычерпывают воду, которая сочится во все щели. Игнат сидит на корме, готовый в любую минуту подменить Зайчика. Кузя возлежит на рюкзаках возле мачты. Волнушечка — впередсмотрящий. На его ответственности лежит указывать мотористу дорогу заранее согласованными жестами: вправо, влево, прямо.

Бочку с бензином, соль, картошку, половину хлеба оставили на месте ночевки. Решили плыть, сколько сил и бензина хватит. А потом как-нибудь вдвоем сплавиться за оставленными припасами. Другого выхода нет.

Кррррарапп....

Зайчик моментально глушит мотор, иначе взвинченным водой камушком ударит по винту — и прощай шпонка. Хорошо еще, лодка оборудована специальной отбойной решеткой под мотором, не то шпонки летели бы через каждые десять минут.

Волнушечка первым выпрыгивает в воду. Его обязанность — удерживать нос, чтобы лодку не развернуло боком. Следом вылезают остальные и... раз-два взяли...

Течение сбивает с ног, дно скользкое, как рыба чешуя, а тут еще лодка. На двести метров мели уходит с полчаса. В какой-то момент даже Игнату хочется плюнуть на все, повернуть к берегу и ну ее к черту, эту самую крестовину. Но крестовина так зовет и манит к себе неведомыми тайнами и необыкновенной рыбалкой, что в конце концов обретаешь второе дыхание и прешь вперед до белых пятен в глазах.

Кузя, как и все, в меру сил тянет свою лямку. Но его подводят труссы. Резинка на них ослабла, и когда бегущая навстречу вода достигает пояса, труссы скатываются и Кузя оказывается стреноженным. Пока он отчаянно борется с течением и непослушными «семейными» труссами, лодку выводят на глубину, ждут Кузю. Он в изнеможении валится на рюкзаки. Зайчик заводит мотор и корабль спокойно рассекает зеленоватую воду Мрассинского плеса до следующей мели.

Но мели, в общем-то, ерунда. Во всяком случае, флот ни капельки не рискует перевернуться или пропороть днище. Иное дело — перекат. Сплошное нагромождение лобастых валунов, подводных камней и плит, меж которых вскипает и мечется вода, издали кажется непроходимым. Волнушечка до рези в глазах напрягает зрение, отыскивая среди этого вспененного ада мало-мальски подходящую струйку. И тут уж не дай бог, сесть на камень. Лодку в мгновение развернет, захлестнет и... спасайся кто как может. Матвей Сироткин перед каждым перекатом делает намеки глубоко пессимистического характера.

Но и перекааты опять-таки ерунда в сравнении с прижимами. Тут все воды Мрассу устремляются в один, шириной в несколько метров, неустойчивый поток. И поток этот всей своей мощью пытается сдвинуть с места вставшую перед ним преграду — почти квадратную отвесную скалу.

Скала есть скала. Она стоит твердо, не желая уступать дорогу кому бы то ни было. Мрассу бесится, скрежещет камнями, пытается как бы проткнуть своими водами эту тупую твердыню, но тщетно. И тогда, обессиленная неравной борьбой, она вынуждена капитулировать и повернуть в сторону, раскатившись по глубокому плесу.

— Ну, что будем делать, бляха-муха?

Можно, конечно, не рисковать, протаскать лодку и груз по берегу, но какие они тогда матросы, если дрогнут перед таким препятствием.

— Давай!..

Только бы не подвел мотор. Стоит ему заглухнуть на выходе из прижима, и лодку так вдарит о скалу, что потом и щепок не соберешь.

— Ну, бляха-муха, держись!

Зайчик прицеливается глазом, включает мотор на полную мощность. Кузя плотно смыкает веки. Волнушечка судорожно сжимает шест с железным наконечником. Игнат подается телом вперед, словно желая помочь кораблю выбраться из пучины. Валера с Сироткиным беспрерывно отчерпывают воду.

Лодка преодолевает бешеное течение со скоростью не более полуметра в минуту. Мотор захлебывается от напряжения.

Ну, еще, еще чуток...

Скала остается позади. Еще пять—десять метров и тогда сам черт не страшен. Но что это?! Мотор ревет, а лодка ни с места. Хуже того — ее начинает разворачивать.

— Нос... Нос держи...

Кузя на мгновение открывает глаза и складывает на груди руки, как будущий покойник.

Волнушечка, не думая о последствиях, прыгает в воду, пробует удержать лодку грудью, но течение сбивает его с ног. Никто не успевает ахнуть. Все происходит в мгновение. Лодку разворачивает носом к скале, Волнушечку протаскивает под лодкой и лишь в последний момент он непостижимым образом хватается за борт.

К счастью, лодка прочно сидела кормой на подводном камне. Но прочность эта мнимая. Течение в любую минуту может снять ее с камня и хлестнуть о скалу.

— Взять всем шесты! — командует Игнат.

Кузе пришлось посмотреть на мир широко распахнутым взглядом и тоже вооружиться шестом.

— Дави на правый борт!.. Теперь на левый!.. На правый... На левый...

Раскачали лодку, она сошла с камня и ринулась на скалу.

Зайчик затормозил, все одновременно ткнули своими копьями в

надвинувшуюся каменную массу. А потом долго сидели на берегу под прижимом и решали, как быть дальше.

— Плыть можно, — сказал Зайчик. — Только чуть правее взять нужно.

— А не хватит ли с нас... — молвил Матвей Сироткин.

— А на Кии легче было?

— Так то было...

Солнце прыгало по скале яркими бликами, и скала, казалось, смеялась над ними. Росшая в расщелине сосенка покачивала вершинкой, а Мрассу бесновалась по-прежнему, и даже еще злее билась о скалу и вспенивала воду.

— Я пойду один, — сказал Зайчик. — А вы бережком. Как-нибудь налегке проскочу.

— Я с тобой, — нечаянно вырвалось у Кузи.

Виталька глянул на него, ухмыльнулся:

— Давай...

Кузя оторопел, сглотнул слюну, смахнул со лба потную капельку. Такого подвоха от Зайчика он явно не ожидал.

Отступать, однако, было некуда. Кузя потоптался немного, вздохнул тяжко, будто в последний раз видит белый свет, и полез в лодку.

Но зато стоило посмотреть на Кузю, когда опасность осталась позади! Нет, внешне он не выказывал радости, дескать, ничего особенного не произошло, так и должно было быть, на то он и досточтимый адмирал славного флота. Кузя спокойно вытащил сигареты, закурил. Но в нарочитом этом спокойствии было столько торжества, столько достоинства, что Волнушечка почему-то покраснел, а Валера взял котелок и с небывалой энергией стал вычерпывать из лодки просочившуюся сквозь щели воду.

Кузя докурил сигарету, небрежным щелчком бросил окурочок в речку, встал и негромко так молвил:

— Ну, что же... Двинем, братцы, дальше. Пока все идет благостно!

ОПЕРАЦИЯ «АПОЛЛОН»

Игнат прибавил скорости на плесе, протаранил днищем подводный камень, отчего Волнушечка чуть снова не сыграл за борт, уверенно прошел неглубокую протоку, бурливый пережат и, чуть приглушив мотор, чтобы все его расслышали, сказал:

— За поворотом будет деревня.

— Я могла бы побежать за поворот... — не без иронии пропел Волнушечка.

— За поворотом будет деревня, — еще настойчивее повторил Игнат, скользнув по Волнушечке свирепым взглядом.

И точно. Только лодка завернула за густой тальниковый мыс, как они увидели стоящую на взгорке избу.

— Ну, провидец! — хлопнул себя по ляжкам Кузя.

— Наблюдательному человеку не обязательно быть провидцем, — сказал Игнат и показал на вершину издалика видного холма, на котором паслось небольшое стадо коров.

— Объявляю трехдневный привал, — сказал Кузя, когда лодка приткнулась к берегу под невысоким обрывчиком напротив избу.

Все так измаялись, что никто, даже Игнат, не возразил адмиралу. Матвей же Сироткин готов был за эти слова троекратно облобызать поросшие редкой рыжей щетиной адмиральские щеки.

По кое-как вырытым в обрывчике ступенькам спускался невысокий шуплый shoreц. Он приветливо улыбался, протянул каждому по очереди ладошку:

— Здравстье! Гости пришел? Хорошо сделал. Лодку привязывай, вещи избу неси. Изба большой, места хватит, чай пить будем.

— Может, познакомимся, — сказал Кузя. — Как зовут-то?

— Аполлон зовут.

— Бельведерский?

— Нет, просто Аполлон зови.

Изба у Аполлона была просторной, на сваях, с большими сенями и одной огромной комнатой. И хотя ее неплохо продувал ветер, все же он не мог вытянуть из нее застарелый запах, какой навечно сохраняется в банях, топящихся по-черному.

Аполлон был пчеловодом промхоза. Жил он здесь только летом, на зиму, убрав ульи в омшанник, уезжал в родное село.

Когда-то здесь был поселок, улус дворов в шестьдесят. Сейчас на этом берегу живет только Аполлон, а на другом, в устье впадающего в Мрассу Кизеса — две шорские семьи. И еще километра полтора вверх по Мрассу — лесничий, старый кержак с женой и сестрой.

— Скучно? — спросил Кузя у Аполлона.

— Почему скучно? Работы много. Пчела уход любит. Мед качать надо, рой ловить надо. Много работы. Скучно некогда бывает.

В избе душно. Раскинули палатку во дворе. К чаю после ужина Аполлон принес полную тарелку душистого, в сотах, меда.

Перед сном, залезая в спальный мешок, Кузя спросил пасечника, каким образом он спроворил в глухой тайге этокое имечко.

— Поп дурак был, — сказал Аполлон. — Приехал шорцев крестить, весь пьяный был. Утром встал, с похмелья голова болит. Еще выпить хотел. А водки нет. Откуда у шорца водка? Раньше сельпа не было, где купишь... Поп обижаться стал. Велел в воду купаться лезть, потом крест целовать давал, имя говорил. Такой имя говорил — плакать хотелось. Меня Аполлоном назвал, дружка моего, — на том берегу живет, — Феофаном. Сказал так, в книжку записал, уехал. Книжку с собой взял, что сделаешь?..

— Остряк у вас поп был, — сказал Кузя. — Веселый поп.

— Совсем не веселый, — возразил Аполлон. — Шутка не понимал. Смотрел строго. Глазами, как медведь голодный, вертел.

Аполлон еще хотел поговорить, но Кузя закрыл глаза. Аполлон не знал, что разговаривает с самим адмиралом и что адмиралы не терпят, если их мнения оспаривают.

Когда солнце только начинает разгонять сумрак ночи, из палатки высовывается Кузин нос, шумно втягивает воздух и тут же скрывается. Минут пять в палатке происходит возня, брезент колышется, растяжки то натягиваются, то ослабевают, слышится чье-то: «Тише ты, со своими костылями!», «Поспать не дают, черти!» и тут же громогласный всхрип Игната. Спящему Игнату нипочем даже землетрясение.

Наконец все утихает, и из палатки почему-то задом вылезает Кузя. Он натянул на себя все — трико, тельняшку, и даже Валеркин шерстяной свитер. Поверх всего, разумеется, штормовка с надвинутым на лоб капюшоном. Можно подумать, Кузя приплыл не в Горную Шорию, а на Северный полюс.

Он бы, конечно, посапывал и не спешил вылезать в такую рань из теплого спального мешка, но сегодня его очередь дневалить. А дневальство на флоте по адмиральскому же приказу считается одной из ответственных и почетнейших обязанностей, ибо от хорошего дневальства во многом зависит настроение.

С вечера Кузя пообещал сварить на завтрак кисель. Всему остальному он предпочитал концентраты — по крайней мере на пачке написано, как и что, не надо ежеминутно обращаться за советами к шеф-повару Волнушечке.

Кузя расшевелил костер, подбросил дровишек, взял кружку, ведро, побежал вприпрыжку к речке, долго отмерял кружкой воду, доливал, отливал, затем с достоинством подвесил ведро над костром. Дрова за ночь отсырели и горели плохо. Кузя полез под избу Аполлона, отыскал там сухую доску, расколотил. Костер ожил. Кузя утомленно вздохнул, присел на бревнышко около огня, закурил с наслаждением. По его виду можно было предположить, что он провернул работенку под стать Илье Муромцу.

Вода закипела, когда уже все проснулись и ждали призыва дневального к завтраку.

— Довозишься — будем вместо киселя опять какую-нибудь хреновину хлебать, — разворчался Игнат, скребя ногтями щетину на бороде. Он наверняка вспомнил позапрошлогодную историю, когда, кстати, Сергей неожиданно стал Волнушечкой.

В тот день утро обещало все, кроме дождя. Наскоро позавтракали, свернули лагерь, погрузились на плот, предполагая к середине дня добраться до безымянного притока в верховьях Томи, который, по словам бывалых путешественников, кишит рыбой.

Плот медленно тянуло по плесу. Кузя лежал на рюкзаках, открыв солнечным лучам доступ ко всем своим мощам. Зайчик достал спиннинг и время от времени забрасывал блесну. При каждом забросе Кузя вздрагивал всем телом, потому что блесна просвистывала над ним, грозя подцепить его за одно из торчащих ребер.

Неожиданно из-за горы вывалилась черная волосатая туча. Ученые называют подобное явление микроклиматом. Игнат называл это по-другому.

— Нажмем, ребята,— сказал адмирал, не двигаясь с места.

— Пронесет,— лениво заметил Матвей Сироткин.

Но не пронесло. Через каких-нибудь полчаса солнце совсем затмилось, и упали первые капли дождя.

Впереди замаячил остров. Покатый мысок сбегал к реке, рассекая ее на две части. Мысок густо порос травой, кустарником и, судя по всему, на нем было вдосталь наплаву — прибитых рекой бревен и сучьев, что в таком положении имело немаловажное значение.

— Держать курс на мыс! — весело приказал Кузя.

Все взяли в руки шесты и заработали.

Дождь перешел в ливень.

Плот проскребся по галечнику и зарылся в прибрежную траву. Кузя заметался по берегу. Ко всему прочему, он дневалил и теперь не знал, за что в первую очередь взяться. Сунулся было к Игнату с вопросом о вареве, но промокший насквозь, голодный и потому злой Игнат ответил такое, что Кузя вприпрыжку побежал к лежавшему невдалеке бревну, на ходу роясь в карманах брезентовки в поисках спичек.

В трудный этот момент Игнат принял командование на себя. Он с Виталькой взялся за колья для палатки, Валера занялся выгрузкой и укрытием от дождя багажа, ему же поручено закрепить плот, остальные стали рвать траву под палатку, потому как спать на сыром галечнике неспособно да и небезопасно — в два счета радикулит заработаешь.

Костер у Кузи никак не хотел разгораться. Кузя и бересты надрал, и мха раздобыл, и тоненьких палочек наломал, и телом своим пытался защитить от дождя слабенький дымок — все понапрасну.

— Ты что — уморить нас хочешь? — подскочил к Кузе Зайчик с топором в руках, которым вытесывал колышки для палатки. — Да какой, бляха-муха, остолоп так костер разжигает? Где тебя учили так дрова класть? В пионерском лагере, да? Гляди, как надо...

Обстановка накалялась. Ливень усиливался. Настроение падало, как столбик термометра, опущенного в ледяную воду.

Игнат, забывая колья, хватанул обухом топора по руке. Валера, оскользнувшись, набил на лбу шишку. Продрогший юморист клацал зубами. Ливень продолжал хлестать. Казалось, случись еще с кем какая-нибудь мелочишка, и ахнет сильнейший взрыв, который разнесет нас в разные стороны.

Кузя трепетал. Игнат наливался. И когда он по какому-то поводу, а может, и без всякого повода, вознамерился разразиться громовой тирадой по адресу всего нашего флота, раздался восторженный вопль Сергея:

— Ребятки!.. Скорее... Смотрите, что я нашел!

Сергей стоял в зарослях папоротника. По лицу его блуждала глу-

повато-счастливая улыбка, глаза светились и даже над головой, казалось, возник сияющий венчик.

Все кинулись к Сергею.

На его ладони лежало что-то кругленькое, похожее на плоский, с розовыми разводами камушек.

— Что это? — растолкал всех Кузя, забыв о костре, который заливало водой.

— Во-олну-у-ушечка, — ласково и нежно проворковал Сергей, словно все еще не верил в свое счастье найти этот обычно растущий по осени грибок, да еще на таежном острове посреди густого папоротника.

И тут проглянуло солнце. Вечернее уже, почти не греющее, но приветливое и ласковое. Дождь прекратился. Костер запылал, и вода в ведре к вящей радости адмирала закипела.

Быстро установили палатку, развесили у костра мокрую одежду и надели на Кузю: «Давай, корми!».

— Ну, кто пробу снимет? — Кузя выхватил из ведра ложку густого варева.

За пробой потянулись все.

— Тогда я сам, — сказал Кузя и, дую, стал слизывать с ложки зеленовато-желтую кашу.

— Чегой-то не хватает.

Валера, прихвативший из дому самую большую миску, растерянно поглядывал то на ведро, то на Кузю.

Второпях Кузя перепутал концентраты и сварил гороховое пюре вместе с заварным кремом.

— М-да, — протянул Сергей, — и концентраты-то сварить не сумел как следует.

Кузя, болезненно переживавший свою ошибку, стрельнул по нему взглядом.

— Ты-то уж молчал бы, Волнушечка...

Сергей не ощущал за собой никакой вины, но почему-то сник, погрузился и перевесил подальше от костра портянки, которые начинали дымиться.

Игнат давился кашей и смотрел на Кузю так, словно готов был изжарить его самого.

Отношения между ними давно уже сложились не в пользу адмирала. Игнат любил во всем порядок, аккуратность и умел делать то, чего не умел делать наш славный товарищ адмирал. И когда Кузя брался за что-то, его сразу же начинала преследовать мысль: «А что скажет Игнат?», и Кузя, как ни старался сделать лучше, от одной этой мысли приходил в полное расстройство, все у него валилось из рук, и он начинал чистить рыбу с головы или грести совсем не в ту сторону.

Вот и сейчас под строгим взглядом Игната Кузя засуетился, растолок концентрат в миске, хватился обертки — прочитать, что же де-

лать дальше, но вспомнил, что обертку он употребил на разжигание костра, посопел и понес концентрат к ведру.

— Куда? — не выдержал Волнушечка. — Это ж кисель, а не гороховое пюре. Ты когда-нибудь варил кисель?

— Нет, — признался адмирал.

Игнат со значением вздохнул.

— А туда же... Берешься... — сказал Волнушечка. — Надо сначала в холодной воде растворить и вливать потом струйкой. И помешивать, чтоб комков не было.

— Ясно, — сказал адмирал и побежал к речке за водой.

— Лучше растирай, не ленись.

Кузя старательно выполнял все предписания шеф-повара.

Когда кисель был готов, Кузя попробовал:

— Чегой-то не сладко.

— Добавь сахару.

Кузя достал сахар, отмерил на глазок, хотел ссыпать в ведро, но Волнушечка снова:

— Куда?

— А что? — Кузя отдернул руку.

— Кто же сахар в горячий кисель сыплет?! — лицо Волнушечки было непроницаемо. — В холодной воде растворить надо. Чтоб ни крупиночки. Ясно?

— Ага! — сказал Кузя и побежал за водой к речке.

Так весело началось очередное адмиральское дневальство. Закончилось же оно весьма печально.

Как только все ушли на рыбалку, Кузя надумал сделать свое дневальство образцовым. Он тщательно, с песочком, вычистил посуду и ведра, выскоблил столешницу, разложил, как хорошая хозяйка для званных гостей, посуду на столе, посредине положил головку чеснока, лук, перец и открыл новую пачку соли «Экстра». Уходивший на пасеку Аполлон аж языком прицокнул.

Затем адмирал вымел сор из палатки, развесил спальные мешки для просушки, подмел тропинку, приготовил дрова, полюбовался на дело рук своих и пошел на бережок.

Сел там на камушек, загляделся на воду и задремал.

Разбудил Кузю какой-то непонятный шум, топот и мычанье. Кузя протер глаза, поднялся по сделанным Игнатом ступенькам и обмер.

В лагере хозяйничало стадо шорских коров и бычков, тех самых, что умеют скакать по горам, грызть камни и переплывать Мрассу в самом бурном месте.

Стол был перевернут, миски сплющены копытами, новенькие деревянные ложки раздроблены. Одна из коров упорно старалась избавиться от висящего на ее рогах спального мешка. В палатке, не находя выхода, жалобно мычал молодой бычок, остальные сгрудились на месте, где стоял стол, и вылизывали землю.

Кузя, не раздумывая, схватил первую попавшуюся под руки дрове-

няку и пошел в открытый бой. Повидавшие на своем веку и медведей, и рысей коровы с удивлением взирали на шаманью пляску взбешенного адмирала. Он кричал, визжал, прыгал, бил коров по запачканным задкам, они увертывались от его ударов, но и не думали покидать поле боя. Вкус рассыпанной по земле соли затмил для них даже солнце.

Стадо ушло само, когда вылизывать больше было нечего. На адмиральском спальном мешке зияли две дыры от коровьих рогов. Бычок со страху обновил палатку. Лежавшее на краю стола полотенце было изжевано. Кузя стонал, вспоминая Троянского коня.

Впоследствии, только заслышав мычание коров, Кузя крупно вздрагивал и начинал вращать налитыми кровью глазами. Зато благодаря Кузе все научились есть палочками и щепками, пить уху из кружек, — они, к счастью, под копыта не попали, — и выбирать рыбу из котла руками.

ПЕРВЫЙ ТАЙМЕНЬ АДМИРАЛА

За все предыдущие навигации, по подсчетам Зайчика, — а считать-то Зайчик как-никак умел, — Кузя оставил на дне разных рек и речек сорок три блесны, тридцать девять грузил, распутал четыреста двадцать восемь «бород», испортил триста семьдесят метров высококачественной японской лески, сломал или спиннинг и потерял восемнадцать тройников, не считая тех, что были потоплены вместе с сорока тремя блеснами. При этом не поймал ни одного тайменя.

Спиннингистом Кузя стал не сразу. Сначала он примыкал к мощному отряду хариузятников. До того дня, пока...

Рыбачил тогда флот в верховьях Томи, на одном из многочисленных ее притоков. Клев был не ахти какой, но все приходили в лагерь с добычей. Все, кроме Кузи. Адмирал очень переживал свое невезение и мечтал переплюнуть хотя бы Сироткина.

Кузя отлично знал, что хариус лучше всего берет на паута — злую темно-серую муху, которую еще называют слепнем. Паутов ловят и хранят в спичечных коробках или специальных «насекомницах», каковая была только у Игната — завзятого и непревзойденного хариузятника. Спичечного коробка Кузе показалось мало. Он решил набрать паутов в бутылку.

Долго и старательно гонялся Кузя за каждым паутом и, втискивая его в узкое горлышко бутылки, восклицал: «Еще один хариус есть!». Часа через два такой изнурительной работы, адмирал потряс бутылкой перед носом Матвея Сироткина.

— Видал?

— Так они ж у тебя дохлые.

— Как — дохлые? — Кузя потряхнул бутылочку. — Странно... Я же их осторожненько.

Кузя огорченно сел на камень и глубоко задумался.

— Ты на этикетку-то глянул? — спросил, проходя мимо, Волнушечка.

Матвей Сироткин радостно заржал.

Бутылка была из-под «Дэты» — жидкости, которой мы мазались против всякой нечисти, включая сюда тех же паутов. А промыть ее Кузя не догадался. Не глядя на развеселившегося Сироткина, Кузя вытряхнул дохлых паутов, тщательно, с мылом, прополоскал бутылку, высушил над костром, понюхал, и только окончательно убедившись в совершенной ее чистоте, заново приступил к операции «Паут».

Все давно ушли на рыбалку, остался только дневальный. Кузя не спешил. Он был заранее уверен в успехе, на зубок зная главную заповедь рыбака: «Была бы наживка — рыба будет!». А наживка у него отменная — жирные пауты лениво ползали в бутылочке, обещая великолепный улов.

Кузя положил бутылочку в нагрудный карман брезентовки, проверил удочку, взял свой полдник — кусок хлеба с салом и пять долек рафинада — и бодро зашагал к броду. Левый берег речушки был скалист, неудобен для рыбалки, а чтоб попасть на правый, нужно перебраться не так уж глубокое устье.

Кузя смело шагнул в воду, сделал шаг — и вдруг почувствовал, что вода начинает заливаться в сапоги. В спешке он забыл поднять голенища. Кузя нагнулся, бутылочка выскользнула из кармана и, задев торчащий из воды камень, разлетелась вдребезги. Освобожденные пауты накинудись на адмирала. Он не сопротивлялся. Ему теперь было все равно.

Кузя высушил на солнце портянки, спрятал в кустах удочку и подался в ближайший малинник.

Вечером у костра Кузя рассказывал, как у него один за другим сорвались четыре килограммовых черныша. Ужинал адмирал без аппетита — объелся малиной — а после ужина неожиданно для всех повернулся к Зайчику:

— Старик, возьмишь в ученики?

— Возьму, — сразу согласился Зайчик. Ему тоскливо было ходить одному на дальние плесы, и он не раз подговаривал то одного, то другого перейти в таймешатники.

— Э-э-э! — Игнат схватил Кузю за руку. — Ты чего это удумал? Ты представляешь, что тебя ожидает? Ты знаешь, что такое махать целый день спиннингом, распутывать бороды и отцеплять блесны? И ради чего? Ради, в лучшем случае, одного таймешонка.

— Почему одного? И два может быть, и три.

— Именно — может. А пока не было. Нет, Кузя, ты хорошенько подумай, прежде чем решить окончательно. — Игнат побаивался, как бы следом за Кузей в спиннингисты не подались и другие. — Хариус — это не шурум-бурум. Это рыба благородная, аристократическая, она требует к себе уважения, внимания, а не так — тары-бары и будь здо-

ров... Это ж умница! Ты ей в глаза посмотри! Как у собаки. Все понимает, только сказать не может. Хариуса не ловят, за ним охотятся. К нему надо подкрадываться, а не ломить лосем...

Игнат говорил так, будто перед ним сидели дилетанты, никогда в глаза не видевшие хариуса. Он не любил задирать носа, и в любых видах спортивных соревнований не переживал, как Валера, если ему доставалось даже последнее место. Но когда дело касалось хариуса...

— Почему, скажем, у меня улов больше всех? — продолжал Игнат. — Везет? Нет, старик, не везет — просто у меня терпения хватает, чего не скажешь, например, о Сироткине. Сироткину комфорт нужен, пляж, солнце, чтоб не кусал никто и ветерок продувал. А тут надо в самых зарослях затаиться, и пусть комар пьет твою кровь. Да что там говорить! Охота на хариуса ни в какое сравнение с ловлей тайменя не идет. Там баловство, случайность, — прошла блесна под его носом или не прошла, — а тут можно сказать — целая наука.

— Что-о, — Зайчик зашевелил ушами. — Наука? Че-пу-ховина, не наука. Даже с экономической, так сказать, точки зрения. Разве можно сравнить хариуса с тайменем! Да это все равно что сравнить гору с кучкой песка. Ну, Игнат, такого я от тебя не ожидал.

Зайчик находился в состоянии наивысшего раздражения, крайней неудовлетворенности и предельной взволнованности.

— Тайменя не ловят, за тайменем охотятся. Ты хоть раз в жизни бросал спиннинг? Нет?.. А ты попробуй. Ты попробуй распутать, так сказать, «бороду», когда леска самым невероятным образом обовьется вокруг катушки. Ты попробуй отцепить застрявшую меж камней блесну или выволочь пятикилограммовую тушу. А если попадется таймень в два, три пуда?.. Когда тащишь тайменя — леса от напряжения дрожит, спиннинг вот-вот, так сказать, хрустнет, катушка сорвется... А сколько на берегу намаешься, пока таймень даст дуба! Только начни разглядывать, красотой его любоваться — сразу, бляха-муха, вспружинит, взметнется свечой — и был таков. И скажи, какая рыба, попавшись в человеческие руки, краснеет от стыда? Нет такой рыбы. А таймень краснеет. И темные пятнышки у него на коже проявляются. От злости. От чувства, так сказать, неловкости. А ты несешь ерунду и ни стыда, ни чувства неловкости не испытываешь.

Зайчик задохнулся. Он не привык произносить столь длинные речи.

— Оставайся в хариузятниках, Кузя, — сказал Матвей Сироткин. Ему не хотелось занимать последнее место.

— А может, вы с Кузей создадите команду пескарятников? — ехидно предложил Валера.

— Чтобы ты сразу же к нам примкнул? Не пойдет, — отпаривал Матвей Сироткин.

— Дайте адмиралу подумать, — сказал Волнушечка. — У него и так голова кругом идет.

Волнушечка попал в цель. Голова у Кузи, действительно, шла кругом. До этого он не подозревал, какие сложности ожидают его как таймешатника. Ведь если и вправду попадетсЯ двухпудовый таймень, что он с ним будет делать... И в хариузятниках оставаться тоже не легче. И не шелохнись, и наживок всяких таскай с собой кучу, и сумку в воду обмакивай... И отступать опять же неловко.

Кузя растерянно посмотрел на Зайчика, на Игната, почесал подбородок и сказал:

— Я решил. Я буду ловить тайменей.

— Коряги ты будешь ловить, а не тайменей,— обиженно молвил Игнат, не подозревая, что эти слова окажутся пророческими.

К первому забросу Кузя готовился особенно тщательно. Он хотел опровергнуть пословицу: первый блин — комом.

Кузя оснастил запасной спиннинг, проверил тормоз, походил по берегу, как спринтер перед стартом, спросил Витальку небрежно:

— Ну, так куда, говоришь, забросить?

— Вон под тот валунчик. Только не забудь — как блесна коснется воды, сразу сматывай катушку. Иначе — зацеп.

— Знаю,— ответственно заявил адмирал.— Отойди, не мешай.

Кузя нацелился, завел за себя спиннинг, глубоко вдохнул, выдохнул, еще раз вдохнул, напрягся, размахнулся...

Блесна просвистела над головой Зайчика.

Кузя смотрел на реку, ждал всплеска. Не дождался, недоуменно оглянулся и увидел блесну на верхушке стоящей позади березы. Сплюнуул, почесал затылок, полез на березу. До блесны не дотянул, только ободрал колени. Попытался стянуть блесну, фокусничая леской. Дофокусничался, что запутал и леску. Пошел за топором.

— Не смей! — строго сказал Зайчик, когда Кузя вознамерился срубить березу.— Ты что, бляха-муха, устав позабыл?

Кузя смутился, отбросил топор.

— Режь,— Зайчик протянул Кузе нож.

Адмиралу жаль было блесны, лески, потраченного на оснащение спиннинга труда, но устав есть устав, и нарушать его не позволено даже адмиралу. Кузя со стоном шаркнул ножом по леске.

Последующие тренировочные забросы Кузя производил в местах, где поблизости не росло ни одного дерева. Правда, он ухитрялся вцеплять блесну в собственные штаны, но извлекать ее из штанов было не сложно.

Постепенно дела у Кузи значительно продвинулись вперед, но таймень почему-то никак не шел на его блесны. Адмирал, однако, не падал духом и с завидным упорством продолжал добиваться своего.

...Было часов пять вечера. Завтра решено покинуть гостеприимного Аполлона и тронуться в дальнейший путь. Игнат не спеша укладывает свой рюкзак, тщательно притирая одну вещь к другой, смотрит — не

оставил ли чего, не забыл. Волнушечка колдует у костра, готовит прощальный ужин. Товарищ под псевдонимом Матвей Сироткин чинит сапог. Валера метает на ту сторону реки камушки и, когда камушек плюхается в траву другого берега, горделиво взглядывает на всех и предлагает посоревноваться.

— Пора,— говорит Зайчик Кузе.

Таймешатники уходили на добычу дважды в день — на рассвете и в сумерках. В дневную жару они отсыпались или грелись на солнышке, как и таймени.

Сейчас падали сумерки.

— Сидел бы, не рыпался,— сказал Кузе Игнат.— Все равно без толку лазишь.

Кузя только хмыкнул, взял спиннинг и вприпрыжку поскакал за Витальной.

— Учти,— крикнул ему вдогонку Игнат,— завтра с рассветом отплываем. Ждать, когда ты свои шмутки соберешь, не будем. Опять что-нибудь позабудешь.

Кузя будто не слышал.

— Здесь,— сказал ему Зайчик, когда они прошагали по берегу километра два с половиной.

Место было тайменье. Шумел, разбиваясь о камни, глубокий перекат. Пониже переката высились огромные валуны. Тут вода чуть успокаивалась, переходя в широкое плесо. Берег был обрывист, но под обрывом шла ровная полоса мелкого галечника.

Зайчик отцепил тройник от катушки, прицелился и метнул. Блесна очертила в воздухе гиперболу и неслышно плюхнулась точно за выступающим из воды горбатым камнем. Зайчик тут же заработал катушкой.

Кузя завистливо вздохнул. Такой точности и плавности заброса он пока добиться не мог. Его блесны падали в воду, как камни, вздымая фонтаны брызг и наводя страх на всех обитателей плеса.

На восьмом забросе Зайчик выволок приличного тайменя.

— Пятнадцатый,— спокойно сказал он, вытаскивая тройник из широкой и зубастой тайменей морды.

Кузя ничего не сказал. Он небрежно сматывал катушку и пел про себя: «То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит. То мое, мое сердечко стонет... Как осенний лист дрожит».

И вдруг Кузя почувствовал, как кто-то рванул спиннинг из рук. Кузя пошатался, но устоял. Леса натянулась. Сердце у Кузи отчаянно забилося. Он заметался по берегу.

Заметив столь странное поведение адмирала, Зайчик бросил свой спиннинг, поспешил к Кузе.

— Не мечись, сматывай спокойно... Да не рви, говорю тебе, уйдет.

— В-врешь, не уйдешь,— проскрежетал зубами Кузя.

Из воды показалась морда небольшого таймешонка. Опытный глаз Зайчика сразу засек, что таймешонок с жадностью так заглотил блесну, что сорваться никак не сможет. И только он подумал об этом, как таймешонок мелькнул в сумрачном воздухе серебристым брюшком и... исчез. Всплеска, однако, Зайчик не услышал. Но самое странное — вместе с таймешонком исчез и Кузя. Прибрежная полоска гальки была пуста.

«Что за наваждение!» — не на шутку испугался Зайчик и тут услышал позади себя какое-то сопение. Оглянулся — один скошенный обрыв. Зайчик полез наверх, дважды сорвался, одолел обрывчик и тут увидел Кузю. Как он в одно мгновение очутился наверху — уму было непостижимо.

Вцепившись давно уснувшему тайменю в хвост, Кузя лежал на земле бормотал: «Врешь, не уйдешь... Теперь уж ты мой...».

— Твой, конечно, твой, — сказал Зайчик.

— Да? — недоверчиво спросил Кузя, все еще не выпуская из рук рыбину.

— Да, — твердо сказал Зайчик. — Поздравляю.

У Кузи тряслись руки.

— Как ты здесь оказался?

— Н-не знаю. Дай закурить, — выдавил Кузя.

— Я ж не курю.

— У м-меня в к-кармане. Достань.

Кузя отходил от первой удачи долго. Только через полчаса он смог ласково погладить таймений бок.

— Хо-орш! Ну и задал он мне жару!

— Не знаю, кто кому, — усмехнулся Зайчик.

В лагере Кузя небрежно, как заправский рыбак, словно подобное происходило каждый день, бросил тайменя к ногам Волнушечки:

— Почисти, все равно лодыря корчишь.

КРЕСТОВИНА, КРЕСТОВИНА...

Наутро флот покинул Кизас. Бочку с бензином, часть соли и продуктов, за которыми мотались Игнат с Валерой, оставили у Аполлона. Гостеприимный хозяин пожелал удачи.

В пути Кузя хватился шерстяных носков. Перерыли все рюкзаки — носков не было. Ясно, Кузя оставил их где-то во дворе Аполлона. Никто не сомневался, что их сжуют коровы.

— Ничего, носки — дело наживное, — снисходительно сказал Кузя, бросив умильный взгляд в носовую часть корабля, где завернутый в крапиву лежал первый таймень адмирала.

Из-за незнания фарватера лодка постоянно напарывается на мели и узкие протоки. На первом же перекате Волнушечка оскользается, уходит с головой под воду и впридачу больно ушибает о камень кре-

стец. Частые его купания становятся неинтересными, словно делает он это нарочно, чтобы посмешить товарищей.

Чем выше по реке, тем скалистее и дремучее становится скружающая тайга. Иногда зримо видится склон падения Мрассу. За длинным и мелким плесом, по которому тащили лодку почти на себе с полкилометра — прижим. Он пострашнее того, что был перед Аполлоном. Его не обойдешь, и груз на себе не перетащишь. Берега сдвинуты почти вплотную. К скале подступают нахмуренные, в пене, валуны. А сколько их скрыто под бурлящей, беснующейся водой!

Впередсмотрящий Валера пытается выглядеть бодро. Лицо Игната, — он на моторе, — покрыла нервная бледность. Кузя спрятал голову в колени и похож на ошипанного страуса.

Игнат осторожно подводит лодку к бучилу, прибавляет газу. Мотор захлебывается, лодка стоит почти на месте.

Кузя приподнимает голову. По времени он подсчитал, что давно миновали это богом проклятое место. Но лодка — в самом центре бучила. Кузя содрогается и вновь прячет голову в колени.

Игнат берет чуть левее, и сразу же вокруг лодки вскипает вода. Корабль начинает мелко трясти, словно его поставили на вибрационный станок. Еще немного такой тряски — и он развалится на кусочки. По всему видно — повторилось то же самое, что и у того прижима.

Валера прыгает в пучину, держась за борт. Волнушечка с Зайчиком пытаются грести шестами. Вода скрывает Валеру по плечи. Он багровеет от напряжения. Нет, не напрасно Валера всю зиму укреплял бицепсы.

Игнат раскачивает лодку, не сбавляя мощности мотора, который вот-вот скажет: «Баста! У меня тоже есть свой предел. Люди не вложили в меня второго дыхания».

Маневр удался. Лодка сходит с камня. Валера влезает в нее в состоянии полнейшей депрессии. Игнат выводит корабль на плесо и пристает к берегу. Всем нужен хотя бы кратковременный отдых.

Кузя, пошатываясь, словно не Валера, а он попал в такой переплет, вылезает из лодки, молча закуривает и старается не глядеть в сторону прижима. Матвей Сироткин, наоборот, смотрит на вскипающую воду, как замороженный.

— А я вот что скажу вам, — говорит Зайчик. — Слишком уж мы, так сказать, осторожничаем. Тише едешь, дальше будешь — не подходит к современным скоростям. Чем выше скорость, тем меньше опасности сесть на риф. Лодка сходу протаранит подводный камень.

— А если камень протаранит лодку? — спросил Кузя.

— Вы, кажется, боитесь рисковать, товарищ адмирал? — не без ехидства сказал Валера.

— Адмиралы никогда ничего не боятся, — Кузя поддернул трусы. — Я — за!

Флот отважно ринулся вперед. На полной скорости преодолевали

перекаты, таранили днищем камни, проскакивали прижимы, пока Мрас-су внезапно не обмелела так, что дальше никакого ходу не было.

— Тут что-то не так,— огляделся по сторонам Зайчик.— Так сразу река обмелеть не может.

— Почему? — спросил Кузя.

— Потому что река питается притоками.

— Так слева была какая-то речка,— сказал Кузя.

— Не слева, а справа,— поправил его Сироткин.

— А я говорю — слева.

— Нет, справа,— настаивал Матвей.

— Да я что — косой? — возмутился адмирал.

— Выходит я косой, да?

— Стоп! — остановил спорящих Зайчик.— Значит, ты видел речку слева?

— Да.

— Далеко отсюда?

— Метров двести. Как омут прошли, где коса врезается, на которой еще кострище видели, так за поворотом...

— Ясно,— сказал Зайчик.— А ты видел речку справа?

— Ну,— буркнул Сироткин.

— Где?

— Пониже омута. Ту косу, о которой адмирал говорит, речка и образует. Там кусты такие, что не сразу заметишь.

— Братцы! — воскликнул в экстазе Волнушечка.— Так это ж крестовина и есть!

— А что! Вполне...— пожал плечами Валера. Он был недоволен собой. И как это он проглядел речки!

— Проверим предположение,— сказал Игнат и повернул лодку по течению.

И точно, слева, если считать против течения, бурно впадал в Мрас-су Узас. Все только диву дались, как ухитрились его не заметить. Справа же, за омутом, как и сказал Матвей Сироткин, тихо и незаметно выныривал из густого тальника Кезас.

— Верно — крестовина! — расплылся в улыбке Зайчик.

— Ур-р-ра!

— Ур-р-ра! — подтвердило четкое эхо гор.

Под лагерь выбрали продуваемую ветерком полянку посреди двух речек, и за ужином, подняв кружку, Кузя произнес проникновенную речь.

— Товарищи матросы! — сказал он.— Вот она, крестовина! Все вы, как один, доблестно и самоотверженно боролись со стихией, успешно преодолели поставленные на нашем пути природой преграды. Не так страшен на самом деле черт, каким его малюют. Да с таким флотом я готов плыть хоть на «Кон-тики» или на «Ра». Впрочем, еще

неизвестно, как справился бы с Мрассу Тур Хейердал и его товарищи. В океане нет прижимов и перекатов, да и вода в нем соленая — сама вытолкнет тонущего на поверхность. Погоди, Волнушечка, куда торопишься? И ты, юморист, не пускай слюни. Я еще не закончил... Ведь подумать только, товарищи матросы, на какой посудине мы сюда добрались. Теперь нам осталось раскрыть тайну крестовины, и все наши мечты и желания будут удовлетворены полностью. Так выпьем же, товарищи матросы, за крестовину!

ЦАРСКАЯ УХА

Волнушечка ликовал. Сваренный им суп с томатом ребята уплетали за обе щеки.

Баночка с томатной пастой была провезена подпольно, в одном из потайных карманов огромного геологического рюкзака. Волнушечка любил устраивать такие вот сюрпризы. Да и, правду говоря, по части кулинарии равных ему на флоте не было.

Дневальство Волнушечки обычно отмечалось благодарностями в адмиральских приказах, его завтраки, обеды и ужины считались непревзойденными, за советами по части поварского искусства к нему обращались все без исключения, и в конце третьей навигации Волнушечке единогласно присвоили звание шеф-повара флота.

Слава Волнушечки началась с гурьевской каши. Кому бы пришлось в голову тащить в тайгу, да еще тайком, сверх общей нормы положенного на человека груза, целый килограмм кишмиша. А Волнушечка притащил. Притащил и сварил на сгущенном молоке такую рассыпчатую рисовую кашу с изюмом и топленым маслом, что Кузя, съев полные две миски, развалился на траве, гладил живот и минут пятнадцать блаженно приговаривал:

— Ну, Волнушечка! Ну, ублагостил!

Но зато впоследствии и доставалось же адмиралу от Волнушечки!

В дни своего дневальства Кузя почтительно величал Волнушечку Сереженькой, выбирал для него самый лучший кусок и выжидательно-преданно заглядывал ему в глаза, надеясь услышать похвалу в свой адрес. Но до сих пор славный товарищ адмирал такой чести не удостоился. Отведав адмиральского варева, Волнушечка недовольно хмыкал, подперчивал, подсаливал, ел неохотно, всем своим видом показывая, что до приличной кухарки Кузе так же далеко, как до адмирала Балтийского флота.

Как-то Кузя решил пожарить на обед хариуса. Выспросил у Волнушечки, сколько лить масла, сколько сыпать соли, как рыбу в муке обваливать и принял священный обряд.

Масло он, естественно, разлил, муку просыпал, — это никого уже не удивляло и, пока продуктов было в достатке, подобное варварское обращение с продовольственными запасами адмиралу прощалось.

Но когда Кузя начал обваливать рыбу в муке, Волнушечка встре-
пенулся:

— Ты что, горе наше, делаешь?

— А что!

— Ты рыбу почистил?

— За кого ты меня принимаешь? — адмирал развернул перед шеф-поваром тщательно вычищенное и промытое брюхо хариуса.

— А чешую за тебя кто счищать будет?

— А надо?

Волнушечка только руками взмахнул, сплюнул и ушел от греха подальше.

Авторитет Волнушечки, как наставника по вопросам кулинарии, возрос настолько, что когда Игнат испросил у него совета по части варки макарон и Волнушечка с видом знатока на полном серьезе сказал, что перед опусканием в воду каждую макаронину надо тщательно продуть, Игнат безропотно сел на чурбачок и с полчаса до посинения продувал макароны.

Весь наличный состав флота тихо катался по земле за палаткой.

Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Для Волнушечки такая проруха явилась в лице Зайчика. Зайчик втайне от всех прихватил с собой банку овощной заправки собственного производства и в первое же свое дневальство на крестовине сварганил такой супец, что адмирал крикнул и выразительно так посмотрел на Волнушечку.

Волнушечка кисло поздравил неожиданного соперника, тая в душе надежду, что это первый и последний его сюрприз. Но шеф-повар глубоко ошибся.

Накануне следующего своего дневальства Зайчик небрежно бросил:

— Если Валера подшибет завтра пяток рябчиков, я вам царскую уху заделаю.

— Может, суп? — поправил его Валера.

— Уху, говорю. Царскую. Неужели не пробовали?

Никто царской ухи не пробовал. Никто не знал, зачем для ухи нужны рябчики. Все посмотрели на Волнушечку.

Волнушечка словно не слышал, о чем шел разговор. Он торопливо поднялся и уполз в палатку, сославшись на головную боль.

Путру Валера взял пистолет кота Базилио и пошел добывать рябчиков. Ему очень хотелось отведать царской ухи, а кроме того никому еще не удалось подстрелить рябчика даже из настоящего дробовика.

Пистолет кота Базилио приобрел Игнат у знакомого артиста местной оперетты. Артист этот сам сделал пистолет из обрезка ствола старой берданы и стрелял из него по ходу действия на сцене холостыми зарядами. Выстрелы производили впечатление. Зрители вздрагивали, партнеры падали, и их приводили в чувство только при помощи нашатырного спирта.

Партнеры вдруг взбунтовались. Они призвали на помощь местком

и пожарников. Пистолету грозила конфискация. Тут и подвернулся Игнат.

— А дробью из него можно?

— Да хоть чем, — невозмутимо ответствовал опереточный герой-любownik. — Я с ним запросто на медведя ходил.

— Убил?

— Не попался, к сожалению. А то бы р-раз — и в самое сердце.

Кузя от пистолета пришел в ребячий восторг. Правда, выстрелить из него первым не решился. Инициативу взял на себя Валера. Он прицелился в консервную банку, поставленную на пень в десяти метрах. Волнушечка и Кузя попрятались за толстые деревья. Матвей Сироткин лег на землю и зажал ладонями уши.

Валера нажал курок. Выстрел был оглушительный. Дым окутал поляну. Банка из-под сгущенного молока стояла на прежнем месте, хотя патрон заряжали мелкой дробью.

— Это не оружие, — возмущенно сказал Валера. — Это пистолет кота Базилио.

Матвей Сироткин, ощупав бока, радостно засмеялся.

Валера решил, однако, добиться своего. Ведь недаром он когда-то чуть-чуть не стал кандидатом в мастера по стрельбе лежа из мелкокалиберной винтовки. Он расстрелял десятка полтора патронов и выяснил, что если взять на метр ниже и на полметра влево или вправо, то одна из дробинок наверняка попадет в цель.

Так пистолет кота Базилио был принят на вооружение флота.

Вечером сияющий Валера, к великому огорчению Волнушечки, выложил перед Зайчиком двух рябчиков.

— Я же просил пять.

— Да?.. Я что — из «Зауэра» стрелял? Скажи спасибо и за это, неблагодарная твоя душа. Ставлю сто против одного, что ты из этой пушки с пяти шагов в глухаря не попадешь.

Зайчик взял рябчиков и пошел их потрошить.

Когда вскипела вода, Зайчик бросил в ведро потрошки. Минут через десять — разделанные тушки рябчиков, затем — картошку. После того как сварилось мясо, он бережно опустил туда же десяток хариусов. Подождал, пока у них побелеют глаза, кинул в ведро лавровый лист и мелко нарезанный лук.

По тайге разлился оглушающий аромат.

— Прошу к столу, — Зайчик одной рукой сделал театральный жест, другой снял с костра ведро. — Императрица Екатерина Вторая за такую уху одарила бы помещьем на сей благосклонной земле, дала дворянское звание и еще кое-что.

— Что — кое-что? — захолопал глазами Матвей Сироткин.

— Сборник твоих юмористических рассказов, — ответил за Зайчика Кузя. — Лучше ешь да помалкивай.

Матвей Сироткин заработал ложкой. Но промолчать не смог.

— Ух-ха-а! — сказал он.

— Ничего, — подтвердил Игнат.

— Благость! — молвил Кузя.

— Рад стараться, товарищ адмирал! — гаркнул Зайчик.

Валера мычал, давясь и обжигаясь.

Волнушечка постанывал, ссылаясь на больной зуб, и говорил, что из-за боли не разбирает вкуса.

— Конкуренция — двигатель торговли, — заметил Игнат.

— Не страдай понапрасну, старик, — шепнул Зайчик Волнушечке. — На шефа я не претендую. И уж если честно — я сам первый раз эту уху ем. От рыбаков и охотников слышал. Вот и решил... Так что я тебе не соперник...

Волнушечка пожал ему руку и попросил добавки. Зубную боль как рукой сняло.

БОЕВАЯ ТРЕВОГА

Хариус на Узасе и Кезасе кое-как все-таки ловился, а вот таймешатникам совсем не везло. Зайчик еще нет-нет да и выволакивал жадного таймешонка, а Кузя в основном оставлял на Мрассинском дне блесны и грузила.

Они исхлестали спиннингами все омута и плесы в радиусе десяти километров, испробовали все имеющиеся в наличии блесны, они рыбачили перед дождем и во время дождя, на закате и на восходе солнца, в дневную жару и в ночной холод — все было тщетно.

А ведь все видели тайменей, добытых на крестовине. И спиннинг видели, и блесны. Такие же, как у Кузи и Зайчика. Так где же собака зарыта?

Кузя предположил, что кабырзинцы знают какой-то секрет или пользуются шаманскими заклинаниями. Зайчик смеялся над ним и утверждал, что все дело в жаре. Тайменю, дескать, сейчас даже двигаться лень, отлеживается себе в холодке, бережет силы для осенней охоты.

— Хотел бы посмотреть, как бы ты их сберег не жравши, — сказал Кузя, с тоской поглядев на костер, у которого Валера готовил примитивную вермишель с тушенкой — на большее у него не хватило фантазии.

— У тайменя иная конструкция организма, — настаивал на своей версии Зайчик.

Спор, почему не берет таймень, так и остался неразрешенным. Таймешатники приуныли и переключились на ловлю гольяна.

Они взяли стеклянную банку и пластмассовую крышку. В крышке вырезали небольшое отверстие, а в банку положили корочку хлеба. Снасть готова. Теперь остается опустить банку в речку на самую незначительную глубину крышкой вверх.

Гольян бродит по Мрассу миллионными стаями. Он за полчаса набивается в банку, как пассажиры автобуса в часы пик. Вытряхивай, заряжай и ставь снова.

Самый крупный гольян не превышает семи-восьми сантиметров. Его можно жарить. Это своего рода деликатес. Но попробуй их почистить! Кузя почистил так сотни две, поставил жарить, завозился и гольяны сгорели. Деликатесом он так и не порадовал.

Тогда таймешатники занялись научными изысканиями. Ловили гольянов в одном месте, выпускали в другом, и пытались проследить, найдут ли они свою стаю. Но так как гольяны удивительно друг на друга похожи, в Мрассу их великое множество, а метить их было нечем, то гениальные в этих местах по своей задумке эксперименты ни к чему не привели.

Таймешатники забросили банку подальше, и, пренебрегая собственным авторитетом, направились к Игнату.

Игнат мастерил печь для копчения рыбы. Он не любил бездельничать. Правда, на полное осуществление задуманного у него не всегда хватало терпения. И печь, разумеется, останется недоделанной, тем более, что при таком клеве она совершенно ни к чему.

Игнат все знал и теоретически все умел. Он мог с точностью до единицы сказать, сколько на небе звезд, мечетей в Бухаре и гольяна в Мрассу. Он с удовольствием объяснит, как солить зернистую икру, коптить осетровые балыки, варить суп из куриной печенки и вытапливать жир из тресковой печени. Его нужно только спросить.

— Старик, скажи, что происходит с тайменем? — спросил Кузя.

— Не берет?

— Не берет, — сокрушенно вздохнул Кузя.

— И не будет брать.

— П-почему?

Игнат положил лопату, которой копал дымоход, почесал волосатую грудь, снисходительно усмехнулся.

— Вы на луну смотрели?

— Нет, — покачал головой Кузя.

— Нет, — пошевелил ушами Зайчик.

— В том-то все и дело, — сказал Игнат и начал читать таймешатникам лекцию на тему: «Влияние положения луны на ловлю лососевых рыб».

Кузя слушал с открытым ртом. Зайчик время от времени шевелил ушами. Игнат со знанием дела доказал им, что таймень азартно берет блесну лишь от новолуния до первой четверти. Остальное время он предпочитает лежать на дне глубоких омутов, переваривая пищу, как заглотивший кролика удав.

— А сейчас луна находится в положении первой четверти, так что можете спокойно отдыхать и не волноваться, — закончил лекцию Игнат.

— И никакой надежды? — прохрипел Кузя. У него пересохло в глотке.

— Никакой,— заверил Игнат.

— Почему же ты нам об этом раньше не сказал? Мы бы навигацию спланировали по-другому.

— Во-первых, меня об этом никто не спрашивал, во-вторых, я считал, что вы об этом знаете. А уж если не знали, то все равно не поверили бы.

— Не поверили бы,— подтвердил Кузя.

— Вот, значит, так,— сказал Игнат и снова принялся за дымоход.

Кузя на чем свет клял ни в чем неповинную луну. Зайчик сосредоточенно думал, глядя на воду. Глубокие мысли его прервал слесно из воды вынырнувший Волнушечка.

— Сидите? Чешетесь? О рыбке мечтаете? А Никита во-от таких тайменей вялит.

— Какой Никита? — оторопел Кузя.

— Тот самый, которого у Кылзага встречали. С мальчонкой. Вчера вечером приехал и уже одиннадцать штук.

— Врешь!

— Очень надо! Да вот хоть у него спроси,— Волнушечка показал на плетущегося сзади Матвея Сироткина. Они вдвоем ходили рыбачить на Кезас, что за омутом.

— Точно. Без бреха,— сказал Матвей Сироткин.

— Это как же твою луну понимать? — грозно спросил Кузя Игната.

Игнат прокапывал дымоход и будто не слышал.

— Где он, бляха-муха?

— Кто?

— Да Никита ваш.

— На косе, у омута,— сказал Волнушечка.

— Спиннингует?

— Сейчас нет. Говорит, днем бесполезно.

— Пошли,— сказал Зайчик Кузе.— Одиннадцать штук! Черт его, бляха-муха, знает!

Никита сидел у небольшого костерка и подкладывал в огонь сырой тальник. Мальчишка срезал ножом тальниковые лозы. Ветер гнал едкий дым к вешалу, на котором красовались одиннадцать тайменей, килограммов на пять каждый. Дым отгонял от них мух. На берегу у самой воды лежал самодельный спиннинг.

— А, моряки! Добрались значит...— приветствовал таймешатников Никита.— Наше вам...

— Да-а, нам бы ваше...— протянул Кузя, не сводя глаз с распластанных, уже подернувшихся пленкой жира, тайменей.

Никита проследил его взгляд, ухмыльнулся:

— Плохая, говорю, нынче рыбалка, да и таймень пошел мелкий. Вот всего-то за вечер и утро поймал.

Кузя не поймал столько за все навигации.

Зайчик был поражен не меньше Кузи, но сразу сумел взять себя

в руки. Стараясь держаться как можно независимее, он выпрашивал Никиту о блеснах, дальности заброса, о времени ловли. Никита отвечал охотно, раскрывая, как ближайшему другу, все карты своей удачливой рыбалки.

— И все-таки тут что-то не так,— сказал Зайчик на обратном пути.— Придется встать завтра пораньше, да проследить, как он тайменной таскает.

— Придется,— тяжело вздохнул Кузя. Он не любил рано вставать. На рассвете Зайчик с трудом поднял адмирала, и они крадучись направились к омуту.

Местами над рекой плыли клочковатые облака тумана. Только-только начинали просыпаться птицы, и робкие их голоса, не успев разнестись по округе, тонули в дремотной зелени. Противоположный скалистый берег мрачнел замшелыми выступами, грозящими рухнуть в воду.

Адмирала трясло в ознобе. Он ступал след в след за Зайчиком, не очнувшись еще ото сна, сердито сопел и шмыгал носом.

— Тихо,— поднял руку Зайчик, когда из-за прибрежного кустарника хорошо стала видна коса, с которой рыбачил Никита.

Самодельный спиннинг по-прежнему лежал на косе, и по всему видно было, что к нему никто не прикасался. Хозяин же спиннинга скользя по песку босыми ногами, весь багровый от напряжения, вытягивал из омута уже вторую сеть. Первая лежала около кострища. Тут же вздрагивало в агонии несколько тайменных туш.

С Кузи мигом слетела сонливость.

— Вот сволочь! — простонал он. — Я начищу ему физиономию.

— Сиди, чистильщик... Он тебе так начистит, что бегом до Кабырзы побежишь.

— Я? — попытался возразить Кузя, но, глянув на тянувшего сеть атланта, только пощупал небритый свой подбородок, словно проверяя его целостность. — А что делать?

— Поднимай, бляха-муха, всех и сюда мигом.

Кузя, откуда только силенка взялась, почти вытряхнул всех из спальных мешков.

— Боевая тревога! Разобрать оружие! За мной! — глаза Кузи сверкали.

Сверхвозбужденный вид адмирала произвел ошеломляющее действие. Ничего не понимая, все гуськом побежали за ним.

Хрустели ветки, трещал кустарник, стенало эхо.

Ошарашенный внезапным появлением флота и грозным видом адмирала, Никита выпустил из рук сеть, и она медленно стала сползать в омут. Валера наступил на нее ногой.

— Вот она — тайна крестовины, — показывая на сеть, мрачно сказал Кузя. Тон его не предвещал для Никиты ничего хорошего.

— А, морячки! — немного пришел в себя Никита. — Наше вам...

— Теперь уж ваше не нам и не вам, — Кузя поднял только что выпутанного из сети тайменя и бросил в воду. Таймень несколько се-

кунд постоял затонувшим бревном, потом шевельнул хвостом, плавниками и торпедой пошел в глубину.

Кузя нагнулся за второй рыбиной.

— А ну, брось...— побагровел Никита и двинулся на Кузю.

— Стоять! Ни с места!— Валера вытащил из-за пояса пистолет кота Базилио.

Валера — не Кузя, с ним шутки плохи.

— Да вы что, ребята? Не выпались? Я всей душой, а вы...

— Замолкнь, браконьер несчастный! — неожиданно для всех разъяренным петушком налетел на Никиту Матвей Сироткин. — Нет у тебя души. Только урвать для себя, на остальное тебе наплевать. Как сына воспитываешь? Кого из него вырастить хочешь? Да мы за такое браконьерство судить тебя будем. Судить, слышишь?!

— Прав на то не имеете.

— Имеем, не беспокойся, — Волнушечка зашарил по карманам, но вместо «прав» вытащил пачку сигарет, закурил. — А пока давайте рыбу спасать, — и первым взялся за сеть.

Вытянули сеть, выпустили тайменей и бережно, по-одному, отпустили их на волю.

Никита бешено вращал глазами. Со всем флотом справиться он, конечно, не мог. Да еще под дулом пистолета, сверкавшего вороненой сталью.

— Да, подходящее местечко для браконьерства выбрали, — сказал Зайчик, пошевелив ушами. — Выше по реке тайменю делать нечего, он в этом омуте и пасется. А такие вот типы варварски его уничтожают. Скоро о тайменях в Мрассу одни лишь воспоминания, бляха-муха, останутся.... Судить мы его, к сожалению, и верно прав не имеем. Это наш юморист, так сказать, загнул. А вот акт о браконьерстве мы, бляха-муха, составим по всем правилам, и пусть его настоящим судом судят.

— И будет он опять в тайге, только не рыбку ловить, а лес рубить годик этак полтора, — мечтательно произнес Волнушечка.

— Да, за такое штрафом не отделаешься, — сказал Никите Кузя. — Это уж мы возьмем на себя, всю общественность на ноги поставим.

— Давайте бумагу, — протянул руку Зайчик, совсем позабыв, что он не у себя в кабинете и ни клочка чистой бумаги нет.

Никита не знал этого и взмолился:

— Да что вы, товарищи... У меня ж дети, семья, их кормить надо...

Спавший в лодке мальчонка проснулся и, не понимая что происходит, удивленно таращился.

— А раньше ты что о них думал?

— Давайте бумагу!

— Эх, так бы и нажал на курок!

Никита осунулся, одутловатые щеки его обвисли, глаза обесцветились.

— А, делайте что хотите... Для вас, вижу, таймень дорсже, чем человек.

— Смотри какой человек,— сказал Волнушечка, поплевал на окурок сигареты и бросил его под ноги Никите.

Адмирал морщил лоб. Думал. Затем провозгласил:

— Суд удаляется на совещание,— и поманил всех в сторонку.

Дебаты были недолгими. Бумаги для акта не нашлось, и тогда решили...

— Ну, вот что...— подошел к Никите адмирал.— Живи, черт с тобой. Но если еще сюда сунешься— пиши пропало. И друзьям своим закажи... И уматывай отсюда сейчас же... Тайменей можешь забрать, нам чужой улов не нужен, на уху и жареху сами добудем. Удсчкой, спиннингом... А сеточки мы того... конфискуем. А чтоб не подумали о нас плохо, мы их предадим огню... Расшуруй-ка костерчик, Волнушечка...

— Погодите, други,— взмолился Никита.— Ну, зачем же добро губить... Новенькие ведь почти сети... Один я знаю, как их достать тяжело. По большому благу устроили. Вы лучше рыбу заберите — тут одного балыка с пудик будет.

— Давись этим балыком сам. Нас с него вытошнит,— сказал Кузя и бросил первую сеть в огонь.

Никита сжал кулаки. Он готов был раздробить адмиральские косточки, но Валера все не опускал пистолета кота Базилио.

— А теперь разводи пары и шуруй, пока я из себя не вышел,— приказал Кузя Никите, когда сети сгорели дотла.

Никита с мальчонкой побросали в лодку тайменей, подобрали обуглившиеся поплавки и закопченные грузила и завели мотор.

Валера поднял руку с пистолетом кота Базилио, хотел салютовать, но салюта не получилось — пистолет не был заряжен и все патроны к нему остались в лагере.

ТАЙНЫ КРЕСТОВИНЫ

Этот день был объявлен днем отдыха. Рыбачить никому не хотелось — слишком уж неприятный осадок остался после утреннего происшествия.

Каждый волен был делать что пожелает.

Матвей Сироткин тут же разделся и пошел загорать. Он утверждал, что не столько пользы дает сам загар, сколько соприкосновение голого тела с матушкой-землей. Дескать, при этом тело освобождается от избытков электричества, отрицательно действующего на нервную систему.

— Где ты это вычитал? В «Крокодиле»? — спросил Валера.

— «Крокодил» не печатает серьезных вещей,— вступился за свой любимый журнал Сироткин и демонстративно лег на живот.

Валера загорать не любил. Он вообще никогда не открывал солнцу даже спину. Несмотря на мощное телосложение, у него была удиви-

тельно белая и нежная кожа. Он берег ее от возможных волдырей. Валера решил податься на ручеек, открытый на днях таймешатниками в полукилометре от лагеря и стал искать попутчика. Волнушечка, вспомнив происшествие на Кылгаге, отказался наотрез. Тогда Валера стал уламывать Игната. Игнат долго колебался, испытующе взглядывал на Валеру и согласился только тогда, когда Валера дал «железнсе» слово, что не будет зря шарашиться, рассказывать о своих победах на спортивных аренах, а также стрелять куда попало и во что попало.

Они взяли с собой почти все вооружение, боеприпасы и подались вверх по течению Мрассу.

Зайчик посмотрел на Волнушечку, Волнушечка на Кузю, Кузя на Зайчика. Круг замкнулся. Они без слов поняли друг друга, потому как еще раньше собирались детально осмотреть заброшенный шорский поселок в устье Узаса, да все откладывали, без особых, правда, на то причин.

Лагерь опустел.

Матвей Сироткин отдавал земле избытки электрической энергии.

Место было нехоженное, дикое. Неширокий, метра полтора, ручей сбегал в Мрассу, продравшись сквозь нагромождения камней, поваленные ветром деревья и сплетенные заросли тальника и кустарников.

Корни вывороченных деревьев с повисшими на них лохмистыми почерневшего мха походили на сказочных страшилищ. Ручей ворчал на них и тут же убегал в сторону, то пропадая в изломах русла, то вновь сверкая чешуйчатой от ряби спиной.

— Кажется, есть шанс убить медведя, — сказал Валера и вынул из-за пояса пистолет кота Базилио.

Игнат молчал. Он шел впереди, осторожно ставя ноги, потому что никакой тропы здесь не было, а в густой траве запросто можно споткнуться о камень, валежину или угодить в яму.

Чем дальше, тем мрачнее становилось вокруг. Парная духота затрудняла дыхание. Сжатая, как в компрессоре, тишина, давила на плечи, останавливала кровь. И тем оглушительнее показался звук неожиданного выстрела. Он будто расколол небо, выпустив на свободу все громы и молнии.

Игнат вздрогнул, обернулся.

Из ствола пистолета кота Базилио шел едкий дымок.

— Нервишки сдали?

— Я... я нечаянно... — виновато пробормотал Валера.

— Может, обратно повернем? — Игнат, ухмыляясь, испытующе глянул на Валеру. — А то вот — посмотри...

Справа была вытоптана небольшая полянка. На ней темнел коричневый блин.

— Ну и что?

— А то... Хозяин шастал, как видишь. Можешь использовать свои шансы.

— Какие шансы?

— Те самые, о которых вначале говорил.

Валера смутился, перезарядил пистолет, застыл в нерешительности. Он только сейчас приметил, что трава и кустарники вокруг выглядят необычно, они словно смяты, переплетены чьей-то великаньей рукой. Нижние ветки деревьев обломлены, а на земле отчетливо видны огромные следы-вмятины с просочившейся в них водой.

— Ну и как? — спросил Игнат.

— Давай до скалы, — Валера взял пистолет наизготовку.

— Смотри, в спину пальнешь.

— Что я — маленький!

До угрюмой, в крупных расщелинах, скалы было метров семьдесят. Ручей остался где-то в стороне. Впереди — завал, который не обойдешь, — видно прошел когда-то здесь полосой ураган, подмял под себя высокие, но слабые в корне деревья.

С полчасца, наверное, ушло на преодоление этого препятствия. Игнат взмок, проклиная в душе ту минуту, когда дал согласие на это безрасудное путешествие. Валера пыхтел, старался улыбаться, пробовал даже шутить, но шутки получались неуместные, совсем как у Матвея Сироткина.

После завала первооткрывателям пришлось проскрестись по кумуру, перепрыгнуть через вымоину, прошлепать по мшистому хлюпающему болотцу, и тут их старания были достойно вознаграждены.

— Вот она, тайна крестовины, — почему-то шепотом сказал Валера.

— Да-а, штукенция! — выдохнул Игнат.

Под скалой, метров двадцать в диаметре, осколком неба голубел омут. Вода в нем была чистоты кристальной, но дно не просматривалось. Из омута вытекал ручей. В омут же никакой, даже мало-мальски заметной струйки не впадало. Со всех сторон к нему сбегались узкие звериные тропы, усеянные крупными и мелкими, круглыми и продолговатыми катышками, свежими и высохшими «лепешками». Высохшие пихты гляделись в воду.

Игнат порывлся в карманах, достал моток лески, привязал к ее концу камушек, бросил в омут. Кругами пошла вода, до конца размоталась и натянулась леска. Дна камушек не достал, хотя в леске было метров двенадцать, не меньше.

— Да-а, штукенция! — снова выдохнул Игнат.

Недавно стоявшее над головой солнце зашло за вершину скалы, и омут потемнел, и была в нем, казалось, теперь не вода, а тягучая маслянистая жидкость. Только ручей на выходе по-прежнему серебрился, высвечивая каменистое, веками промытое дно.

Позади что-то хрустнуло. Валера резко обернулся и пальнул не глядя. Со старой пихты посыпалась хвоя.

— С тобой-таки наживешь греха,— рассердился Игнат.— Уж стрелял бы — так в воздух. А если б медведь? Зацепишь дробиной — пиши себе отходную.

— Да я... Я не подумал.

— То-то и есть. В тайге, между прочим, думать тоже надо. Это тебе не гирию выжимать. Двигай давай...

Теперь впереди шел Валера. Он спешил рассказать о раскрытой ими тайне. Через каждые полтора-два десятка метров Валера стрелял в воздух. Игнат не возражал. Место-то медвежье, всякое может слушаться...

Матвей Сироткин перевернулся на спину. Полуденное солнце насквозь пронизывало его бесценными ультрафиолетовыми лучами. Избытки электричества из его тела уходили в землю. Сироткин зажмурился и замурлыкал: «Пусть всегда будет солнце...». И тут он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Сироткин открыл глаза. Перед ним стоял улыбчивый шорец в потрепанной стеганке, стоптанных кирзовых сапогах и штанах без пуговиц на ширинке. За плечом у шорца висело ружье, в руках он держал моток толстой веревки.

— Здравстуй! — приветливо сказал шорец. — Загорать будешь? Курить, отдыхать будешь? Смотри, солнце сильный, кожу сожгешь, болеть будешь.

— С-спасибо,— сказал Сироткин, озираясь по сторонам.

— Э-э-эй! Зачем спасибо говоришь? Я тебе добро сделаю — тогда спасибо скажи. Мишку помам, мясо принесу — тогда спасибо говори.

— К-какого м-мишку?

— Ба-алшой мишка. Капкан ставить иду. Хочешь — вместе пойдем. Медвежий омут знаешь? Там мишка много. Туда-сюда ходит, кушат много, потом вода много пьет. Капкан поставим, мишка попадет, реветь-плясать будет, а мы стрелять будем, много мяса будет, шкура будет. Здесь мишка много. Гора видишь? — шорец показал на обрывистую гору на той стороне Мрассу. — Прошлый год смех был, умирать можно... Под горой овечка ходил, мишка сверху овечка глядел. Ба-алшой мишка! Глядел, глядел, шаг сделал, вниз полетел. Куст задевал, камни задевал. Летел — кричал, ой смеху был!

Шорец, вспоминая, смеялся, как ребенок, вытирая рукавом глаза. Просмеялся, спросил:

— Где живешь? Далеко?

— К-кемерово живешь,— сказал Сироткин.

— Ой-ой-ой, далеко живешь! Я Таштагол пять лет был, дальше не ходил. Ба-алшой город Таштагол. Знаешь?

— Ба-альшой Таштагол,— подтвердил на случай Сироткин.

— Я там живу,— шорец показал рукой куда-то в сторону. — Гости приходи. Шалтрекова спроси. Мед кушать будем, мясо варить. Я гость люблю. Раньше хорошо был. Поселок был, сельсовет был, почта был.

Сейчас один Шалтреков живет, больше никого нет. Все Таштагол ушел, Новокузнецк ушел, учиться хотел. Я помру, жена помрет — никого не будет, один мишка будет ходить. Ай, как мишка с гора летел! — снова вспомнил шорец и засмеялся. — Ой, смеху был!

Сироткин посмотрел на гору, с которой, по словам странного, невеста откуда взявшегося пришельца, летел медведь. Метров двести высотой была гора, никак не меньше. На вершине ее густо росли деревья, а видимая отсюда сторона была словно срезана, и лишь редкий кустарник да несколько тощих сосенок чудом удерживались на тонких, уходящих в узкие щели корнях. Сверзиться с такой высоты — и косточек не найдешь.

— Правда, смешно был?

Сироткин только кивнул. Выдавить из себя хотя бы жалкое подобие улыбки он был не в состоянии:

Шорцу, по всему было видно, еще хотелось поговорить — когда еще здесь с человеком встретишься! — но что ему было делать с таким немногословным собеседником. Шорец стал прощаться:

— Гости, пожалуйста, приходи. Друзей зови. Все приходи. Я капкан ставить пошел. Мишка поам, мяса будет много. Пока здоров будь.

Сироткин сглотнул горькую слюну.

Когда шорец скрылся за излучиной реки, Сироткин вскочил, оделся, прибежал в лагерь. Слабо дымил, угасая, утренний костерчик. Колыхались на вешалах вяленые хариусы. Сироткин снял одного хариуса и стал жевать с головы прямо с чешуей и костями.

...Вечером, у костра, обсуждали происшествия дня. Самое странное заключалось в том, что ходившие на Медвежий омут Валера с Игнатом не встретили никакого шорца. А разойтись им вроде было бы негде.

— Вздремнул юморист. Вот и привиделось.

— Совсем не вздремнул, — уверял, чуть не плача, Сироткин. — Глаза открыл — шорец стоит. Про мишку рассказывает. Ой, смеху был! Гости приглашал, мед, мясо обещал. Много мяса обещал. Медвежий омут ушел, меня с собой звал. Капкан ставить хотел.

Волнушечка торопливо рылся в походной аптечке. Он был твердо убежден, что Сироткина хватил солнечный удар, оттого и говорит он с шорским акцентом.

— Зачем таблетка? — отмахнулся Сироткин от Волнушечки. — За дурака считаешь? Сам глотай. Не надо был поселок ходить. Не веришь — гости Шалтрекову ходи.

К Сироткину подошел Кузя. Ласково, по-матерински, обнял его со спины, сказал:

— Мы верим тебе, старик. Честное адмиральское — верим. И завтра обязательно пойдем к Шалтрекову в гости. А сейчас тебе надо отдохнуть, полежать, привести мысли в порядок, — Кузя взял Сироткина под мышки, приподнял и повел в палатку.

Сироткин не сопротивлялся. Он влез в спальный мешок, пробормо-

тал еще что-то насчет капкана и заснул. Кузя прикрыл его своей курткой.

— Да, шуточки, нечего сказать! Так ведь можно и того... Ты, Волнушечка, дай ему завтра чего-нибудь успокоительного.

— А, между прочим, Сироткин не врет, — сказал Игнат. — И шо-рец наверняка к нему приходил. Откуда бы ему про Медвежий омут знать.

— Точно, — восторженно воскликнул Валера. — Это ж я первый... то есть мы с Игнатом первые омут открыли.

Все задумались.

Полыхал костер из трех толстых бревен. Огонь рождал причудливое радужное пламя. По холодным концам бревен ползали муравьи. Они добирались почти до самого пламени, становились в удивлении на задние лапки, шевелили усиками и, постояв так секунду-две, в страхе поворачивали обратно, спеша рассказать в своем муравейнике с невиданным доселе ярком и горячем чуде.

Горы вокруг были непроглядно черны. Силуэты деревьев на их вершинах казались вырезанными из плотной черной бумаги. Небо звездилось. Яркой точечкой плыл среди звезд чей-то искусственный спутник земли. В иные вечера насчитывали их до десятка.

— Тайна, — загадочно произнес Волнушечка, помолчал и начал философствовать: — Во всем видимом нами заключена тайна. В звездах, в этом вот огне, в непроглядности ночи. И все мы по сути тоже тайна. Я не знаю, о чем думает сейчас Кузя, что снится Матвею Сироткину, станет ли Валера мастером спорта. И это хорошо, что не знаю. Тайны будут существовать, пока существует человек.

— Волнушечка делает успехи, — усмехнулся Игнат. — Он начинает философски осознавать действительность... Извини, что перебил. Продолжай, продолжай, Волнушечка...

— А что продолжать! И так все ясно. Никакой определенной, так сказать, целостной и единственной тайны крестовины, которую мы предполагали раскрыть, нет.

— Эт-то как так нет? — возмутился Кузя.

— А так — нет, да и все тут. Есть жизнь во всей своей... как это? — полноте, что ли...

— Ну, тут ты загнул, — сказал Зайчик. — Так проще простого любое событие объяснить. Дескать, — жизнь, и никуда тут, так сказать, не погрешь.

— Правильно, — согласился Волнушечка. — Жизнь есть жизнь. Она сама по себе тайна, и вряд ли люди когда-нибудь полностью ее разгадают. На место одних раскрытых тайн являются другие, нераскрытые, и так бесконечно.

— Так ведь жизнь-то, бляха-муха, и дана людям, чтоб они не только философствовали, а действовали, открывали неизведанное, познавали, так сказать, мир.

— Правильно, — снова согласился с Зайчиком Волнушечка. — А

мы что делаем — разве не познаем, не открываем? Сколько мы открыли для себя рек, озер, всяких чудес природы! Разве это пройдет для нас даром, разве души наши не обогатились? А самое главное, по-моему, ребята, в том, что мы открыли друг друга для себя....

АДМИРАЛ ОСТАЕТСЯ АДМИРАЛОМ

Каждая навигация завершалась жарехой из пескарей. Вываленный в муке и поджаренный до хруста в подсолнечном масле, пескарь просто великолепен. А на Мрассу он особенно хорош. Крупный, жирный, золотистый.

Последний дневальный за два-три часа налавливал сотни полторы пескарей и преподносил на ужин лакомое блюдо. Но нынче последнее дневальство выпало на долю адмирала и ожидать от него подобного подвига не приходилось.

И все же традицию не нарушили.

— Двинем-ка, братцы, на пескаря всем гамузом, — предложил Волнушечка.

— Правильно! — обрадовался Кузя. — Один за всех, все за одного!

— Это все за тебя, выходит? — съязвил Игнат.

Кузя воздержался от комментариев.

— Давайте, кто за двадцать минут больше всех поймает, — сказал Валера и посмотрел на Волнушечку.

— Идет! — сказал Волнушечка.

У песчаной косы пескаря тьма. Сообща выработали условия соревнований. Каждый получал десять червей. Размер и вес пойманных пескарей не учитывался. Расстояние друг от друга не менее трех метров, — этот пункт потребовал внести Волнушечка, — срок — двадцать пять минут. На пяти дополнительных минутах настоял Матвей Сироткин. Спорить с ним не стали, хотя на всех соревнованиях Сироткин занимал в лучшем случае предпоследнее место.

— Р-раз... Два... Бросили... — скомандовал Кузя.

Пять поплавков хлюпнули в омут одновременно. Не спешил лишь Сироткин. Он забрел в воду, насколько позволили голенища сапог, покрутился, огляделся, вышел на косу, насадил кусочек червяка, забросил удочку и тут же вытащил первого пескаря.

Валера побледнел. Волнушечка взволновался.

Матвей Сироткин вытянул второго. Валера сделал было шаг в его сторону, но Кузя гаркнул:

— Стоять!.. Соблюдать условия!..

Вытянул пескаря и Волнушечка. Он победоносно глянул на Валера, сказал протяжно: «Во-от таким, значит, макарон!»

У Валеры дрожали руки. Он не мог пережить такого позора и, чтобы вырваться вперед, привязал к леске второй крючок. В условиях

соревнований этот пункт оговорен не был, и потому никто не сказал слова против.

Неважно шли дела и у Игната. Кузя же скормил всех своих червей, не сумев подсечь ни одной рыбки, и, смирившись с судьбой и привычным последним местом, ходил по косе в качестве главного арбитра.

Зайчик тихо складывал свой улов в стоящее рядом ведерко.

Наконец начало клевать и у Валеры. И коса сразу наполнилась его восторженными вскриками.

— Во! Видали?! Вот так надо рыбачить, Волнушечка!.. А ну-ка, ну-ка, премудрый... Так-так... Есть!.. Видали?! Как там наш юморист себя чувствует?.. Неважно чувствует себя наш юморист... Смеется тот, кто смеется последний... Во! Сорога!.. Это вам не дурак пескарь. Интеллигентная рыбешка. Знает, на чей крючок брать...

— Сорога не в счет, — говорит адмирал.

— Как это не в счет?!

— А так... Мы на пескарей пошли, не на сорогу.

— То ты и наловил... Не тяжело тащить будет?

— С судьей не спорят.

Пока Валера перепирался с адмиралом, Матвей Сироткин вытянул еще пяток пескарей.

Адмирал посмотрел на часы.

— Остается две минуты тридцать восемь секунд.

Валера судорожно наживлял крючок, успевая поглядывать на Волнушечку и Сироткина.

— Остается ровно одна минута!

— Предлагаю добавить еще пять минут, — не очень уверенно сказал Валера.

— Не прорежет, — отрезал адмирал.

— Ну, три минутки...

Адмирал не ответил. Он не сводил взгляда с секундной стрелки.

— Пять... Четыре... Три... Два... Стоп!

Валера успел-таки в последний момент подсечь еще одного пескаря.

— Видали — точность! А?!

Подвели итоги. Матвей Сироткин поймал тридцать четыре штуки, Волнушечка — двадцать девять, Зайчик двадцать семь, Валера... двадцать четыре...

— Зато у меня самые крупные, — попытался успокоить самого себя Валера.

— У всех одинаковые, — сказал адмирал, отнимая у Валеры последнюю надежду хоть каким-либо образом вырваться вперед.

— Нет, — не отступал Валера. — Давайте смерим.

— Давай, — согласился Волнушечка.

Выбрали по самому крупному. У Волнушечки оказался крупнее.

— Да, в общем, конечно, одинаковые, — сказал Валера и сунул Волнушечкиного пескаря в свое ведерко.

— Пескарей тоже надо уметь ловить, товарищ Ломов, — скромно заметил юморист. — Думаете, я спроста в воду сначала полез? Я по дну подошвами пошаркал, пескари на муть и сбежались. Тут я им и червячка под нос...

Все прекрасно знали, что пескари сбегаются на замутненную воду, но лишь Матвей. Сироткин воспользовался этим простейшим способом и теперь, гордо подняв голову, вышагивал впереди растянувшейся колонны.

Кузя замыкал шествие и притормаживал Валеру, который все время пытался обойти Зайчика и Волнушечку.

Жареху Валера ел без аппетита, пересластил чай и перед сном спросил у Волнушечки снотворного. В аптечке снотворного не оказалось, ибо на природе сон у нас был всегда крепок.

Валера промышал что-то, залез в спальный мешок и отвернулся от всех — он спал с краю палатки. Посылал ли он в адрес Волнушечки какие проклятия, не знаю, но только за ночь у Волнушечки так разболелись зубы, что утром смотреть на него было жалко. Он стонал и охал, держась за раздутую щеку, словно щека вот-вот отвалится. Валера из-за вчерашнего поражения так и не сомкнул глаз, и теперь едва смотрел на свет божий.

Адмиралу грозила участь впередсмотрящего.

Зайчик с Игнатом — на моторе, а Матвей Сироткин ответственно заявил, что он скорее даст отрубить себе голову, чем возьмет в руки шест. «Я не могу идти на преднамеренное убийство. Я знаю, чем это пахнет», — сказал он, и зрачки его глаз при этом значительно увеличились в диаметре.

Впередсмотрящий при спуске — это все: капитан, лоцман, штурман и даже рулевой. Реакция его на все коварства Мрассу должна быть мгновенной. Если кто думает, что спускаться по горным речкам проще и безопаснее, чем подниматься, тот глубоко ошибается. Лодку несет со стремительностью течения плюс скорость мотора. Не успеешь оттолкнуться от одного валуна — на тебя с ужасающей быстротой надвигается следующий. Относительный отдых ждет впередсмотрящего лишь на плесах.

Шест с железным наконечником был торжественно вручен адмиралу. Кузя взял его дрожащими руками, словно это был сам указующий перст его судьбы, шагнул в носовую часть корабля, набрал полную грудь насыщенного кислородом воздуха и просипел:

— Вперед, друзья, вперед...

— Назад, старичок, — поправил его Зайчик, любивший точность во всем.

Волнушечка продолжал стонать. Валера клевал носом. Игнат сидел на моторе и следил за жестами, которые подавал ему Кузя. Зайчик набирался сил. Матвей Сироткин старательно вычерпывал воду.

Первый пережат прошли удачно. Кузя приободрился. Но ненадолго.

Лодку втягивало в бучило. Хорошо был виден падающий излом реки. Адмирал нацелился шестом в кипящее варево бурунов.

— Только не закрывай глаз, — простонал сквозь зубную боль Волнушечка.

— Ма-алчать! — прорычал Кузя и с силой воткнул шест в воду.

Лодку качнуло, левый борт захлестнуло волной, адмирал на мгновение повис в воздухе и шлепнулся рядом с Валерой, который дремал и теперь не мог понять, что произошло.

Бучило осталось позади. Шест остался торчать посреди камней. Адмирал тарашил глаза и усиленно тер поясницу. Сироткин спешно отчерпывал воду.

— Я видел это дело в гробу, — сказал Игнат и выключил мотор.

— Нет, это я видел это дело в гробу, — сказал Кузя. — От судьбы не уйдешь. Пусть что будет, то будет, — и, усевшись поудобнее, адмирал спрятал голову в колени.

— Что случилось? — спросил Валера.

— Адмирал решил податься в цирк, — забыл о своих зубах Волнушечка. — Великолепный номер с шестом среди бегущих волн. Первая проба удалась. Следующее сальто-мортале...

Но адмирал не дал Волнушечке завершить фразу. Он не терпел насмешек.

— Молчи, симулянт, — вскочил Кузя. — Я вам покажу цирк, я вам такое сальто-мортале покажу... Чего расселись? Почему заглохли моторы? Полный вперед! Давай сюда запасной шест...

— Учти, скоро Валеркин прижим, — предупредил Зайчик, садясь за мотор вместо Игната. — Если и там выпустишь шест из рук — всем нам будет крышка.

— Не учи. Сам знаю.

Валеркин прижим надвигался неукротимо, как пасть зверя, готового заглотить флот со всеми потрохами. Течение несло лодку прямо на скалу. Кузя напряжился. Он, кажется, готов был подставить под удар собственный лоб, лишь бы благополучно миновали прижим и не обвинили его во всех смертных грехах.

Еще секунда — и лодка врежется в отполированный водой базальт. Волнушечка широко открыл рот, словно в последний раз решил глотнуть таежного воздуха. У Сироткина остановилось сердце и ноги свело судорогой. Но Кузя вовремя упирает шест в скалу, нос корабля отворачивается от нее, Кузя торжественно взмахивает шестом и кричит «Ура!».

И все прошло бы на высшем уровне, если б славный товарищ адмирал не позабыл, что кроме носовой части у каждого корабля существует еще и часть кормовая. И когда он, вместо того, чтоб продолжать работать шестом, закричал «Ура!» корму занесло, ударило о скалу, Зайчика швырнуло в сторону. Зайчик выпустил руль, и мотор тут же приказал долго жить, расколовшись на две неравные части.

Игнат вспомнил крестовину и все подходящие к ней эпитеты. Но

строгое молчание и осуждающий взгляд Зайчика повлияли на Кузю больше, чем все ругательные слова Игната за все навигации.

Флот рассчитывал прийти в Усть-Кабырзу сегодня же, но теперь стало ясно, что вряд ли доберется туда и к завтрашнему вечеру. Чем ближе к поселку, тем длиннее и спокойнее плесы, по которым безмоторная лодка плывет со скоростью уставшего пешехода.

Кузя тяжело переживал происшедшее и только на следующее утро начал приходить в норму.

К Усть-Кабырзе подплывали в предвечерних сумерках. Закатное солнце подсвечивало красным светом застывшие над горой облака. Мрассу тихо струилась, огибая поселок. Над поселком плавали дымки. Это кабырзинские женщины растопили печи, готовя ужин. Пахло сеном и парным молоком. На пароме громко переговаривались девчата. Они спешили в клуб. В кино или на танцы. Клуб был на другом берегу.

Валера с Волнушечкой не сводили с парома глаз.

Адмирал еще днем, на привале, облачился в парадную форму, надраил носком пуговицы и золотое шитье своего мундира, и сейчас, стоя посреди лодки под собственным адмиральским флагом, весь сиял, как оправленный алмаз.

Около невысоких кустиков у берега недвижимо стояло толстое бревнышко. Лучше пристани не придумаешь. Зайчик, работая кормовым веслом, подчалил к нему как по заказу.

— Молодец! — похвалил Зайчика адмирал и легко прыгнул на бревнышко.

Это могло случиться с любым. Все были уверены, что толстый этот обпилишь когда-то могучей пихты прочно лежит на пологом дне, а не пристроился к кустикам, свисавшим над глубокой ямой.

Бревнышко угрем выскользнуло из-под Кузиных ног, и славный товарищ адмирал с громким всплеском рухнул в воду.

Девчата на пароме прыснули так, что их смех эхом отдался в горах. У Волнушечки свело челюсти и перестали болеть зубы.

— Адмирал остается адмиралом! — воскликнул Валера.

— И пусть остается, — сказал Игнат, глядя на потерявшего весь свой недавний блеск Кузю. — Мужик-то он неплохой. Вот только разве солидности не хватает...

Часа через два все уже сидели в рейсовом автобусе. Мотор на тужно ревел, преодолевая перевал. Когда автобус достиг вершины, члены флота, не сговариваясь, оглянулись. Лунный холодный свет играл бликами на потемневшей реке. Отсюда Мрассу виделась спокойной, терпеливой речушкой.

Но они-то знали, что скрывается под напускным этим спокойствием.

Ну, что ж... Прощай, Мрассу — желтая река! — сказал про себя Волнушечка. — Ты навсегда останешься в нашей памяти — вольная, норовистая, сильная. Мы, наверное, больше не вернемся сюда. И не потому, что ты сделала нам что-то плохое. Отнюдь. Просто жизнь наша в сравнении с твоей слишком коротка, а повидать хочется так мно-

го. К тому же к одному месту, каким бы прекрасным и заманчивым оно ни было, быстро привыкаешь, и взгляд уже не задерживается, скользит мимо поразивших тебя когда-то красот. И на будущий год мы поплывем уже по другой реке. Такой же шумной и неуживчивой. Их много, таких рек, в нашем краю. Поплывем опять всем флотом, в полном его составе. Под адмиральским флагом.

И мы справимся с любыми порогами, перекатами, прижимами.
«Усердие все превозмогает», как говорил Кузя.

Так провожают пароходы...
Фото А. КУЗЯРИНА

Два рассказа

НА ШУРФЕ

Шурфы мы били на склонах гор Шории. Вернее, бил наци забойщик дядя Тима, поджарый мужик сорока пяти лет с крепкими, как у орангутанга, руками, увитыми набрякшими синими венами. Мы с Колькой крутили вороток.

Наша жизнь протекала довольно скучно. Летом мы дневали и ночевали прямо возле шурфа. Тут у нас был шалаш, покрытый пихтовыми лапками, полевая печь из десятка кирпичей. При переезде на новое место, мы разбирали печку и увозили с собой. Кроме геологов, к нам никто не заглядывал. Да и те придут, измерят выкопанную дядей Тимой яму, опишут породу и два дня больше не показываются на шурфе.

Три раза в неделю кто-нибудь из нас спускался с гор в деревню, которая лежала в ложине на петле реки, и закупал продукты. Чаше всего походы совершал Колька. Он завел среди сельского люда дружок. Обычно Колька возвращался в шалаш под утро, когда мы с дядей Тимой, забравшись с головой в спальные мешки, видели седьмые сны. Ночи в тайге туманные, прохладные. Если не укроешься тепло, сырость проберет тебя до костей.

Тяжело дыша, мокрый, как пробежавшая по росистой траве собака, Колька на карачках заползал в шалаш, громко сопел, раздеваясь догола, чтобы в мешке спать сухим. Устроившись, он обязательно будил меня осторожно, чтобы не пошевелить дядю Тиму. Ему не терпелось вытряхнуть накопленные в деревне впечатления.

— Старик, слышь? Сегодня одного гуся уляпали, — жарко дышал он мне в самое ухо.

— Пошел с гусями! Опять наклюкался, — ворчал я, отворачиваясь, чтобы не чувствовать винных паров, которые источал Колька. Видя, что я проснулся, он придвигался еще ближе и начинал громким шепотом рассказывать об очередной драке с парнями. Под его возбужденное бормотание я засыпал, думая, что напрасно. Колька связался с компанией тунеядцев, высланных в деревню. До добра они не

доведут. Дядя Тима говорит правильно: «Ты, Колька, как ручной волк. Во дворе сидишь, а в тайгу смотришь. Там медведи. Обдерут тебя».

Мой напарник бодрился:

— У меня есть свои коготки.

— Коготки есть, а головы не видно, — отрезал дядя Тима, сердито добавляя: — Или живи и трудись, как человек, или собирай монатки и шуруй к своим бездельникам.

Колька не собирал монатки, но из деревни по-прежнему возвращался чуть ли не по-пластунски. Видимо, наши слова пролетали мимо, не задевая его. Но однажды ему пришлось все-таки серьезно выбирать.

Тогда мы работали на лысой макушке горы под не прикрытым облаками солнцем. Это было в июле. Казалось, небо выцвело от жары, серебром плавился отточенный топор. Чтобы не схватить солнечный удар, я скинул рубашку и обмотал голову. Потом пришлось стянуть брюки и крутить вороток в одних трусах. Не успевали мы спускаться в шурф освобожденную от глины бадью, как дядя Тима кричал из провала:

— Вирай!

И дергал за веревку.

Мы наваливались на рукоять.

Иногда Колька не выдерживал, перегибался через ограждение и откликался забойщику:

— Дядя Тима, ты что там — опупел! Все деньги выгребешь. На развод оставь хоть рупь.

Потные, злые, мы выдавливали из себя последние силы, мечтая, что солнце утонет в зубчатых, как пила, горах и можно будет растянуться в прохладе шалаша и от души напиться.

До вечера было еще далеко, когда затрещали кусты и на поляну, где мы работали, вылез Бондарь, деревенский заводила и гуляка.

— Нашли дурака. Послали полоть капусту в такую жару. Не я сажал ее, не мне обрабатывать. Дай, думаю, посмотрю лучше, как ребята надсажаются, — сказал он с усмешкой, подбирая со штабеля крепей брезентушку дяди Тимы. Брезентушку Бондарь отнес под куст, бросил в тень на траву и прилег, как усталый паша, на локоть.

Я встретил этот визит равнодушно. Пришел — ну и лежи, черт с тобой. Не мешай только работать. Другое дело Колька. Было видно, как душа его затрепетала радостно: сам Бондарь пожаловал! Колька презрительно оттопырил губу, на его худом незагорелом лице маска самодовольства, высокомерия. Нормально он перестал говорить. Матерки посыпались через его редкие зубы, как мелкий песок сквозь сито. Потом он взялся покрикивать на меня, показывая Бондарю, что здесь тоже держит вышку он, Колька.

Когда пришла очередь ему принимать бадью и оттаскивать подалее от шурфа к отвалу, чтобы вывалить глину, он кивнул:

— Бери.

Это было уже сверх.

— Чего устилаешься перед подонком? Авторитет зарабатываешь, да? — прошипел я, не двигаясь с места.

Колька отвернулся и ничего не сказал. Ему не хотелось со мной по-настоящему ссориться. Как-никак вместе работали.

Бондарь или услышал, или догадался, о чем сказал я. Он вдруг сел, подобрал ноги, весь нахохлился и, сверкая из-под сведенных бровей глазками, выкрикнул:

— Эй ты, черный, веселей сучи ручками возле колодца и не суйся, куда тебя не просят!

Это был вызов.

В запальчивости я ответил.

С акробатической ловкостью он спружинил на ноги и пошел на меня, опустив голову и готовые взорваться снизу руки. «Боксер», — подумал я вяло и показался себе таким маленьким, тщедушным, измученным работой и жарой, не способным даже шевельнуть пальцами. Пот закарябал холодной лапой спину.

— Рябята, будет вам, — проверещал откуда-то сбоку осевший Колькин голос.

Я выпустил ручку ворота и, зажмурившись, шагнул вперед. Дыхание сперло. Солнце, зубчатые горы словно куда-то провалились, осталась одна мысль: уступать нельзя. Уступишь раз — потом будет так всю жизнь. Я поднял руку и бросился к Бондарю. В тот же миг перед глазами разорвалось что-то ослепительно белое, похожее на вату, и в ней мириады огненных осколков. Я почувствовал, что опрокидываюсь на спину. Очнулся распластанным на штабеле крепей. Бондарь стоял возле воротка, смотрел на меня сверху и, откровенно насмехаясь, спрашивал:

— Ребрышки не повредил? Может, врача пригласить?

Страх и боль куда-то исчезли. Я схватил крепину, замахнулся и чуть не огрел... Кольку, потому что Бондарь вдруг скривился от боли, сложился вдвое, хватаясь за бок, и сел на корточки, открыв моего напарника. Белый, как бумага, Колька держал наперевес заступ. Потом я не раз допытывался, где нашел он смелость поднять руку на Бондаря, «своего в доску парня». Колька не отвечал прямо. «Так получилось», — говорил он, поднимая желваками кожу на скулах. Для меня, наверное, останется навсегда загадочным его поступок.

Но тогда некогда было удивляться. Не помня себя, я схватил Бондаря за горло, рывком поставил на ноги (откуда только силы взялись) и потащил к воротку.

— Повкалывай хоть раз, как мы! — шипел я, толкая ему под нос ручку воротка. В глазах стояло бледное Колькино лицо. — А ты стой возле него и в случае чего гладь лопатой по кумполу, да покрепче.

Оглушенный болью и моим бурным напором, Бондарь несжиданно для себя взял рукоятку.

— Крути! — не отступал я.

Он оглянулся.

Колька поднял заступ:

— Крути!

— Ребята, расчет будет жестокий, — предупредил Бондарь сразу осевшим вдруг безвольным голосом и толкнул рукоять. Бадья соскользнула с борта шурфа и закачалась на весу...

Колька потоптался с лопатой, потом отвернулся, пошел к расстеленной брезентушке и лег ничком, положив лоб на согнутые руки. Представляю, что творилось в его душе.

В шурфе волновался дядя Тима. Не имея возможности вылезти из двадцатиметрового колодца и слушая нашу возню, он ругался на чем свет стоит.

— Дядя Тима, порядок! — крикнул я. — Новый рабочийк при- был. Дело сейчас пойдет.

Закрутился вороток, полезла змеей вниз веревка с бадьей. Работа началась.

Откровенно, я никогда с таким подъемом не доставал породу из шурфа, как с этим тунейдцем. Что и говорить, силенка у него была. Иногда я делал вид, что кручу. Он один вытаскивал с двадцатиметровой глубины восемьдесят килограммов железа и породы...

Мы продержали Бондаря до самого вечера, пока не вылез дядя Тима. Забойщик мрачно оглядел «нового рабочегок» и неожиданно спросил:

— От старшего геолога есть направление?

— Нету, — растерялся Бондарь.

— Завтра сходи и оформи. Иначе больше не пустим на шурф.

Я не знал, что дядя Тима шутник.

Бондарь невнятно буркнул, что он уже работает в совхозе, а на шурф пришел так, поглядеть, и поспешил распрощаться... На Кольку он не посмотрел, но и тот держался свободнее и не заискивал перед «своим в доску парнем».

Когда смолкли кусты, успокоились осыпавшиеся из-под ног камни и тишина сомкнулась за ушедшим Бондарем, дядя Тима сказал, растирая пальцами крупинки глины, косясь на Кольку:

— Гляди-ка, не только коготки, а оказывается и голова есть у парня.

Буза

Алка вышла на крыльцо столовой. Вялым движением поправила платок на голове, щурясь от солнца и вслушиваясь в день. На улице затарахтел трактор, печатая гусеницами грязь и обливаясь сизым дымом. Ударил в нос резкий неприятный запах. Девушка поморщилась и подождала, пока трактор не уйдет подальше. Потом

медленно сошла по деревянным скрипучим ступенькам и побрела, обходя лужи, через железнодорожную насыпь на стройку.

Из-за свалки бракованных железобетонных панелей вывернулся парень с мотком проволоки на плече. Увидев девушку, поднял руку:

— Привет, Буза!

— Привет, — в тон ему ответила Алка.

Парень остановился с явным желанием поговорить.

— Ваши там шумят. Тебя в газете пропечатали, — сообщил он и, ухмыльнувшись, добавил: — Ты знаменитость теперь. Софи Лорен.

— Иди ты! Бреешь, — не поверила Алка.

— Собаки брешут, — обиделся парень и двинулся своей дорогой.

Алка задумчиво посмотрела ему в спину. В самом деле, на стройку месяц назад приезжал какой-то корреспондент. Он еще стоял на перекрытии четвертого этажа рядом с кабиной Алкиного башенного крана. Молоденький такой, тоненький. Бытинка, одетая в серое демисезонное пальто с поднятым воротником, и без фуражки. Его пышными длинными волосами забавлялся ветер. Алка подумала: «На бабу похож...» Бригадир что-то говорил ему, показывая рукой то на поселок, то на стройку. Журналист слушал, низко наклонив голову, потом поставил ногу на край ящика с раствором, положил на колено блокнот и застрочил быстро-быстро карандашом по белому листу. Алка заметила: когда он писал, то взглянул несколько раз в сторону крана. Тогда она не обратила на это внимания, а теперь, вспомнив, подумала: «Старый хрыч, видно, наябедничал. «Алка такая. Алка сякая. Слово скажешь — в ответ десять получишь». Пусть сами языки не распускают...».

Алка тяжело вздохнула и далеко пнула с дороги кусок кирпича. Сколько несчастий в один день! Позавчера к Жене, подруге по комнате в общежитии, приходили парни в гости. Одного из них, высокого с белокурыми шелковистыми волосами в завитках, Сергея Ударцева, она хорошо знала. Он дружил с Женей и часто бывал в общежитии. Но Серегиного дружка Алка увидела впервые. Он сразу ей не понравился. Слишком много говорил, хотел быть галантным, но свалил вдруг стул. Схватился за дужку кровати — кровать стащил с места. «Перебрал», — определила Алка.

— Пусть он побудет с тобой? — попросил Сергей Алку. — Куда его такого. Мы вернемся из кино, уведу...

— Пусть побудет, — согласилась Алка на свое несчастье.

Когда Женя и Сергей ушли, парень затих. Только сидел, обхватив голову и раскачиваясь на стуле, как заводной. Алка скоро перестала обращать внимание на гостя. Ей захотелось отдохнуть. Она забралась в кровать, подоткнула под спину подушку и так зачиталась, что забыла начисто о существовании Серегиного дружка. Но тот скоро напомнил о себе. Внезапно схватив девушку за плечи, он впился в полураскрытые Алкины губы. Ошеломленная, она даже не сопротивлялась. Но когда парень полез рукой под одеяло, Алка не взвидела

света. Отдернув голову, что есть силы двинула его локтем снизу в подбородок. Неудачливый любовник заплескал руками в воздухе и грянул на пол, опрокидывая стулья.

— Легче, малыш, на поворотах! — прошипела Алка, запахивая халатик и соскакивая с кровати.

На шум в комнату вошла Наталья Григорьевна, воспитательница.

— Что у вас происходит, Родионова? — спросила она строгим голосом.

Как будто непонятно. Алка выразительно приподняла и опустила плечи, отвернувшись. Серегину другу в этот момент удалось принять вертикальное положение. Неудача вселила в него ярость. Он обрушил ее на ни в чем неповинную воспитательницу. Но под кулак попал случайно заглянувший в комнату парень. Он схватил Серегиную друга одной рукой за волосы, другой — за брюки. Буяну пришлось пересчитать в самых неудобных позах ступени лестницы с третьего этажа до вестибюля. А там хроменький дядя Вася — вахтер — протолкнул его на улицу.

На свежем воздухе Серегин друг долго не мог успокоиться. Матерился, бил сапогами в дверь, пока не приехала милицейская машина. Лишь тогда пятиэтажное здание вновь замкнулось в ночной тишине.

На следующий день редколлегия бытсовета выпустила очередной номер сатирической стенгазеты «Вилы в бок». Половину листа заняла Алкина персона с пышной челочкой и длинным, как у Буратино, носом. Челка и нос со страхом выглядывали из полуоткрытой двери на появившегося питекантропа с бутылкой в кармане. Сильными волосатыми руками он крушил стену. Картинку развясняла надпись: «Пусть Родионовой будет стыдней водить к себе таких друзей...».

Алка увидела стенгазету только сегодня утром, когда торопилась на работу. Не помня себя, девушка сорвала разрисованный лист ватмана...

— Чтобы ноги твоей не было в общежитии! — взвизгнул рядом высокий, странно знакомый голос.

Алка вздрогнула и оглянулась. Перед ней стояла комендантша общежития с багровым лицом.

Алка, будто ошпаренная, выскочила из общежития...

А тут еще в настоящей газете пропечатали. Как пить дать, попрут с работы и общаги...

Алка выпростала концы платка из-под фуфайки, затянулась потуже и заспешила к раскомандировке.

Работу бригада еще не начинала. Весеннее солнце выкурило каменщиков из деревянной будки. Они расселись кто на кирпиче, кто на обломке плахи, а кто просто на корточках. Курили, лениво переговаривались...

Засунув руки глубоко в фуфайку, Алка намеренно близко пошла возле раскомандировки с независимым видом, насвистывая мелодию из фильма «Ноктюрн»...

— Эй, Буза, погоди! — крикнул Коля Назаренко, комсорг. — Тебя пропечатали в газете.

Алка приостановилась, мотнула челкой.

— Да? Значит, заслужила...

Внутри у нее все застыло, окаменело. Сейчас каменщики взорвутся смехом. Но никто даже не улыбнулся. Только бригадир буркнул, почесывая затылок:

— Вон люди всю жизнь работают и строчки о себе не заслужили. А тут белобока покрутилась на хвосте в своей кабинке и на тебе...

У Алки вытянулось лицо. Ничего она не понимала...

Танька Голубева, подсобница, ухмыльнулась во весь губастый рот, достала откуда-то из-за пазухи газету и нараспев прочитала:

— «Алле Родионовой (ишь об Алке-то нашей, Бузе, как о правдашной пишут) одной из первых комсомолок, приехавших на строительство, посвящаю...»

Это было стихотворение. Голубева читала плохо, спотыкаясь на каждом слове, точно перешагивала через бревна. Но закончить чтение она не успела. Алка подкралась и выхватила газету.

Голубева схватила ее за полу фуфайки:

— Отдай, Буза. Не ты покупала. Отдай.

Алка перелетела траншеею, прыгнула на подкрановые пути, вцепилась в перекладину трапа, качнулась, подтягиваясь, кошкой стремительно полезла вверх. Метрах в десяти над землей оглянулась вниз на грозившую кулаком подсобницу, помахала газетой, как флажком, и крикнула:

— Танюха, не жадись! Верну в целости!

— Достанется кому-то золотце, — проворчал бригадир, сдвигая на лоб кепку так, что козырек закрыл ему глаза.

Коля Назаренко сломал прут и поднялся. За ним последовали бригадники. Потом все гуськом потянулись к недостроенному дому...

Алка сидела в тесной кабинке своего крана и смотрела на поселок. Издали освещенные солнцем белые дома казались необыкновенно чистыми и красивыми. Настоящий городок в табакерке, если убирать грузовые машины, снующие челноками по шоссе вдоль ряды передних зданий. Алка подумала, что возле каждого из них стоял ее кран, и гордость шевельнулась в душе девчонки. Она свернула дудкой газету и погрозила каменщикам, снующим мурашами внизу.

— Пусть кто-нибудь попробует теперь сказать обо мне плохо, глаза выцарапаю...

Наши переводы

Сергей Сухарев-Мурышкин — студент пятого курса Кемеровского педагогического института. Он учится на английском отделении факультета иностранных языков и увлекается переводом английских поэтов. Мы предлагаем читателю несколько стихотворений английских поэтов в переводе Сергея Сухарева-Мурышкина.

Суэмас О'САЛЛИВАН

Флейтист

Сегодня на улице, в хмурый закат,
В звонкую флейту подул музыкант.
И тонкая песня, легка и светла,
Взлетела — и всех за собой позвала.
Двери и окна раскрылись кругом,
Юбки цветным запылали огнем,
Толпы на праздник сбежались бегом.
Босых ребятишек на мостовой
Пляска умчала в век золотой.
Весь мир, веселясь, вытворял чудеса
Сегодня на улице полчася.

Уильям Генри ДЕЙВИС

Досуг

Да разве это жизнь, мой друг,
Когда нельзя взглянуть вокруг?
Когда нельзя в тиши лугов
Пасти задумчивых коров,
Когда нельзя приметить вмиг,

Где белки прячут свой тайник,
Что, словно ночью небеса,
Созвездьями блестит роса,
Когда нельзя в рассветный час
Ловить и ждать улыбку глаз —
И вдруг услышать звонкий смех
Той, что танцует лучше всех.
Гроша не стоит жизнь, мой друг,
Когда нельзя взглянуть вокруг.

Джон ХИТ-СТАББЗ

Бездомный поэт

Бездомный поэт в гостиницу входит,
достаёт, карманы обшарив, наличность:
— Могу я устроиться на ночлег?
— Конечно, сэр! — ему отвечают. —
Распишитесь, пожалуйста, в книге.
Ваше имя? — Шелликитс, — отвечает поэт.
— Род занятий? — Поэт, — отвечает поэт.
— Ах, вон оно что! Прошу прощенья,
мы не обслуживаем поэтов:
дело в том, что от них не дождешься платы.
— Что же мне делать тогда, скажите?
Тронут расстроенным видом поэта,
служащий доверительно шепчет:
— Попробуйте заглянуть напротив —
там очень ценят поэтов.
В рекламном агентстве напротив
поэта встретили и затащили
цепкими объятьями осьминога:
— Входите, входите! Мы любим поэтов.
Нам нужны поэты. Они пишут
броские вывески и заголовки.
Мы вас поставим в ночную смену.

— Но я совсем не хочу работать!
Мне просто хочется спать, — твердит поэт.
— В таком случае обращайтесь напротив:
уж там-то всем покой обеспечен.

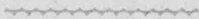
Напротив — на кладбище вход...

— Мне нужна постель, — просит поэт.
Все равно — какую дадите.

— К сожалению, — отвечает сторож, —
мы не принимаем поэтов.

— Но почему же? — молит поэт. —
Разве и здесь не всякому место?

— Нет-нет! — отвечает сторож.
Чего доброго, соседи начнут жаловаться.
Еще нехватало, чтоб мертвецы среди ночи
вскакивали и пускались в пляс.

ВЫСОКОЕ ДАВЛЕНИЕ

В вечерней настороженной тишине лестничной клетки обледенелая роба шуршала сухо, жестко, как ржавое железо на крыше во время бури. Поначалу Костя не обращал внимания, точнее, он просто не слышал этого шороха; весь был во власти раздумий о минувшем чертовски тяжелом дне, о том, что вот он, Константин Бурыгин, передовой бригадир монтажников, уже сорвал срок сдачи теплотрассы и, понятное дело, завтра и без того придирчивая и строгая приемная комиссия еще безбожнее станет докапываться до каждой мелочи, выматывать душу. А потом свое начальство — из монтажного управления — подключится, потом трест, потом «генерал» (генеральный подрядчик), потом... О, сколько их будет этих самых «потом»!..

Костя устало поднялся на площадку третьего этажа, сунул было руку в карман куртки за ключом и тут же отдернул, словно обжегся. И скрежет мерзлой робы показался ему таким резким, что он невольно остановился: «Медведя в берлоге можно разбудить»...

С досадой подумал, что полагалось бы переодеться в бытовке, но зимнее отопление налаживать там нет необходимости — скоро переезжать на другой объект, а электрообогреватель «козел» на ночь рекомендуется отключать. Просушить спецовку там пока нет условий.

Широко расставляя ноги, чтобы штанина не касалась штанины, сделал несколько сторожких шагов к двери своей квартиры, тихонько сунул ключ в замочную скважину, плавно налег плечом на дверь, чтобы — избави бог — она не скрипнула.

Время позднее, и Костя полагал, что жена уже спит и, слава богу, все обойдется без лишних там ахов и охов, без долгих и нудных: да как же это?.. да почему это?.. Но едва переступил порог, чуть было не столкнулся со своей Катюшей, и замер, виновато хлопая глазами.

Жена стояла с вытянутыми руками, готовясь, видать, сама открыть ему дверь, да опоздала малость. Попятилась в испуге, всплеснула ладонями:

— Боже мой! На кого ты похож! Тебя что, в реке полоскали или воду на тебе возили?

Закрывая за собой дверь, Костя с горечью подумал: «Это только пролог...». А вслух невнятно пробормотал:

— Насос, будь он неладен, плевался всю дорогу, как верблюд.

— Значит, опять не сдали?

— Как видишь...

— Хорошенькое дело,— Катюша рывками расстегивала неподдающиеся пуговицы куртки мужа.— А я со своей бригадой как теперь? Из-за вашей волынки и мою работу могут приостановить. А сколько уже сделано? И все по твоей милости, передовой бригадир!..

Катя работает в строительном управлении. Ее бригада штукатуров-маляров ведет отделочные работы в домах того же квартала, куда монтажники тянут теплотрассу. Беспокоит Катюшу не то, что могут приостановить отделочные работы, а за готовые, уже отделанные дома больше тревожится она. Еще бы, достаточно несколько морозных дней, и все пойдет насмарку—поплывет, посыплется штукатурка... Сколько труда, какие затраты и?..

— Волынки, волынки! — с запозданием передразнил жену Костя, будто только сейчас дошло до него это обидное, унижительное слово.— Монтажные работы — это тебе не мастерком или там кисточкой махать!..

— Ма-хаты! — она так дернула, что пуговица осталась у нее в руке. Смотрит круглыми глазами и слова не может произнести от обиды.

— Извини, пожалуйста,— успокаивал он жену.— Устал сегодня как никогда. Иди, бригадир, ужин приготовь, а я помоюсь, погреюсь в ванне.— И уже вслед ей бросил, смеясь: — Да пуговицу к куртке не забудь пришить. Она, пуговица, не виновата.

Катюша оглянувшись, уже из кухни ответила:

— Ладно, бригадир. Грейся пока в ванне. А на завтра тебе парную, должно, готовят. Да с веничком. Из шиповника...

Осень не торопилась вступать в свои права, будто прониклась уважением, по-человечески сочувствовала монтажникам. Вон уже потемнели сосны и ели в бору за Томью, хвоя их налилась оливковой дремотной тяжестью. Величественные и важные стоят они в осенней прозрачности.

А дни еще сухие и солнечные. Правда, случалось, проникали в наши края, как объясняют синоптики, арктические течения, налетали ветры, закручивало так, что хоть в зимнюю одежду забирайся. Но потом снова отпускало.

Монтажники торопились изо всех сил. Торопились, чтобы до наступления холодов — а они были не за горами — закончить монтаж магистральной, головной теплотрассы. Пусковой объект! Да не только это беспокоило, подстегивало монтажников...

В строящемся крупном жилом квартале дома улыбались уже свежей покраской, радужным блеском чистых стекол в окнах. А внутренняя отделочка — закачаешься! «Добро пожаловать, новоселы!».

Счастливики нетерпеливо мяли в карманах ордера на новые квартиры; подолгу стояли на краю траншеи; казалось, без особого любопытства смотрели, как продвигаются дела. Молча, со скучными физиономиями убирались восвояси. И еще отчаянней работали парни.

— Вон опять притопал тот!.. — Пан Зюзя — так в шутку называют белобрысого молоденького электросварщика — со злостью вставил в держатель новый электрод, заслонил лицо щитком.

Над трехметровым обрывом траншеи выросла высокая, прямая, как столб, фигура пожилого мужчины в черном демисезонном пальто. Воротник, как всегда, поднят, седая шевелюра на непокрытой голове в том же анархическом виде. Он здесь частый гость. И не в пример другим посетителям непременно бросит какую-нибудь подковырку, вроде: «Копошимся, роба-спец?..» или «Лето красное пропела, роба-спец?..» Грамотный, видать, ничего не скажешь...

Вот он, вытянув шею, слегка оттопырив локти, смотрит вниз, будто намеревается головокружительное сальто-мортале совершить, с издевкой вопрошает:

— Как дела, роба-спец?..

По дну траншеи торопливо идет бригадир монтажников, поднял голову, хотел было ответить достойно, но споткнулся обо что-то и только мысленно чертыхнулся: «Принесла же тебя нелегкая со своей робой-спец!..».

Бурыгин, разумеется, далек от суеверных предрассудков. Однако... Сегодня уже второй и последний срок сдачи теплотрассы. Правда, в первый не уложились не по вине его бригады. Но ему, Константину Бурыгину, от этого нисколько не легче. Объект — серьезней некуда! Как-то оно все обойдется?

Утром, чтобы даром не терять ни одной минуты, Костя провел раскомандировку прямо в автобусе. До места работы полчаса езды, времени — хоть отбавляй.

Сегодня, будто нарочно, сел он на самое заднее сиденье. Тряско?.. Пускай. Зато вся бригада как на ладони.

— А теперь послушайте, что я скажу, — начал он вдруг и так громко, что все враз умолкли, повернули головы к бригадиру. — Сальков со своим звеном слесарей, — продолжал Костя уже обычным голосом, — собирает «нитку» водопроводных труб и подтягивает к ближайшему колодцу водозабора. — Короткая пауза. — Титов, ты запустишь сварочный агрегат, который менее капризный, и от него «прикуришь» второй. Электросварщики добивают последние стыки труб, — опять помолчал, будто подливая металла в свой голос, строго предупредил: — Да глядите у меня! Не щи с квашеной капустой варите!! И не забудьте потом приладить заглушки.

Мотористам бригадир наказал, чтобы насос и компрессор работали, как часы. Устно расписал распорядок дня, сделал указания по некоторым мелким деталям, улыбнулся, окинул взглядом притихших товарищей.

— Надеюсь, до каждого дошло?..

— Куда уж проще: тят-ляп и в дамки, — хихикнул Пан Зюзя.

Как никогда, сегодня монтажники сосредоточенны, молчаливы. Ни лишнего шага, ни пустой реплики. Поднимет Пан Зюзя свое забрало, электрод заменит, на лаборантов покосится, на машину-лабораторию и снова нос под щиток, и опять брызжет голубоватыми искрами электросварки. Непокойно у него на душе...

Лаборанты — гроза электросварщиков, — топают, что называется, по пятам, делают рентгеновские снимки швов сварки. А в машине-лаборатории их коллеги колдуют над снимками, проявляют рентгенопленку. Пан Зюзя уже знает: эти вот колдуны со своим адским глазом сквозь железо видят все, малейшую раковинку заметят — и тогда... Молодой он еще электросварщик и по неопытности, а, возможно, по халатности допустил однажды брачок. Чуть было не погнали его из бригады. Лучше и не вспоминать. Выглянул из-под щитка, улыбнулся: ни сучка, мол, ни задоринки! И снова за дело.

Еще полчасика, еще час... И затараторит движок мощного насоса: долго будет глухо шуметь, булькать вода в утробе мощных труб, пока наконец не вздрогнет стрелка манометра, не поползет медленно вверх к штриху с цифрой шестнадцать... Шестнадцать атмосфер! Высокое давление.

В это время невольно поднимается давление и у электросварщиков. В холодном поту забегают они взад-вперед вдоль труб теплотрассы, тревожными глазами будут впиваться в свои «художества»: не пропускает ли шов, не просачивается ли водичка?.. Потом два-три часа выдержки и... пожалте, дорогая приемная комиссия!..

Однако быстро сказка сказывается...

Наконец все в ажуре. Комар носа не подточит. Монтажники застыли у насоса широким кругом, молчат, как перед началом важных торжеств.

— Запускай, Сашок! — едва сдерживая влечение, как можно быстрее и, может быть, несколько громче, чем это требовалось, крикнул бригадир, резанув воздух ребром ладони.

Будто лишку глотнув горючей смеси, движок раз-другой натужно и сердито выдохнул охапки черного, едкого дыма, задундел ровно, четко. Приглушенный стенками труб бодрящий шумок, картавое бормотание воды оживило, вселило уверенность в монтажников. Сашок, смуглолицый весельчак и озорник, распрямился, выплюнул давно потухший и уже прилипший к его полным обветренным губам окуроч сигареты, задиристо крикнул:

— Понеслась душа в рай! Айда, пошел, пошел!..

Испытание трубопроводов теплотрассы под высоким давлением — торжественный и в то же время самый ответственный момент, ради которого, казалось, только и трудилась бригада несколько трудных месяцев. Сдать в срок такой объект, списать в «архив» столько неурядиц, невзгод и, чего там греха таить, целое море нервотрепки — есть чему

радоваться! И для треволнений были причины. Случалось, в самый решающий момент объявится такая каверза, что волосы дыбом встанут...

Так вот получилось и на этот раз. Еще не погас светлый огонек в глазах монтажников от доброго начала испытания, а насос, будто издаваясь, хватил полные «легкие» воздуха, фыркнул, как кот, зачихал сухо, резко. Будто вырвавшись на волю, пошел вразнос холостой мотор, содрогаясь всем корпусом.

— Во-оды нет, — чуть слышно произнес Сашок. Облизнул пересохшие губы, словно от жажды. Уставился на звеньевого слесаря.

Салькова как ветром сдуло: футбольным мячом покатился вдоль водопроводных труб.

Монтажники провожали Салькова недобрый, осуждающим взглядом. Кто-то бросил укоризненно:

— Тюрючок негодный! Куда смотрел?..

Сальков не вышел ростом. Маленькая и удивительно круглая голова, черные курчавые волосы венчиком торчат из-под коричневого берета. В движениях юркий, словами сыплет, как горохом. Кто-то в шутку бросил однажды: «Жужжит, как тюрючок...» Так вот и приклеилась к нему эта кличка: «Тюрючок». И он не обижается.

Вот он повернул обратно, несется во все лопатки, даже под ноги не глядит. Остановился на приличном расстоянии, переведа дух, выпалил:

— В колодце ни капли воды! — и смотрит на бригадира глазами смородинками, будто хочет сказать: «А куда же ты, бугор, глядел?..». На разгоряченном лице бригадира даже белые пятна выступили:

— Как это — нет воды?! Не может быть!..

Медленным виноватым взглядом обводит круг притихших монтажников. А те поджимают губы, отводят глаза.

— Я самолично проверял! Была вода! — сорвавшимся голосом кричит Костя.

Но монтажники молчат. И Костя не может понять: верят ему или нет. Уже тише, просительно повторяет:

— Честно говорю, вода была...

Как выяснилось потом, где-то случилась авария, воду перекрыли у другого колодца, а тут осталась ее самая малость. На один «глоток»...

Стоят монтажники плотным кругом у бездыханного насоса. Подавленные и растерянные молчат, как над покойником. То там, то тут взвывается облачко табачного дыма, рассеется над картузами, беретами и ушанками.

Чуть слышно доносится протяжный, монотонный шум не то падающей с крутых порогов воды, не то проходящего вдалеке скорого поезда. Но этого шума не слышат монтажники. У каждого из них свои думы: «Опять задержка...» «Сколько можно?..» А шум нарастал, приближался.

Титов вдруг насторожился, ушанку снял, поводит своим длинным горбатым носом из стороны в сторону, будто принимался к чему-то.

— Слышите?! Тайга — стонет!..

И все вдруг повернулись к Титову, смотрели на него, как на чудака: при чем тут тайга?.. И как это она может стонать?..

А Титов, ткнув своим длинным указательным пальцем в небо, сказал уже тише, предостерегающе:

— Недоброе предвещает...

— Не каркай, как старая ворона! — грубо одернул бригадир. Натянул картуз до самых глаз, посмотрел вверх, и острый кадык его судорожно дернулся, будто в горле застрял комок. «Да-а! Титов, пожалуй, прав...».

Небо стало низким, тревожно-серым. С севера быстро надвигались клочковатые седые облака. Помрачнело вокруг, похолодало.

— Не тужи, ребята, пронесет... — сказал Тюрючок ободряюще.

Рядом, на высоком отвале земли, волчком завертелась пыль, обрывки бумаги, сухие листья. Вихрь спрыгнул с отвала, ворвался в круг монтажников, хлестнул каждому в лицо солидную порцию пыли и растворился.

Но это был только разведчик. Вскоре налетел свирепый холодный ветер, закружился бесом, завыл на разные голоса, поднимая тучи пыли.

Монтажники смешались. Кто натягивал свой картуз на уши, кто заслонял ладонью лицо, поворачиваясь спиной к ветру. Титов — он самый высокий, ему доставалось больше других — плевался, чертыхаясь:

— Опять это самое... Как там его?.. Арктическое, что ли? Кол ему в печенку!

Бригадир давал указания, размахивая руками:

— Всем на водопровод! Собрать все трубы, а не хватит — хоть изпод земли достать! Протянуть к следующему колодцу и подключиться. Сашок, чего копаешься! Живо!

Было уже время обеда, но никто не заикнулся об этом. Нужна вода!..

Заполдень ветер поутих, умерил свой азарт, но зато резко похолодало, полетели белые мухи. Первые цветики зимы.

Зажав между колен накидной ключ, Пан Зюзя снял верхонки, потер ладонями уши, нахлобучил берет.

— Да-а-а колотун!.. — рукавом жесткой куртки-спец шаркнул под носом и снова за дело...

Наконец все готово. Вытянувшись в цепочку, всей бригадой прошли вдоль «нитки» водопроводных труб. Нигде ни сучка, ни задоринки. У насоса встали плечом к плечу. Холод — не тетка. Но, как говорится, беда не ходит в одиночку...

Чем выше поднималась стрелка манометра, чем выше создавалось давление в трубах теплотрассы, тем чаще стал захлебываться насос. То сальниковая набивка сдаст — и вода фонтаном хлещет в щели, то еще какая-нибудь каверза. Высокое давление!..

Внимание монтажников приковано к стрелке манометра: нервы каждого — на пределе. Никто не решается даже закурить. Вот она, стрелка, дрожа поравнялась с цифрой десять.

И вдруг движок фыркнул и замер, шипя парами горячей смеси. Сашок наклонился к нему, как врач к больному, и тут же беспомощно развел руками:

— Свеча... лоп-нула... — У паренька аж слезы выступили.

Мороз тем временем закручивал. Промокшая роба покрывалась ледяной коркой, царапающе шуршала, действовала на нервы вконец измотавшихся людей.

И снова закапризничал насос, опять не стала поступать всда...

На высоких местах перехватило, перемерзли тонкие водопроводные трубы. Побежал туда бензорезчик со своей «зажигалкой», отогревает струей пламени.

— Всем свободным от дел сладить факелы и треть трубы! — распорядился бригадир.

Замелькали огни — целое факельное шествие. Дым, запах солярки...

— Дошла, глядите!.. — радостно крикнул Тюрючок, тыча пылью на стрелку манометра. Хотя и без него видели это.

Костя снял фуражку, вытер мокрое лицо, улыбнулся:

— Вот, что и требовалось...

Посмотрел вокруг и сразу сник. Только теперь заметил, он, что уже смеркается и, разумеется, ни о каком там приглашении приемной комиссии не может быть и речи.

Поскучневшие и приумолкшие монтажники ждали, что скажет бригадир. А он молчал.

В круг вступил вездесущий, никогда не унывающий Тюрючок. Поднял руку, будто призывая к порядку шумную публику, хотя и без того была тишина, будто собирался он сказать пространную речь, сообщить нечто важное. А всего-то и сказал:

— Утро вечера мудренее!.. Шабаш, братва!

После горячей успокоительной ванны, после принятой за ужином порции «снотворного», Костя лег в чистую прохладную постель, надеясь тотчас уснуть. Поначалу уверял себя: сделано все «по уму», давление в трубах высокое и удержалось в норме — из-за этого проторчали у манометра лишних полтора часа, — и теперь со спокойной совестью можно отоспаться. Ну, задержались на день. Не слопают, поди, за это.

Чтобы не тревожили его лишний раз — сынишка просыпается иногда среди ночи: то ему попить захочется, то еще чего там... — Костя устроился в зале, на диване. Однако не тут-то было, сон не шел. Пытался Костя ни о чем не думать, плотнее стискивал веки глаз — не помогало. Принимался считать: раз, два, три... сорок пять... сорок... но посторон-

ние тревожные мысли вплетались в ряды счета, как сорняки в чистое пшеничное поле.

Пока Катюша укладывала сынишку, он незаметно дважды проскользнул на кухню, смотрел на термометр, прикрепленный к раме окна с уличной стороны. Первый раз было три градуса ниже нуля, потом уже приблизилось к четырем. Резко холодало.

«А что будет к утру?...» — и неприятный холодок пробежал по телу. Даже пятки начали зудиться. Костя лежал не шевелясь, дышать старался ровно, спокойно, чтобы не выдать своей тревоги, чтобы не беспокоить Катюшу. Она тоже намаялась за день до чертиков. Девчата в ее бригаде — не суй пальцы в рот...

Время шло, а сна ни в одном глазу. Косте виделось уже, что на термометре — все десять. Нет, куда, больше!.. Вода перемерзла, трубы теплотрассы разворотило. Голубизной отливают рваные, острые изломы стали, будто фугасная бомба поработала во всю мощь свою.

Неужели... все начинать с самого начала?..

«Лето красное пропела, роба-спец?..». Кто это?.. А-а! Старый знакомый... «Напишите объяснительную...». Ох, уж эти мне объяснительные! Сколько их предстоит написать?.. «Будьте любезны, пройдите в кабинет номер...» «Что? По какому такому праву?!».

У Кости даже в горле пересохло. Тьфу ты, проклятье! Лезет в голову всякая чертовщина! Гнал от себя назойливые, кошмарные мысли, а они опять и опять липли, как репы к овчине.

Он высунул ноги из-под одеяла, опустил на пол. Ступая на носки, кошачьим шагом пошел на кухню...

На улице — как днем. Свет фонарей казался немощным, ненужным. Но разглядеть цифры на термометре и ргнутый столбик Костя не мог. С полки взял карманный фонарик, посветил и... чуть не застонал.

И все-таки не верилось ему: врет, должно быть, градусник! Посветил еще раз; ткнулся носом в стекло. «Лето красное пропела, роба-спец?..» — морщась, как от зубной боли, повторил слова мужчины в черном пальто, с вихрями седой шевелюры. Что ты ему скажешь?

Положил фонарик на полку, рукой отодвинул штору на двери, протиснулся бочком, и тем же маршем направился к своему ложу. Но... «Что это?... Привидение!..» — он очумело таращит глаза. В проеме двери в спальню, как в огромной раме, нечетко вырисовывается силуэт странного существа, одетого в длинный розованный балахон; распущенные волосы серебрятся легким облаком. Он тут же услышал тихий, но такой знакомый голос:

— Сколько?..

Костя вздрогнул даже, облегченно вздохнул:

— А, это ты, Катюша...

— Сколько... на термометре? — уже действительно, окрепшим голосом повторила она, тряхнув головой. И россыпь серебристых искр вспыхнула фантастическим ореолом.

— Шесть, — почти спокойно ответил он. — А что?

— Вечером смотрела, было четыре. А что будет к утру?..

Некоторое время Костя не мог произнести ни слова в ответ. Дернула же нелегкая рассказать жене за ужином все неурядицы на работе.

— Ничего с ними, с трубами, не стряется. Траншея глубокая, земля сухая и дневного тепла там достаточно. Ложись, пожалуйста,— сказал он.

...Румяный, веселый рассвет все ярче раскрашивает стены, матовыми дорожками стелется по полу. Костя встал, в одну руку взял ботинки, в другую — одежду. Вышел в коридорчик, тихо и быстро сделался. Постоял немного, прислушиваясь.

Мягкая свежесть утра бодрила, придавала столько сил, что Косте хотелось бежать. Но он сдерживал свой детский порыв. Попадались редкие прохожие. Костя шел быстрой, легкой походкой. А навстречу ему всходило солнце. Вот оно — огромное, багровое, как сказочная птица, набирает высоту. Быстро несутся обрывки облаков: их все меньше, открывается ясное голубое небо.

День будет хорошим...

Косте даже жарко стало от быстрой ходьбы. Верил он, что на трассе все в полном ажуре, но умерить шаги почему-то не мог; хотелось побыстрее увидеть, убедиться.

Вот и квартал новостроек. В утренней розовой дымке белоснежные дома плыли, как океанские лайнеры. В стеклах окон дребилось солнце, брызжа искрами электросварки.

Костя подошел к траншее, наклонился малость, вытянув шею, посмотрел вниз и замер, раскрыв рот от удивления и неожиданности.

По дну траншеи гуськом топают ребята его бригады. Впереди Сальков-Тюрючок, за ним высокий, сутуловатый Титов, потом Сашок, Пан Зюзя и другие. Громко разговаривают, перебивая друг друга, размахивают руками, смеются.

«Вот черти безрогие, успели раньше бригадира!»...

С напускной серьезностью он крикнул:

— Ну, и как, роба-спец?!

Тюрючок резко остановился, задрал голову. Длинный неуклюжий Титов налетел на него, сшиб с ног и сам упал. Остальные на миг смешались, переглядываясь, а затем пошла, повалила куча мала.

Костя стоял наверху, смеялся до коликов. Посторонний человек мог бы подумать: «Бездельники, шалопаи непутевые»...

В. Ф. БУЛГАКОВ — НАШ ЗЕМЛЯК

Мало кому известно, что один из секретарей и биографов великого русского писателя Л. Н. Толстого Валентин Федорович Булгаков был нашим земляком. Он родился в городе Кузнецке (ныне Новокузнецк) 13 ноября 1886 года в семье штатного смотрителя училищ Кузнецкого и Бийского уездов.

Отец Булгакова вел знакомство с жившим и работавшим тогда в Кузнецке акцизным чиновником, впоследствии одним из наиболее талантливых писателей дореволюционной Сибири Н. И. Наумовым.

В. Ф. Булгаков окончил в Кузнецке начальную школу, затем его отправили в губернский город Томск, в гимназию.

В годы первой русской революции томское студенчество под влиянием большевиков открыто высказывало свое отрицательное отношение к самодержавию. Устраивались митинги и манифестации, печатались прокламации. Молодой гимназист не принимал в них непосредственного участия, но к бурным студенческим волнениям он относился положительно. Гимназию Валентин окончил с отличием.

В 1906 году он поступает в Московский университет, на историко-филологический факультет.

В каникулы 1907 года молодой студент вместе с другими поклонниками великого писателя первый раз посетил Ясную Поляну, где был принят Львом Толстым, познакомился с его семьей. С тех пор каждые каникулы,

и летом, и зимой, Валентин Булгаков — в усадьбе писателя, а после окончания университета с января 1910 года он становится личным секретарем Л. Н. Толстого.

В. Ф. Булгакову довелось весь 1910 год, до дня смерти Льва Толстого, быть вместе с ним, видеть и знать все, что было связано с последним годом жизни великого человека. Он помогал Л. Н. Толстому вести его корреспонденцию, участвовал в составлении его последней книги «Путь жизни».

Впечатления В. Ф. Булгакова 1910 года нашли отражение в его книге «Лев Толстой в последний год его жизни».

После смерти Л. Н. Толстого В. Ф. Булгаков остался в его усадьбе. В 1912—1916 годах он занимался описанием Яснополянской библиотеки писателя, которым пользовались потом все редакторы полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Впоследствии он стал директором Яснополянского Дома-музея Л. Н. Толстого.

В 1958 году В. Ф. Булгаков был принят в члены Союза писателей СССР, продолжал жить в Ясной Поляне, где работал над своими мемуарами под общим заглавием «Как прожита жизнь». Опубликовать при жизни эту книгу он не успел. 22 сентября 1966 года В. Ф. Булгаков скончался. Похоронили его на Кочковском кладбище, около Ясной Поляны.

А. МАЗЮКОВ

ПРОБЛЕМА?

ДА, ПРОБЛЕМА

П. ВОРОШИЛОВ

БУДНИХ ДНЕЙ ЧЕРНОВИКИ

Полки от пола до потолка. На них — словно застывшие в строю серые солдаты, — канцелярские папки: одни — самодовольно толстые, другие — еще не утратившие юношескую подтянутость стриженных под ноль первогодков. В папках — личные карточки рабочих, личные дела инженеров, техников, служащих. А все это, в обыденном просторечии, — заводской архив отдела кадров. И в то же время — живая, тысячетомная летопись крупнейшего в Прокопьевске завода «Электромашина».

Кому как увидится...

Вырос завод, возмужал: один к одному поднялись просторные корпуса. Его машины хорошо работают в нашей стране и во многих зарубежных. Но я помню его и другим. В грозном 41-м году мы сразу после уроков натошак долбили здесь мерзлую землю, устанавливали первые станки, только что сгруженные с обгоревших, иссеченных осколками платформ.

Давно это было, а помнится. Может быть, потому, что той лютой зимой большая война, громыхавшая далеко на Западе, вот здесь, на своей отдаленной и тихой сибирской окраине, каким-то образом провела черту, разом отделившую от нас безалаберное школьное детство, властно приобщила к делу с соленым привкусом крози. Здесь в характеры пятнадцатилетних мальчишек, которым скоро предстояло форсировать Днепр и штурмовать Харбин, словно пряди в упругую мощь манильских тросов, вплетались суровое мужество, мужское товарищество, рано пришедшая ответственность за себя, за оставшуюся без отца семью, за всю страну, которой было до крика, до слез тяжело и голодно. Здесь слабый в общей бурлацкой упряжке из всех сил тянул поставленные на деревянные полозья многопудовые чугунные станины револьверных станков. Здесь трусоватый отчаянно смело, с одним только деревянным бруском в руках бросался на-

встречу сорвавшейся с опорных башмаков вагонетке. Случалось и наоборот. Нам не хватало сноровистой ловкости кадровых рабочих в обращении с лопатой, киркой, ломом, и корявые держак этих нехитрых инструментов в два дня измочалили наши вязаные домашние рукавички. Руки густо покрылись кровавыми волдырями. И тогда парень, который давно считался одним из вожаков класса, пошел к врачу и получил освобождение от работы. Он не схитрил. У него, наверное, нестерпимо болели руки. Но ведь руки болели у всех. Болели у девчонок. А он был признанным вожаком класса. Когда через две недели он снова пришел в простуженный, кашляющий на все голоса цех, мы его не приняли. Мы его просто не узнали. Он пришел из того мира, в котором все мы были две недели назад. Он просто опоздал. За две недели огрубели, покрылись мозолями роговой твердости наши ладони. За две недели мы поняли, что в мире есть поступки, которые нельзя прощать долго, может быть, всю жизнь.

Завод заменил те, установленные ребятами станки. Что делать, век машин все короче.

В неузнаваемо изменившемся цехе мне показали станки с программным управлением — эдакие монументальные вехи на пути технического прогресса. Я с вниманием слушал восторженные панегирики в честь их мощи и точности, а сам невольно искал где-то у кирпичной стенки скромное место для приземистого крепыша револьверного типа. Непрерывная замена оборудования более производительным — это закон производства. Тут не до сантиментов. Но ведь есть и законы человеческого общения. В своем доме мы находим теплый угол для старого деда.

Я сказал об этом сопровождавшему меня инженеру.

Он ответил просто:

— Такие станки есть в специальных му-

зеях. А у нас завод. Каждый квадратный метр в цехе — это не отвлеченное пространство, это — производственная площадь. На ней, образно говоря, должна расти продукция.

Что можно было возразить сопровождавшему меня инженеру? По-своему он был прав. Но и у меня была своя правда. Однажды на стройке мне пришлось услышать такой весьма примечательный диалог, запомнившийся почти дословно.

Старый маляр ворчливо выговаривал своему молодому помощнику:

— Не быть тебе мастером. И знаешь ты вроде столько, сколько надо, и глаз у тебя приметливый. А вот смысла в нашей работе не понимаешь. Мы клуб строим. В нем в день тысячи людей побывают. И можем мы на этих стенах такое сотворить, что каждому радость, а можем так разукрасить, что разве слепой на них не плюнет. И так сколько лет. Нас с тобой не будет, а люди все или радоваться или плевать будут. Мы — строители. Наша работа на века.

Молодой досадливо поморщился:

— Разговоры это одни, дядя Костя. В прошлом году у меня отец помер. Пошел я на шахту, на которой он работал, кое-какие справки взять. Так ничего ведь не осталось. Был человек и нету. Отец все машину для побелки выработок изобретал. Когда она, машина эта, что-то в шахте побелила, у нас дома праздник был. Даже флаг над крыльцом повесили, теперь той машины тоже нет. Другая есть, а ту, которую отец изобретал, сдали на переплавку. Так-то вот, дядя Костя. О каких веках речь? Отнесли человека на погост, и все его земные дела вместе с записями в листке об учете кадров, — в макулатуру. В результате из грязной бумаги будет получена бумага чистая.

— Ну, это где как, — смущенно сказал тогда старый рабочий и начал выковыривать из пачки тонкую сигарету.

Слов нет, каждый квадратный метр должен давать максимальный урожай продукции. Однако не только в станках и машинах мощь и слава завода. Она в людях, которые в наспех приспособленных цехах с честью выстояли нелегкую фронтальную вахту, в тех, кто, шагая в ногу со временем, на смену новым создает сегодня новейшие электрические машины.

От этих людей, их стремления, настроения, в первую очередь и главным образом зависит урожай каждого квадратного метра. А настроение человека — штука тонкая. Молодому парню, едва начавшему свой рабочий век, это настроение сумели испортить на шахте, где год назад работал его отец, и парень теперь разводит на стенах строящихся клубов таких петухов, что вводит в смущение даже своего терпеливого учителя.

А как вы думаете? Вместо выдуманного бессмертия души мы предложили людям реальное бессмертие их дел. И люди, став равнодушными к небесам, быстро приобрели очень ревнивое отношение к тому, что остается после них на земле. Хочется, знаете ли, чтобы тебя вспомнили добрым словом не только в домашнем кругу ближайших родственников.

Великий душевед Максим Горький призывал написать историю заводов и фабрик. Ведь именно здесь, в повседневном труде, в коллективе единомышленников и товарищей по работе, наиболее полно раскрываются способности человека, проявляются его характер создателя, высокие чувства и мысли о будущем. История завода — не только экскурс в прошлое, это и обязательно обращение в будущее, это могучее средство воспитания поколения, которому пришлось унаследовать лучшие моральные и политические качества революционного прошлого своих отцов, которому выпала высокая честь встать в первые ряды строителей коммунистического общества.

Речь идет и о мудрых томах, и о

брошюрах, раскрывающих опыт становления коллектива. У истории должны быть свои преданные и бескорыстные летописцы, люди Его Величества Факта, должны быть вот такие, разложенные на полках серые папки, эти черновые наброски наших будних дней, судеб и характеров человеческих, каждый из которых при определенных обстоятельствах может стать прототипом для обобщенного художественного образа, для серьезного научного исследования. Сегодня и завтра.

На «Электромашине» меня интересовали некоторые биографические данные рабочего, который, как я надеялся, мог стать героем моего очерка в газете. А потом вдруг появился интерес посмотреть, в каком все-таки виде сдаем мы в архив истории свои личные дела? Признаться, с волнением открыл я первую серую папку, взятую не наугад, а по выбору.

Итак. Желтухин Алексей Михайлович. Бригадир клепальщиков. Фотокарточки нет. В народе говорят, что лицо — зеркало души. Глянешь пристальнее — и характер чувствуется. Право, только ради этого стоило не поспустить на фотопортрет крупным планом: расходы при нынешней технике копеечные.

Из анкеты узнаю год и место рождения, состав семьи, образование, партийность... Все-таки умный человек придумал эти анкеты. Масса скучных, но очень точных и емких по смыслу деталей в сопоставлении друг с другом дают богатую пищу для размышлений и обобщений. Правда, все эти данные недостаточно полно характеризуют, не оживляют, что ли, конкретно взятого Алексея Михайловича Желтухина, делают его всего лишь среднестатистическим. Каждый из нас где-то родился, имеет семейное положение.

В краткой автобиографии, на бланке о приеме на работу, правда, несколько в иной интерпретации, анкетные данные повторяются.

В личной карточке Желтухина еще обнаружилось распоряжение на выдачу пропуска, направление на работу, овидетельство, удостоверяющее, что Желтухин сдал техминимум по правилам техники безопасности, сами эти правила, отпечатанные типографским способом. Еще приказ. «На время отпуска мастера т. Агучина назначить исполняющим его обязанности т. Желтухина». Есть копии приказов о присвоении очередного профессионального разряда, о выплате премии за рационализаторское предложение. И нет ни одного живого, от сердца сказанного слова.

Можно было предположить, что незаметной тенью отбыл свой рабочий срок на заводе бригадир клепальщиков Алексей Михайлович Желтухин. Но ведь это, мягко выражаясь, неправда. Я хорошо знал Желтухина, знал совсем другим. Предложенные им планы повышения производительности труда (на 30 процентов в год!) стали прообразом научной организации производства на каждом рабочем месте для всего Кузбасса. Ему присвоили звание Героя Социалистического Труда. О нем написали очерки в газетах, о методах его работы — статьи в журналах. Желтухин — известный всей области рационализатор, талантливый организатор производства, активный общественник. И ничего об этом не сказано в его личной карточке, обворованной нашей невнимательностью.

Автобиография, написанная Желтухиным десяток лет назад, с тех пор никем и ни разу не корректировалась. А за минувшие десять лет в его жизни не изменились лишь фамилия, имя, отчество. Был Желтухин комсомольцем, стал коммунистом. Имел семь классов образования, а теперь — дипломированный техник. Руководил бригадой, а ныне — мастер смены.

Положим, все это мне было негрудно восстановить. Но личная карточка Желтухина будет на заводе храниться долго. И в таком виде? Знаете, как-то не верится, что

так оно и должно быть.

А как оно должно быть?

Я побывал на шахтах и стройках, встречался с химиками и энергетиками, с руководителями театров и солидных научно-исследовательских институтов. У одних «делопроизводство кадров» чуть лучше, чем на «Электромашине», у других — чуть хуже. Но в общем похоже. Все, с кем мне пришлось беседовать, в принципе признают, что плохо пока получается и надо принимать какие-то меры. Какие?

Очеркистов и поэтов за канцелярские столы не посадишь. Не нужны нам и пухлые досье на каждого работника. Кто же должен заметить и сохранить наиболее приметное, характерное, яркое, что сохранить мы, безусловно, обязаны? Кто, не в переносном, как мы привыкли понимать, а в прямом смысле, должен стать летописцем родного завода?

На сей счет готовых, единых для всех рецептов никто не называл, но были интересные предложения, встречи с людьми, которые давно пытаются найти какое-то решение проблемы, что-то уже делают. Общее впечатление такое, что нам вряд ли удастся всю эту опромную, многоплановую работу переложить лишь на плечи отделов кадров, хотя некоторые, как мы говорим, неиспользованные возможности есть и у них. Чтобы оформить человека на работу, в отделе кадров заполняется в общей сложности семь различных документов. Зачем? Человек-то пришел один. В личном деле главного инженера одного завода бережно хранится сразу четыре бумаги, свидетельствующие об утверждении его в занимаемой должности. Четыре! Как будто кому-то надо доказывать, что кабинеты главных руководителей технической политики завода у нас не захватываются в порядке личной инициативы. Так что о форме делопроизводства, разумеется, тоже есть смысл задуматься. Идея упрощения любого учета, конечно, не должна заслонять главного;

целенаправленности самого учета, сопоставимости его результатов, полноты отображения действительности. Нельзя забывать, что мы имеем дело не с отвлеченными штатными единицами, а с живыми людьми.

На Кузнецком металлургическом комбинате меня познакомили со старшим инспектором отдела кадров Марией Ивановной Васковской.

Женщина уже немолодая, как и все мы, обремененная семейными заботами и работой, Мария Ивановна мир, ее окружающий, воспринимает с жадной восторженностью первооткрывателя, умеет находить радость, казалось бы, в самом обыденном явлении. Ей тесны и стены кабинета отдела кадров, и рамки ведомственных инструкций. Мария Ивановна из породы тех чудаков, которые в свой летний отдых едут с ребятами раскапывать древние могильные курганы или на всю зиму заливают свой огород водой, вешают на столб собственную лампочку и все это объявляют общественным катком. Они не ищут мелочных выгод. Они даже не стараются быть другими, не похожими на всех остальных. Они такие и есть. Шум и ребячья возня на льду под самыми окнами дома до позднего часа ими воспринимается как естественное бытие буден.

Отделу кадров Кузнецкого металлургического комбината, надо считать, очень повезло, что к ним пришла работать Мария Ивановна. Она не пишет рассказов о рабочих. В картотеке Марии Ивановны более восьми тысяч человек, обо всех не напишешь. Но в личных карточках рабочих доменного и мартеновского цехов я видел и добротные очерки, и теплые стихи, и выразительные фотоснимки. Мария Ивановна выписывает домой пять газет. Регулярно просматривает десятки журналов. И если ей на глаза попадается стоящая заметка о доменщике или сталеплавильщике, чем-то заслуживающая внимания, она берет нож-

ницы и приобщает ее к личному делу рабочего. Просто? И мудро.

Много запросов поступает о Герое Социалистического Труда К. Ф. Шабалове. Мария Ивановна пригласила Кузьму Федоровича, попросила написать о себе. Пришел и написал, потому что надо. Зато теперь собраны воедино все важнейшие биографические его данные, есть полный послужной список.

Однако и у Марии Ивановны та же тревога. Собранный ею материал широко используется различными институтами для научной работы, в социологических исследованиях. И все-таки, считает Мария Ивановна, этот материал недостаточно полно отображает жизнь труженников металлургического гиганта. О комбинате пишут часто. Где тут за всеми уследишь?

— Вы помните ту нашу историю с пуском паровозодувной станции на Запсибе? — спросила меня Мария Ивановна. — О ней тогда часто писали в газетах.

Эту нашу историю я помнил. И даже сам о ней писал.

...Запсиб готовился к первой плавке на первой домне. Обстановка на заводе и на стройке была суматошная. Все графики, нормы, сами понятия возможного и невозможного были выброшены в корзину начальника пускового комплекса Звездова. Государственная комиссия делала замечания, а строители тут же их устраняли. Времени не было даже на то, чтобы спорить. Когда один видный ученый металлург сказал, что на домне должна быть двойная гарантия по снабжению водой, монтажники за одну ночь навесили второй водовод — толстенную трубу на железобетонных опорах. И вдруг забераклил какой-то особо важный контрольно-измерительный прибор на паровозодувной станции. А станция — это легкие домны. Нет станции — нечем дышать домне. Хоть плавку откладывай из-за какого-то закапризничавшего прибора.

Замечания госкомиссии строители устраняли способом муравейника: наваливались скопом, работали круглые сутки и делали, не считаясь с затратами. Своевременный пуск огромной доменной печи в конечном итоге перекрывал все перерасходы. Но автомат скопом не смонтируешь. Сотни проводов-жилок в приборе должен связать в одну схему один монтажник. А одному монтажнику положено работать одну смену, то есть восемь часов. Парень, который взялся собрать прибор, не отходил от приборов девять смен подряд. Когда паровозодуховная станция в назначенный срок подала воздух, когда комиссия в полном составе пришла глянуть на злополучный прибор, парень, разметав руки, беспробудно спал на монтажной площадке. Могучие вентиляторы станции ревели на все голоса, а члены комиссии, уважительно глядя на спящего рабочего, говорили вполголоса и как-то понимали друг друга.

Эта история заставила нас, журналистов, по-новому увидеть рабочего человека, оценить его роль на гигантской стройке. Как же можно было забыть такое?

— Так вот,— продолжала Мария Ивановна.— Рассказала я об этой бессонной вахте одному нашему прибористу. И знаете, что он ответил? Не угадаете. Монтажника он похвалил. А потом искренне удивился, что пуск домны мог задержать в общем-то пустяк. Наш приборист считает, что все приборы надо было смонтировать и выверить за десять дней до намеченной плавки. Не оригинально? Но ведь в этом, если хотите, характер человека, его стиль работы, его понимание своих обязанностей и ответственности.

Замечательное свойство искренне увлеченных людей в том, что они могут увлечь, заинтересовать других. Мы долго говорили с Марией Ивановной о нашушевшей истории, рассматривали ее в разных измерениях, взвешивали на весах аналогий. И вдруг обнаружили, что разные характеры

не только у двух прибористов. Целые, уже сложившиеся характеры есть и у заводов. На Запсибе горновые первой и второй печей соревнуются за то, чтобы их направили на пусковую третью печь. А на Кузнецком металлургическом, весь век отработав на одной и той же разливочной площадке, уходящие на пенсию отцы приносят себе на смену повзрослевших сыновей. Потому что здесь, на Кузнецком металлургическом, все, что можно было взять навалом, уже взято, здесь на каждую дополнительную плавку сталеплавильщики собирают время по минутам и не одну смену. Сказывается это на характере человека? Конечно,казывается. Любопытно, что самые матерые прокатчики с Кузнецкого комбината, получив в свое подчинение запсибовские станы, словно переживают вторую молодость и такие порошутки «откалывают», что потом сами удивляются. Удивляются, а не «откалывать» не могут потому, что здесь, на Запсибе, должность, опыт, образовательный ценз — все это условное, а безусловны лишь талант, умение, чутье, потому что весь он, Запсиб, молодой, рисковый, еще не нашедший пределы своих сил завод, и такой у него характер.

Факты, факты... Их прелесть в том, что они, как облака знойным летом, не повторяются, их не выдумывает, а всякий раз заново создает величайший на свете импровизатор — жизнь. Но именно неповторимость факта делает его особенно привлекательным, предопределяет особенно острое с ним обращение. Факт, как старинная этруская ваза, может попасть в музей, а может остаться в земле, драгоценным, но не найденным.

Собирать факты Марии Ивановне помогают ее добросовестные помощники — ветераны завода, пенсионеры, просто любители постоять у конвейера истории. Само существование такой группы при отделе кадров очень обнадеживает. Кто из нас в разное время не отдал дань собирательству

марок. При этом мы не ставили перед собой серьезные научные задачи. Нумизматы, создавшие собственную — во всемирном масштабе — организацию, о своей полезной работе говорят так часто и так умно, что собирательство марок становится столь же обычным, сколь обычным является, скажем, занятие спортом. Ну, а что нам мешает, следуя завету Горького, так же умно и часто говорить о добровольных летописцах истории, признать общественную полезность их труда, создать специальную организацию со своим, к примеру, журналом, уставом?

Походы юных следопытов по местам трудовой славы Кузбасса дали массу интереснейших находок. В их числе — документы о первых коммунарах сибирских сел, о стахановцах и ударниках вдохновенных тридцатых годов. Могут, конечно же, школьники старших классов вместе с учителями-историками и литераторами стать постоянными собирателями материалов для шефствующего над школой предприятия. Можно при отделах кадров создать специальные группы пенсионеров. Да и среди рабочих, инженеров, надо думать, найдутся энтузиасты.

С одним из энтузиастов я познакомился в Гурьевске. Павел Ксенофонович Кузнецов, начальник технического отдела местного металлургического завода, тоже всей душой принадлежит к беспокойному племени коллекционеров, тех самых, которые ради куска розового мрамора с верховьев Усы на потеху таежному гнусу забираются в такую глухомань, куда и бывалые охотники рискуют ходить по зимнему первопутку. Павел Ксенофонович коллекционирует не красивые камни, не марки и даже не бабочек. Он восстанавливает рабочие династии.

Попал как-то в руки Павла Ксенофоновича формулярный список Гурьевского завода за 1820 год. Список — это перечень фамилий, краткие пояснения к ним. Степан

Серебряников, к примеру, службу начал «запасным служителем», спустя 27 лет стал «доменным подмастерьем». Василий Портнягин на завод «кабинета его величества» взят из рекрутов. Бесфамильный Степка-плавильщик после наказания батогами «вышел на работу скучным, а в обеданку лег и помер». Дела давно минувших лет. Но из кандалного далека, через годы лишений и царской каторги, от парней, насильно оторванных от сохи и приставленных к «огненному действию», все преодолев, пробились живые ростки в наше сегодня. По документам, из рассказов стариков, Кузнецов проследил смену не одного поколения заводских рабочих. От Степана Серебряникова, полтора века назад разжигавшего первую гурьевскую домнушку, ведет свою родословную контролер отдела технического контроля А. Н. Серебряников, коммунист, фронтовик, уважаемый здесь человек. У модельщика П. Е. Бедарева, мастера своего дела по самому крупному счету, модельщиками были и отец, и дед, и прадед. На заводе работают семь Портнягиных — прямые потомки взятого из рекрутов крестьянского сына Василия. Крепкий род. Без титулов, без гербов. Но кто из нас, перебирая нетленную ткань прошлого, откажется от такой родословной?

Просматриваешь документы, собранные, расшифрованные, систематизированные П. И. Кузнецовым, и с трудом веришь, что все это сделал он один, причем на досуге. А он доволен, ничуть не жалеет о затраченном времени. Потому не жалеет, что увлекательное это дело собирать воедино разные и в чем-то неодинаковые человеческие судьбы.

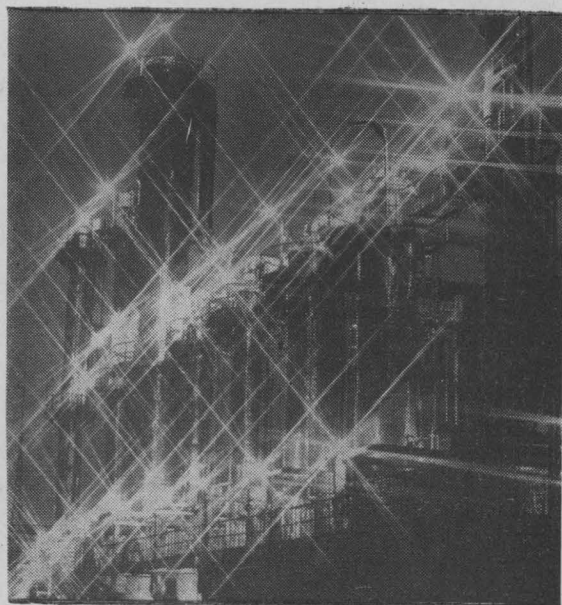
Мы все больше становимся рационалистами. Экономическая реформа настраивает умы и сердца на ту волну, на которой всякое действие помимо всего прочего измывается еще и суммой ожидаемой прибыли. Кто скажет, что это плохо. Но тогда возникает вопрос: чего ради затевать нам эти

хлопоты? Какие мы получим реальные выгоды? Конечно, от делопроизводства к снижению себестоимости продукции или улучшению ее качества напрямую ниточку не протянешь. Однако не все поддается прямому счету. Когда мы имеем дело с такими тонкими материями, как психология человека, только правилами арифметики не обойдешься. Смею утверждать, что скромные мемориальные доски, установленные на Новокемеровском химическом комбинате в честь бригад, особо отличившихся на строительстве капролактама, это не только весточка в завтрашний день. На досках записаны фамилии тех, кто отлично рабо-

тал сегодня. Вот вам и ниточка. Прошлое — это всегда лишь вступление к настоящему.

Недавно на Кузнецком металлургическом комбинате провожали на пенсию сталевара. Были речи, пожелания долгих лет жизни и здоровья, подарки. Потом зачитали приказ директора: «Навечно занести в рабочие списки комбината, личное дело передать в заводской музей». Замер зал. Глаза сталевара, привыкшие чуть прищурившись смотреть в огнедыщащую печь, налились слезами.

А как же иначе? Таким вот приказом человеку объявляют о бессмертии.

Огни большой химии.
Фото А. КУЗЬРИНА

СУДЬБА РУДОЗНАТЦА

В суровый край приптышского севера, где Тара была единственным городком на многие сотни верст окрест, прибыл на вечное поселение «грек» Димитрий Попов. Греком он значился по бумагам, написанным бойкими московскими канцеляристами, наверное, за иссиня-черные волосы да смуглый цвет кожи.

Родом Димитрий действительно был с Балканского полуострова, но по национальности принадлежал к славянам — родился в городе Брашове, в семье православного священника. Фамилия «Попов» — другая выдумка канцеляристов. Не было у этого неизвестной национальности человека документов, но поняли в московском приказе, что сей «бродяга» происходит из церковных служителей, ибо показал на допросе знание канонов священного писания и бегло читал библию на древнеславянском языке. Так и сочли — пусть этот бродяга «попов сын», коверкающий при разговоре русскую речь, будет «греком Димитрием Поповым», а не каким-то «Секе», за которого себя выдает.

...И вот судьба забросила южанина-славянина туда, куда и во сне не могло прийтись — в далекую Сибирь, в таинственную Тару.

Да и все, что произошло за последние, предшествующие сибирской ссылке годы,

было похоже на сновидение с хитросплетенными безо всякой логики событиями.

В ранние мальчишеские годы остался Димитрий сиротой, умерли во время эпидемии родители. Бесконечные балканские войны разметали по Дунаю и Карпатам всех его близких родственников. Но в Брашове помнили отца Секе и благоволили к его единственному наследнику, содержали на общественный счет в духовной школе.

Выучился, вынашивал свои планы на жизнь, но все рухнуло в горниле событий. Турки, навязавшие балканским народам свое господство, стремились вырвать все национальное, «отуречить» города и села Сербии и Болгарии, Валахии и Молдавии. И тогда отправился Димитрий искать родственника — дядю Георгия Секе, который служил в сербской армии в чине майора. Серб-патриоты вместе с русской армией боролись в те годы за освобождение Балканского полуострова от турецкого ига. Полк Секе располагался в русском пограничном редуте Урел, но Димитрий спознал — дяди уже не было в живых.

Димитрий подался в широко известную на Балканах казачью приднепровскую республику — Запорожскую Сечь. Он знал, что запорожцы были грозой для турков, да и «конституция» свободы и братства запорожской вольницы привлекала его.

В Сечи познакомился Димитрий с толмачем Иваном Матвеевым. Добрый и доверчивый по натуре Димитрий по просьбе запорожского толмача одолжил ему 350 рублей. И хотя деньги эти составляли все состояние Попова, не пожалел он дать их казаку взаймы.

Запорожская Сечь доживала последние дни; все более реальной становилась угроза подчинения днепровской вольницы официальным властям царской России и ее расформирования. Многие казаки, не дожидаясь этого времени, покидали остров Хортица и разъезжались по разным местам.

Решил распрощаться с Сечью и казак Иван Матвеев. Он пригласил с собой в родное село и нового знакомого Димитрия Попова (будем и дальше называть нашего героя этой фамилией, под которой он значится во всех официальных бумагах, сохранившихся в архивах России).

Вскоре понял Димитрий, что казак не собирается отдавать долг. Оставшись без каких-либо средств к существованию, Попов решает жаловаться на несправедливость Ивана Матвеева местным властям.

Но ему, безродному, к тому же плохо еще говорившему на русском языке трудно было тягаться с хитрым казаком. Попова обвинили в бродяжничестве и отправили под конвоем в Москву: пусть там разберутся, что это за человек.

У Димитрия не было письменного вида — документа, удостоверяющего личность.

«Бродяга», — определила судебная комиссия. Тогда это была очень суровая формулировка в определении виновности, за нее наказывали жестоко. Попова били кнутом, вырвали ноздри и каленым железом выжгли на лбу и щеках указные знаки «В Н К» — первые буквы слов — «вор, наказан кнутом» и постановили сослать в Сибирь на вечное поселение.

Димитрий писал прошение на имя президента коллегии иностранных дел М. Г.

Собакина, в котором просил освободить его от незаслуженного наказания, ссылаясь на иностранное подданство. Но на жалобу даже не ответили. Так уроженец приднестровского Брашова стал варнаком.

Слово «варнак» услышишь только в Сибири. Его и сейчас можно встретить в лексиконе жителей деревень и сел. Употребляется оно обычно как ругательное, бранное прозвище. Происходит же оно от тех самых указных знаков «В Н К», которыми навечно клеймили человека как вора, бродягу, преступника.

В Таре поселенцев-варнаков встречали с презрением, холодно. Среди жителей этого небольшого городка преобладали казачьи семьи, купцы, ремесленники. Сосланных ждала плебейская участь — участь человека, которым все помыкают и который за то, что ему не дают умереть от голода, должен выполнять всю грязную и тяжелую работу.

Потекли чередой тяжелые дни ссылки. Ни просвета впереди. Стыдился Димитрий Попов показываться на людях в своем страшном облике. Больно было видеть, с каким интересом рассматривали обезображенное лицо мальчишки, с какой гримасой неприязни отворачивались женщины, как зло шутили, видя рваные ноздри и красные зубцы букв на лице мужики. Жизнь в Таре стала не меньшей пыткой, чем казнь на Московской площади.

Прошло восемь лет. И вот однажды Димитрий узнал, что в царском имении на Алтае нуждаются в людях для поиска новых месторождений серебряных руд, золота, железяка и других подземных богатств. Попов тут же подает прошение с просьбой отпустить его на прискаительство.

Еще в 1720 году Петр I в своих «привилегиях» поощрял рудоискательскую деятельность. Это способствовало тому, что в разных районах страны, в том числе и в Западной Сибири, были обнаружены новые «прииски» (так называли в то время

не разрабатываемые месторождения минерального сырья: «приисканное место», в отличие от рудников, где добыча уже производилась).

И когда Дмитрий Попов обратился к городским властям в Таре с просьбой разрешить ему заняться поиском руд в Алтайских горах, местная администрация не могла отказать ему: всеисильный Кабинет предписывал не чинить препятствий всем, кто изъявит желание показать свое умение в поисках нужных месторождений.

Свою приискательскую карьеру Дмитрий начал в бассейне реки Бухтармы, куда он был направлен властями Усть-Каменогорска. Неподалеку проходила граница с Джунгарским царством, места были очень беспокойными. Поэтому сюда рудознаты боялись показываться. Но горы в верхнем течении Иртыша были богаты серебряными рудами, поэтому горнозаводские власти были заинтересованы в их обследовании. Так оказался Попов в диких местах Южного Алтая.

Тарское начальство всего на год отпускало Дмитрия в горы Алтая для занятия рудоискательством, затем обязывало вновь вернуться в город. Но уж очень не хотелось Дмитрию возвращаться в свою вольную тюрьму на Иртыше. Жизнь в объятиях богатейшей сибирской природы, среди бесконечных лесов и неоглядных степных далей покорила Попова, и он понял, что в этой жизни должен искать свой удел.

Он решил добиваться разрешения остаться служить Кабинету в должности рудознатца. Прибыв в 1779 году в столицу Колывано-Воскресенских рудников и заводов — город Барнаул, он привез многочисленные образцы минералов. Камни попали на глаза начальнику завода генералу Борису Меллеру. Или Меллер высоко оценил находки Попова, или горное начальство испытывало в то время недостаток в опытных рудознателях, но так или иначе последовал указ — оставить Дмитрия Попова при

Барнаульском заводе для того, чтобы он мог «в летние времена обращаться в окрестности здешние за приском руды».

Попов часто навещал лабораторию при заводе, учился отличать камни с содержанием металла от пустой породы. И уже в следующем году он получает от кабинетского начальства специальное задание — отправиться для разведки новых присков в сравнительно близкий от Барнаула, но неведомый и глухой горный хребет, расположенный между реками Чумышем и Томью.

Этот интерес Кабинета к недрам Салаирского края был неслучайным.

О том, что недра Салаира богаты рудами различных металлов, начальство Колывано-Воскресенских заводов знало из самых различных источников.

Основанный в 1624 году отрядом казаков из Томска Кузнецкий острог положил начало изучению и освоению края.

В 1748 году рудознаты Яков Костылев и Елизар Сизиков сообщили о находке ими двух месторождений медной руды по салаирской речке Бердь и ее притоку Ик. Рудоискатели просили в своем рапорте обербергмайстера Клеопина «учинить им вспоможение», так как «в приiske руд от тамошних начальников и обывателей есть не без препятствия».

Рудознаты купца В. Афанасьева в 60-х годах XVIII века открыли в предгорьях Салаира по реке Томь-Чумыш железные и медные руды; купец решил построить в таежном крае за десятки верст от Кузнецкого острога небольшой металлургический заводик. Но фортуна у купца Афанасьева оказалась менее удачливой, чем у тульского и уральского заводчика Никиты Демидова, основавшего в предгорьях Алтая свои знаменитые Колывановские рудники и заводы. Салаирские руды оказались капризными в плавке, и купец не смог наладить производство железа и меди.

В мае 1768 года управитель Бийской земской избы Никифор Пятков сообщил в канцелярию Колывано-Воскресенских заводов о том, что по реке Чумыш и другим «для построения небольшого завода удобные реки и довольство лесов». Уже тогда бийскому управителю было дано задание о подыскании нужного месторождения железных руд, из которых «ясашные татары» плавил металл.

К этому нужно еще добавить и то, что некоторыми известными учеными России высказывались авторитетные мнения о том, что горный кряж между Обью и Томью заслуживает особого внимания исследователей. Так, директор Географического департамента Санкт-Петербургской Академии наук, составляя план географических исследований Сибири, писал в 70-х годах: «В Южной Сибири районе большого внимания наблюдателя, подкрепленного отрядом рудокопов, заслуживает местность расположенная между речками Чарышм (Паллас имел в виду, вероятно, р. Чумыш — А. Д.) и Томом». Свои выводы Паллас подкрепил еще и таким заключением: «Более чем вероятно, что пустынная и гористая местность, оставшаяся в промежутке между дорогами, по которым следовали путешествующие по Сибири наблюдатели, таит в себе еще много интересных открытий по минералогии и скрывает предназначенные будущим векам богатства».

Все это способствовало тому, что начальник Колывано-Воскресенских заводов А. И. Порошин принимает решение о посылке в Салаир специальной экспедиции.

Так появился в 1769 году на склонах кряжа берггешворен Василий Сергеевич Чулков со своими товарищами. Это была первая в этих краях официальная рудоисследовательская экспедиция.

Она была удачной. Молодому инженеру удалось путем расспроса местного населения обнаружить новые месторождения железных руд по речке Томь-Чумыш. По-

ехав туда с «объявителем прииска», Чулков внимательно изучил этот район, начертил его подробную карту и определил место для строительства нового завода.

Томский железодельный завод еще в стадии проектирования и строительства явился организационным центром геологической разведки юго-восточной части Салаирского кряжа. Уже в 1776 году здесь было известно четыре прииска железной руды: Арчеурский, Арурепский, Кабаалдаевский, «указанные» телеутами-братьями Арчеуром и Кошоутом Аносовыми и Кабалдаевым, Балдинский, открытый конюхом Степаном Балдиным.

Всего же за десять лет — с 1770 по 1780 год — в радиусе до 40 верст от Томского завода был открыт 21 прииск железных руд. На некоторых из них были основаны рудники, снабжавшие Томский завод.

Перспективы таежного края таким образом были богатые. Обо всех этих предложениях и открытиях Дмитрия ознакомили в Барнауле и поставили перед ним цель — найти в Салаире месторождения серебряных руд, золота, драгоценных камней, руды железника.

Штаб-квартирой для рудознатца был избран Усть-Сосновский острог. Сюда и прибыл в начале 1780 года Дмитрий Попов.

Острог располагался по реке Ине. По ней и отправился Попов в первый свой поход. Дойдя до устья речки Тарьсмы, рудознавец повернул на запад и пошел вниз по ее течению.

Первые свои открытия в Салаире Попов сделал недалеко от инородческих поселков — телеутских селений Коурак и Колтырак. Здесь он с помощью телеутов обнаружил выходы железной и медной руды.

Тарьминские находки Дмитрия Попова были зарегистрированы маркшейдерами из Барнаула, но им не придали тогда особого внимания — руды оказались бедными.

Зима 1780 года тянулась для рудознат-

на особенно долго. Ожидание новой летней поры, когда можно отправиться в новую экспедицию, было для него тягостным. В Усть-Сосновском остроге он так же, как и в Таре, чувствовал недоброжелательное отношение к себе со стороны казаков.

На лето 1781 года Попов наметил обследование следующего притока реки Ини — Бачат (или как ее в то время называли Початы). Берега этой речки были густо населены телеутами.

С расчетом на помощь бачатских телеутов и пришел Димитрий Попов ранней весной 1781 года на этот инской приток.

Экспедиция 1781 года была удачной. Здесь Попов сделал крупное открытие.

В его рапорте на имя горнозаводского начальства о находке 1781 года говорится: «Выехав из Усть-Сосновского острога, среди непроходимых лиственничных лесов я неожиданно на берегу речки Салаирчик наткнулся на татарское поселение. Инородец Иван Кокорыш объявил мне, что в полуденную сторону в 12 верстах приблизительно в том месте, где он соболей ловит, есть камень, красен и бел, что по прибытии моем на указанное место оказалось выходом серебро-свинцовых руд».

О подробностях открытия Салаирского месторождения серебряных руд пишут в своих воспоминаниях И. Ренованц и П. Герман — геологи, состоявшие на службе в канцелярии Колывано-Воскресенских заводов. Они в первые же годы после открытия Димитрия Попова побывали в Салаире, встречались с рудознатцем и слышали от него рассказ об истории открытия. В их описаниях иногда встречаются противоречия, но в общем-то история открытия выглядела приблизительно так.

В телеутском селении по речке Салаирчик познакомился Димитрий с охотником Иваном Нарышевым — кокорышем (так назывались сородичи вождя племени Коки). И так как рудознавец всех, с кем встречался, расспрашивал о том, какие камни

встречаются в окрестностях, был у него разговор на эту тему и с Иваном Нарышевым.

После некоторых колебаний охотник показал Димитрию камни тяжелого шпата с вкраплениями блестяще-белых зерен. Рудознавец сразу почувствовал, что в руде содержится драгоценный металл — серебро. Но ничего не добившись от Ивана Нарышева — телеут не верил Попову и отказался показать ему то место, где он нашел эти камни, — отправился рудознавец по охотничьим тропам через горную тайгу в Барнаулу.

В салаирской черни (так называется горная тайга с диким разгулом лесной растительности, где «черность земляная прет из-под земли...») селения в то время встречались редко. Это были в основном скиты беглых раскольников-староверов да редкие займки крестьян, укрывавшихся от преследования властей. В этих укрытых от глаз военно-заводской администрации селениях по таежным речкам Аламбаю, Мунгаю и другим, встречали Попова настороженно: жители их опасались каждого постороннего человека. Но ледок отчуждения таял после того, как люди узнавали в рудознатце близкого себе по тяжелой судьбе человека.

Камни, которые отдал ему охотник, Димитрий оставил для анализа в Барнаульской горной лаборатории, а сам с несколькими горными служителями по Томскому тракту через Усть-Сосновский острог вернулся в телеутский аил на Салаирчике. Хотя обратный путь был значительно длиннее, но не повел рудознавец казачий отряд коротким таежным путем — не хотел, чтобы в Барнауле узнали о скрывающихся среди сопok кряжа беглых крестьянах.

Немало пришлось потрудиться Попову и его спутникам-казакам, убеждая Ивана Нарышева показать место, где он нашел эти тяжелые камни. И только тогда, когда Попов отдал Ивану Нарышеву лошадь с

седлом и свое ружье — задатком в счет половины обещанного вознаграждения за открытое месторождение — повел охотник рудознатца на речку Талмовую, где на склоне одной из сопок стояла его охотничья избушка. Вокруг избушки, расположенной на открытой поляне, выступали многочисленные глыбы шпата. Нарышев показал Димитрию то место, где он в корнях вывороченного бурей дерева увидел камень, еще не успевший окислиться, и в котором ярко сверкали на солнце зерна металла. И такого камня вокруг избушки Нарышева рудознавец увидел множество.

Обследование окрестных мест убеждало рудознатца в том, что они богаты разными минералами. Кроме шпатовых руд, Димитрий видел здесь куски железной руды, яшмы, белые глины, красные, малиновые глины — охры, мрамсризованные известняки.

Но судьба всех этих богатств зависела от решений горнозаводских властей, а их еще нужно было убедить в том, что салаирское месторождение заслуживает внимания.

И когда в один из жарких дней августа прибыл Попов в Барнаул, встретили его в лаборатории неприветливо: анализы дали плохие результаты — слишком мало серебра в руде. Но в сумке рудознатца и на этот раз были новые образцы с явными следами серебряной руды — окиси. Попов считал, что эти образцы богаче прежних по содержанию металла и вновь предложил служителям лаборатории сделать анализы. На этот раз Димитрий решил дожидаться результатов в Барнауле. И дождался — руда была признана заслуживающей внимания.

После многих мытарств, «наскучив всем лаборатории», доказал Попов горной канцелярии, что в недрах Салаира есть серебряные руды.

Выдающийся деятель горнозаводской промышленности в Сибири, известный изобретатель и новатор Козьма Дмитриевич

Фролов, сменивший в октябре 1781 года бездарного Б. Меллера на посту начальника Колывано-Воскресенского горного округа, особо заинтересовался новым открытием.

По его распоряжению в салаирскую чернь на новый прииск отправляется ученый минералог Иван Ренованц.

Профессор маркшейдерского дела, горного искусства и минералогии Санкт-Петербургского горного училища И. М. Ренованц в те годы числился в ведомстве Колывано-Воскресенских заводов на должности обер-гиттенфервальтера — в чине, равнозначном положению чиновника 8 класса или майора.

И. Ренованцу предстояло дать оценку новому месторождению. Это была не единственная поездка ученого по территории современного Кузбасса с целью обследования его геологии. Он первым определил богатство края известняком, сообщая о том, что горы между Обью и Томом (те, что мы сейчас называем Салаирским краем) «поднимаются частью круто, частью полого и плоско, с мощными отложениями известняка». Справедливости ради следует именно его считать первым ученым, описавшим месторождения каменного угля в Присалаирье.

По рапорту И. Ренованца, присланном в Барнаул из Салаира в октябре 1881 года, известно, что к его приезду здесь уже было 11 разведочно-добычных копей. В некоторых из них вскрылась сравнительно богатая руда — с содержанием серебра до 4,5 золотника на пуд (1199 г на тонну).

Ренованц дал очень высокую оценку новому месторождению. Он писал в своем рапорте: «По причине содержащихся в нем дорогих металлов к дальнейшей разведке стоит великой важности. Нужными же к производству черных и заводских работ угодьями яко то лесами и водою место оное изобилует довольно».

На следующий год в Салаире возникает

новый горный центр Алтайского округа. Архивные документы свидетельствуют, что «в северном подоле алтайских гор среди черных лесов, между речек Большой и Малой Талмовой, которые течение свое восприняли из гор Салаирских, серебросодержащий рудник в 1782 году разработкою начат». В этот же год была заложена первая шахта для промышленной добычи руды. Назвали ее в честь известного деятеля горного дела Петра Соймонова — Соймоновской.

Поселок Салаирского рудника стал базой, откуда ведет свою поисковую работу Димитрий Попов. Новые открытия следуют одно за другим.

В 1783 году Попов сделал заявки на открытие месторождений горного хрусталя, халцедонов, яшмы в Мунгатской волости (ныне территория Юргинского района). В 11 верстах от Салаирского рудника по дороге на деревню Пестерево он обнаружит месторождение яшмовидных пород.

На следующий год им сделаны такие важные открытия, как «приискание» месторождений железной руды по реке Чебуре и в Ариничево. В 1786 и 1788 годах по следам древних чудских разработок он находит Чечулихинский и Копенный (под горой Копной) прииски серебросодержащих руд; несколько приисков в районе урочища Каменные ворота («Салаирские столбы») по речке Каменушке.

А. Мевкус, описавший все прииски, открытые в Салаирском кряже с начала XVII века по 1810 годы называет Димитрия Попова первооткрывателем месторождений 2-го и 3-го рудников рядом с открытым в 1781 году месторождением серебряной руды первого рудника.

На многих из указанных Д. Поповым месторождениях открываются рудники по добыче серебряной и медной руд.

Но шли годы. Все немощнее становился рудознавец, все труднее было месяцами бродить по тайге. К шестидесяти годам

рудознавец только в Салаирском кряже открыл свыше 30 месторождений. За многие из них ему полагалось вознаграждение, но он его не получал.

Еще в 1793 году начал Попов ходатайствовать о вознаграждении за свое самое крупное открытие — Салаирского месторождения серебряных руд. Он шлет в канцелярию Алтайских заводов прошение за прошением, из Барнаула в Салаирскую горную контору идут запросы о рудоскательной деятельности Попова за все годы изучения им недр Кузнецкой земли.

Наконец Горный совет в начале 1799 года решил: «По старанию и способности Попова в прииске руд, с усердием которого самый Салаирский рудник открыт, как за оный декабрь месяц 3 рубля выдано ему Попову, так и впредь по 3 рубля на месяц производить».

Начальником Алтайского горного округа в эти годы был прогрессивный по своим взглядам горный инженер Василий Чулков, трудами которого в 1771 году был пущен первый на территории Кузбасса металлургический завод по реке Томь-Чумыш. Происходивший из людей незнатного рода, Чулков с пониманием относился к нуждам простых людей. Хорошо зная о плодотворной деятельности Димитрия Попова, он ходатайствует о назначении рудознатцу «пенсiona», так как он «по старости лет к прииску руд пришел в неспособность». Но после длительной переписки Кабинет отказал в назначении Попову «пристойного содержания». Начальству Кольвано-Воскресенских заводов предписывалось из Петербурга «употреблять Попова на прежнем основании за прииском руд, сколько слабость здоровья ему позволит».

Потянулись годы лишений, старческих невзгод. Немощный и больной, потерявший здоровье в многолетних скитаниях по Кузнецкой земле, вынужден был рудознавец добывать себе на пропитание скудное жалование нелегким трудом.

Среди документов фонда «Салаирская горная контора», который хранится в Государственном архиве Кемеровской области, сохранилось любопытное письмо.

Написанное тренированной в каллиграфии рукой барнаульского канцеляриста, содержало оно указ Колывано-Воскресенского горного начальства управляющему Салаирскими рудниками Петру Шангину.

Несмотря на то, что в год издания указа 22 декабря 1798 года рудознатец был в весьма преклонном возрасте (ему было 65 лет) предписывалось «его употреблять, чтобы он летом обращался за прииском руд, а зимой жительствовавал при оном руднике».

В эти годы он сделал еще несколько открытий. В 1807 году 74-летний Д. Попов открыл месторождение железной и медной руд по реке Томи. «Грековский» прииск, как называли это последнее открытие рудознатца, находилось в двух верстах от деревни Кемеровой, по соседству с Волковским месторождением каменного угля, открытого в 1721 году известным рудознатцем Михайло Волковым.

Димитрий решает еще на одну попытку улучшить свое положение — обращается с прошением к самому императору. «Будучи ныне бессилен, стар, должен много платежами денег, изнурен трудами и беден до того, что не на что жить», — пишет Попов в своем прошении в 1807 году на имя царя Александра II. Ссылаясь на то, что ему не удалось получить полагающееся вознаграждение, Попов обращается за монаршей милостью не оставить его в беде.

Архивы сохранили до наших дней еще одно свидетельство «гуманности» русского самодержца. На прошения Александр II собственноручно написал: «Сие положение (о наградах, за открытие ценных приисков — А. Д.) не распространяется на таковых приискателей, кои по делам своим исключены из общества добрых людей, по-

чему помянутый ссыльный Попов на получение пенсионна никакого права не имеет».

* * *

Архивы не сохранили документов, которые рассказывали бы о последних годах жизни замечательного сибирского рудознатца. Не знаем мы и дату его смерти. Но можно предполагать, что немного прожил больной и немощный славянин после своей неудачи с прошением на имя русского царя.

И может быть, на смертном одре Димитрий, прощаясь с жизнью, думал о том, что несмотря на все лишения, судьба все-таки благоволила ему. Не многим рудознателям тех лет удалось столь много открыть в недрах богатой, но крепко охраняющей свои богатства Сибири.

Уже в те годы жил бурной жизнью Салаирский горнозаводской край. На Салаирских рудниках добывались сотни тысяч пудов руды, которой хватало не только шести плавильным печам специально построенного для их переработки Гавриловского сереброплавильного завода, но в коробах подвод приписных крестьян перевозилась на заводы в Барнаул, Павловск, Сузун.

Еще при жизни Д. Попова Горный совет Алтайского округа вынес решение о строительстве в Салаире второго сереброплавильного завода. Местом постройки нового завода определили долину речки Бачат.

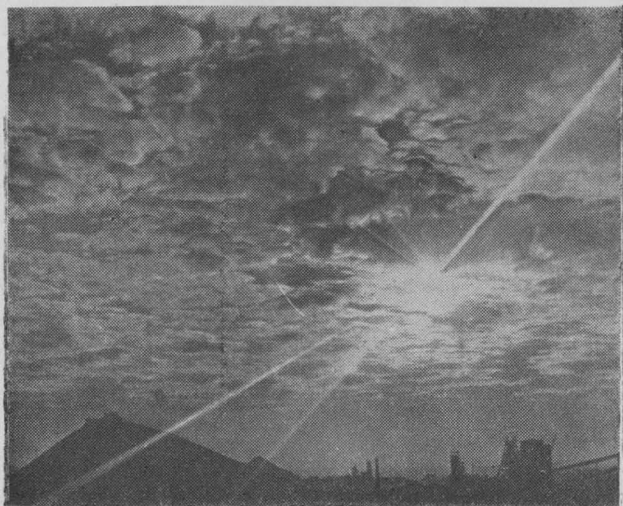
Из Салаирского края на Локтевскую шлифовальную фабрику (сейчас камнерезный завод имени И. И. Ползунова в районе поселка Колывань Алтайского края) были отправлены огромные глыбы сургучевой яшмы из открытых Д. Поповым месторождений. Мастерскими фабрики в 1793 и 1794 годах для украшения дворцов, принадлежащих Романовым, из салаирской яшмы были изготовлены вазы, пьедесталы.

Многочисленные рудники, металлургические заводы, горнозаводские поселки, тракты, их связывающие, на территории Салаирского кряжа и Кузнецкой котловины, появились благодаря почти 30-летней рудопроисковой деятельности Дмитрия Попова.

Живет и процветает сейчас в Кузбассе горняцкий центр — город Салаир, где работает мощное предприятие по комплексной переработке полиметаллических руд с карьерами, рудниками, обогатительными фабриками, золотодобывающими драгами. Из недр Салаирского рудного поля за все

годы эксплуатации добыты многие миллионы тонн руды, из которой извлечены тысячи и тысячи тонн цинка, свинца, барита, золота, серебра, кадмия. И, как говорят геологи, это еще далеко не предел. В девятой пятилетке будет продолжена реконструкция предприятия с целью увеличить объем добычи руды в полтора раза.

На очереди освоение богатых месторождений полиметаллов Урской группы, где Дмитрий Попов также первым обнаружил выходы медных руд.

Утро шахтерского города
Фото Г. ГРЫЗЫХИНА

„Шестая гряда“

Большой русский поэт Николай Асеев в книге «Зачем и кому нужна поэзия» писал: «Сущность поэзии вовсе не может быть разложена на сумму тех или иных признаков. Сущность эта — в ее неожиданности, в ее неповторимости, в ее новизне, всегда удивительной и зачастую неузнанной по первоначалу. В чем же неожиданность и новизна поэзии? В открытии новых соотношений смысловых реальных понятий».

За окнами мимо — Приволжья равнины,
Морщинами горя — Урала предгорья,
Все дальше любовь, все тревожней,
ранимей,
С петлею разлуки на плачущем горле...

Эти четыре строки, составленные из привычных слов, но неожиданно организованные поэтом Е. Буравлевым не по закону логики, а по закону мгновенной душевной озаренности, внутреннего откровения, чертят в нашем сознании ассоциативные линии, на стыках с которыми рождается то, что в теории называется поэтическим образом, а в практике житейских буден оборачивается уже личной тревогой, задевающей душу и сердце.

Сегодняшняя жизнь жестоко напряжена. Скорости и расстояния, перегрузки. А человеку нельзя лишаться «борения страстей». Человек должен обязательно время от времени заглядывать в себя, в глубину жизни. Думается, что поэзия, в определенной степени, как раз и дает нам в руки волшебное зеркало самопознания.

Собранные силой таланта в фокусе образного восприятия действительности, явления, взаимоотношения людей предстают перед читателем в наивысшей концентрации, являя собой «магический кристалл», с

помощью которого мы открываем «новые соотношения смысловых реальных понятий».

Путь к этим открытиям, в свою очередь, лежит через многотрудную жизнь поэта, верстовые вехи в которой, — его книги. Поэт всегда еще пишет свою главную книгу. Но так или иначе, в каждой есть свое, неповторимое содержание, особое свойство. Таким свойством в «Шестой гряде», книге стихов и поэм Евгения Буравлева, вышедшей в Кемеровском издательстве, и строки из которой цитировались в начале статьи, представляется нам ее поэтическая стереофоничность.

Полнота и яркость творческой палитры поэта проявляются в этом сборнике как ни в одной из предыдущих книг. Представляя, в некотором роде, собрание избранных произведений, «Шестая гряда» дает возможность как бы панорамно обозреть творческий путь поэта. Здесь, под одной обложкой, кроме новых произведений, многое и из ранее написанного поэтом. И, кроме того, он сам разбил сборник на разделы, вполне определенно характеризующие те или иные этапы его творческой биографии.

Однако если мы примем эту структурную форму сборника просто за календарный график творчества, то, безусловно, допустим ошибку. Не хронология суть здесь, а прочность временных соединений. В этой связи вспоминаются слова поэта Винокурова: «Поэт подслушивает шорохи и превращает их в громы. Поэт живет во времени. Он конденсирует в себе время».

У Буравлева мы читаем:

...И до самых седых волос
Мы работали на износ,
Не отсиживались в кустах;
Биография начиналась так!

Тот, кто знаком с поэзией Буравлева, знает, — а новая книга еще более подтверждает это, — что «промы и молнии» — не его удел.

Поэзии Буравлева свойственна сдержанность. Поэт вторит по закону, искренности своей души, а она у него скупа на внешние проявления.

Сдержанность эта и в какой-то аскетической поэтике, и в приверженности к повествовательным ритмам, в умении за этим всегда сохранять ту внутреннюю напряженность, с помощью которой и «конденсируется время»:

Бьет море, бьет,
Поют, сверкают камни,
С волною вздымленной пускаются
в бега —

И, сложенные многими веками,
Меняют очертанья берега...

Поэт, не увлекаясь внешними поисками, находит те формы построения стиха, которые дают ему наибольшую возможность использовать эмоциональную энергию идеи — образа, не заслоняя глубину мысли формалистическими изысканиями.

Отсюда мы подходим к одной любопытной особенности буравлевской поэзии — к ее сюжетно-композиционной определенности. У Буравлева это свойство доминирует, придавая его дарованию отличительные, индивидуальные черты. В «Шестой гряде» мы найдем тому немало примеров.

Путь, пройденный поэтом от «Кладонска» — первой книги стихов — до «Шестой гряды», на наш взгляд, увенчался настоящей старательской удачей. Поэт поднял весомый самородок. И самородок этот — тема рабочего человека, образ, занимающий все большее место в творчестве Евгения Буравлева.

Весь первый раздел сборника, по существу, это поэтический портрет рабочего, нашего современника, а поэмы со всей справедливостью можно назвать песнями труда.

Вот сейчас так и хочется написать, что Буравлев — поэт рабочей темы, но от этого удерживает мысль: верно ли ты будешь понят? Ведь выработался у нас такой штамп, по которому выходит, что стихи, подпадающие под эту рубрику, если не относятся ко второму разделу, то во всяком случае предполагается к ним снисходительное отношение.

Стихи Евгения Буравлева отличает та

высокая гражданская правда, которая дает ему право находиться в самом центре жизни, там, где происходит «переплавка людских сердец». Поэтому-то и рабочая тема находит у него особое решение, приобретенное поэтом в трудных поисках с доступными, разумеется, потерями.

Прежде всего она у него неразрывно связана с темой войны. Точнее сказать, с темой человека на войне. И не потому, что «летчику и стрелку, саперу и взрывнику», пришлось самому пережить войну, удалось выжить. Дело в том, что поэт всегда видит в своем герое сущность его характера. Солдат — это пахарь, шахтер, плотник, взявшийся за ратное дело в силу нужды, он защитник своей родины. А строитель Южсиба, экскаваторщик с Красной горки — это же бывшие солдаты.

Такое двуединство буравлевского героя, не придуманное поэтом за столом, а пришедшее в его стихи из самой гущи жизни, делает этого героя близким и понятным читателю, а поэту позволяет сказать:

Я сердцем поверил, как верят солдаты
в искусство пришедшему в дни
наступлений,
что он, не забывший ни штык, ни лопату,
большой нашей правде вовек не изменит.

Верен этой правде до конца, по-солдатски, Никодим из «Баллады о сапере», бригадир Али Умарбек из одноименного стихотворения, старый мастер-мостовик, («Голубая долина еще не впитала росу»). Героев этих стихов никогда не спутаешь. Каждый из них по-своему самобытен, но в чем-то суммируясь, объединяясь, эти конкретные образы, в конце концов, вырастают в обобщенный образ нашего современника, рабочего. Четкими строками, как кузнец поковку, кует поэт фигуру героя:

Редко о первой бомбежке,
О том, как он нюхал порох,
Рассказывал сыну Лешке
Взрывник Никодим Егоров.
Новых дорог немало
Прошел он под гром аммонала.
И мирно ему служила
Взрывчатки страшная сила.

Он всегда в действии — герой буравлевских стихов. И действие его постоянно сопряжено с подвижничеством, о чем сам герой зачастую и не подозревает.

Однако поэта подстерегает неудача, когда он, спеша за фактом, преподносит его, так сказать, в чистом виде, не пропустив через фильтры поэтического восприятия. И тогда срабатывает самозащита поэзии. Она начинает отрицать чуждое. Когда чувство меры изменяет поэту, и он незаметно для себя переступает через разделяющую правду от кажущейся правды, тогда сдержанность переходит в равнодушие, а искренность стиха — в рифмованную риторику. Не спасает ни умение управлять рифмой, ни значительность и важность тем. Так, на наш взгляд, случилось со стихотворением «Если первыми люди тропу пробивают к богатству».

Здесь голос поэта загремел вдруг не свойственным ему громом, а он-то и оказался бутафорским! Исчезла куда-то внутренняя напряженность, страстность, правдивость деталей заменилось ходульностью общих штампов.

Критик Абрамович писал: «Ни у кого из поэтов... мы не встретим такого неповторимого сибирского пейзажа, как у Евгения Буравлева. Эти пейзажные зарисовки сразу говорят сердцу сибиряка: да, это действительно мое, родное, от самой крошечной травинки, от стрекозы, сияющей радужой, до высокого, яркого, но именно по-сибирски синего неба».

К этому хотелось бы добавить, что пейзаж у Буравлева всегда не только картина, пусть и прекрасная, природы. Человек трудится и незримо обязательно присутствует в нем.

Они в противоборстве — суровая природа и человек. Мы видим, как она порой жестока к своему сыну, испытывая его на излом. «Вот и опять не шагнуть за порог, то глухая пурга, то морозная зрень». Спрятаться, отсидеться бы в палатке. Но у героя буравлевских стихов характер под стать сибирской зиме — «крутой, упорный. И, «шагнул за полог, в кипящий снег!». Можно не знать, что такое сибирская пурга, никогда не видеть замесенных под крыши домов, но вот прочти: «кипящий снег», «улегеся облака сугроб у дальних гор в ногах»... И представится тебе это; почувствуется.

Но человек не только укрощает природу. Он умеет и любоваться ею. Ведь нет для него краше стороны сибирской, и здесь он мечтает построить новые мосты в буду-

щее: «Вечер. В воду упали и звезды, и слитки костров. А в тайге беспокойно: то фыркнет, как лошадь кессон. То раскатятся эхом тяжелые вздохи копров, то Бельсу забормочет сквозь сон...».

Образ тайги, как лейтмотив в симфонии, переходит в стихах Буравлева из одного в другой, всякий раз открываясь новой своей краской, привлекающей, не спектральным разнообразием, не игрой цветов, а открывающейся тайной истоков большой любви.

Нет этого слова в стихах, но оно, как привкус пыльцы саранок на губах, когда идешь по тайге в пору их цветения.

В стихотворении «Я прохожу по старым деревням», одним из лучших, на наш взгляд, в сборнике, выкристаллизовывается хранимое всегда сокрыто и глубоко в сердце чувство любви к Родине. В этом стихотворении мы видим пример того, как тема труда, та самая, что иной раз вызывает недоверчивое отношение и скептическое пренебрежение, находит высокопоэтическое, искреннее, убедительное выражение.

Сборник дает нам возможность почувствовать, как значительно вырос философский потенциал поэзии Буравлева. Взгляд его пристальней останавливается на ранее для него неприметном, внося в стихи и новую интонацию тревожной озабоченности. («Всю зиму жмет, лютует стужа», «Этюды о камнях»).

Отшагав сотни километров по тайге, построив десятки мостов и поселков, узнавши цену измене и дружбе, поэт вместе со своим героем остаются верными главному жизненному правилу, верят, что все равно «сбудется мечта — станут всем нужны, как воздух, Доброды и Красота».

Если вдуматься, внимательней всмотреться в творческую манеру поэта, которая становится все более доверительней в отношении к читателю, то станет ясным, что гражданское беспокойство выводит Буравлева на сложные перекрестки бытия человеческого. А перекрестки потому так именуются, что скрещиваются здесь судьбы людские. Тяжело ведь случается порой. И так хочется, чтобы кто-нибудь протянул руку, даже не для опоры, а чтобы знать, чтобы чувствовать, что ты не одинок.

Поэт протягивает нам руку, чтобы вместе мы могли совершить «из одиночества пробег». Он протягивает свою руку, «а душа, а сердце на ладони!».

Вот таким душевно обнаженным и

предстает поэт перед читателем в цикле «Опять расставанье». Когда-то Блок записал в своей записной книжке: «Уже не молод я, много «холодного белого дня» в душе. Но прекрасный вечер близок». Это думается, о поре человеческой мудрости, когда отцветая, безмятежность и пылкость юности, дают богатые и терпкие плоды зрелых чувств.

Так и у Буравлева:

Отплыл дальним землям и дальним морям,
наконец-то свой свет принесла мне Заря,
опалив красотой, одарив добротой
да тревожной мечтой, да своей чистотой.

Есть «буйство чувств» и есть чувство боли. Первое радостно и избыточно, второе нераздельно личное, хранимое в укромном уголке души. И над тем, и над другим мы не властны. Но оба эти свойства человеческого существования составляют частицы нашего богатства, и поэт, сумевший найти к ним дорогу и щедро делящийся с нами, заслуживает слов благодарности.

Лирические открытия поэта, когда он сохраняет на мир ясный взгляд первооткрывателя, не срываясь при этом в крик боли или восторга, не менее важны, чем, скажем, эпические находки. Да, собственно, эти вещи едва ли сравнимы.

Человеку случается пройти через такой огонь жизни, который сжигая все, обнажает осто́в — струну души, и тогда в нашем сердце начинает звучать мелодия печали.

...боже, как щедры
мы были на взаимные ошибки
и как скупы на редкие дары
взаимно всепрощающей улыбки...

Поэт находит все новые и новые обостренные своей скрытой болью слова: «Я — нищ и пуст, я — осень дождевая». И вот уже вместе с ним читатель, кажется, подходит к тому пределу напряжения, когда он один на один со страшной «петлею разлуки на глущем горле».

Еще шаг, и мы на пороге безысходности. Но ведь в жизни-то все по-другому. И верный правде жизни, всегда ей одной, поэт выводит нас на качественно новую, высшую орбиту чувств. К слову сказать, он находит ее исход все в той же природе, в ее осенних цветах. Как будто своей извечной молчаливой мудростью она приходит к нему на помощь.

...Они цветут как будто в мае.
Живут и, кажется, вокруг
все рядом с ними оживает,
в пожухлых листьях вспыхнет вдруг
по-майски радуга живая!..

Создавая этот цикл, поэт постоянно подвергался угрозе уйти на волну мелкой мещанской проблемности, ибо граница соприкосновения истинной лирики и мещанско-сентиментальных рифмований настолько порой невянятно очерчены в нашем сознании, что только тонкое чутье мастера может уловить ее. Буравлева не подвело поэтическое чутье. Вслед за поэтом мы не единожды повторим: «Не похвала тебе не лесть, я просто счастлив, что ты есть!».

Выше мы отмечали заметное обострение мышления поэта в философском направлении. Видимо, определенная закономерность этого явления — следствие накопления жизненного опыта.

Именно так и следует рассматривать попытку поэта пройти по самым скрытым от непосвященных тропам «страны поэзии».

Небезынтересно отметить, что и само название книги «Шестая гряда», связано со стихотворением, являющимся, может быть, программным для буравлевской трактовки места и значения поэта и поэзии, «Как на шестой гряде от бани». И хотя, в силу композиционного решения сборника, поэт поместил это стихотворение в раздел «Биография начиналась так», думается, что в разговоре о цикле, посвященном поэзии, обойти его нельзя. «Поэзия есть там, — говорил Маяковский, — где есть тенденция». Видимо, это категорическое утверждение можно в чем-то и оспаривать, но одно несомненно, что настоящий поэт, так или иначе, не приспособляясь к требованиям времени, а пережив, прочувствовав его проблемы, в силу своего таланта, с гражданской активностью включается в их решение. Тогда поэт с полным правом может сказать:

Свершилась сложная работа —
Весь опыт, что вместила жизнь,
Рождает в первый раз и в сотый
Прозренье, отлитое в мысль.

Это прозрение приходит к поэту не в силу определенной тенденции, а как ее составляющая. Тогда-то и рождаются строки, подобно которым «пойдет послед-

нею затажкой по кругу крепкая строка». Этому мы немало найдем примеров и в рассматриваемом нами сборнике.

В стихотворении «А вы смогли б свободно, просто» Е. Буравлев с бескомпромиссной принципиальностью, глубоко заинтересованно ставит вопрос о гражданской позиции поэта. Он твердо убежден, что поэт обязан вовремя «прокричать сигнал тревоги», ибо поэты «душой — локаторы планеты».

Поэтому и вступает в спор Буравлев с теми своими собратьями по перу, которые, спекулируя на любви к поэзии, всеми силами пытаются создать себе авторитет, не стыдясь порой превращать поэзию в словесную эквилибристику.

Эти, с позволения сказать, поэты могут писать о чем угодно. Но автор «Шестой гряды» призывает их на всенародный суд. Кто же осмелится взойти на Лобное место и «вины не чувствуя ни в чем» вести разговор с народом?

Ведь это здесь, на этом месте, начало правды на Руси, здесь в честь побед салютовали, скорбели в годы тяжких бед, и здесь же тех четвертовали, кто был предвестником побед...

О какой вине говорит поэт? Да о гражданской инертности. Нет худшей беды для поэта, когда его лира превращается в развлекательный музыкальный ящик.

Только предельная ответственность, честность, нравственная чистота в исполнении своего гражданского долга, — утверждает своим стихотворением Буравлев, — дает право поэту говорить «у всей России на виду!». И чувствуется, — поэт глубоко сознает, что положение гласная, кроме всего прочего, и ко многому обязывает.

Сотни раз пережитое состояние («все вроде так: не работа, ни сердцу ни дать, ни уму»), и в общем-то не новая мысль о необходимости иметь работу по душе. Но вот заходит поэт с какой-то новой стороны, вчитываешься в строки, и начинаешь понимать разницу между словами **труд** и **работа**, начинаешь понимать, что слово «творчество», зачастую не произносимое, всегда присутствует там, где работают «земные боги». И вновь еще раз ощутишь крепкий уверенный рабочий пульс радости, почувствуешь крепкую веру в жизнь.

И поэмы, которыми заключается сбор-

ник, пример того, как творческое следование традициям, верность правильно выбранным идейно-эстетическим позициям, дают возможность поэту успешно разрешать поставленные перед собой задачи.

В «Красной горке» — эпической картине социалистических буден, традиционность эта, на наш взгляд, прослеживается прежде всего в широте схвата панорамы сегодняшней жизни. Поэт не боится показать противоречия, неизбежно возникающие при столкновении старого с новым, когда строятся не только угольные разрезы, доменные печи, но и, что главное, создается новый характер человека, порожденный этим обновлением земли. На человеке, строящем разрезы, домны, блеминги, конверторы, (это уже в поэме «Первая плавка», сосредотачивает все свое внимание поэт, на это направлено острие его творческих поисков.

Нет нужды говорить подробно об этих поэмах, хорошо известных читателю и получившим достаточный анализ критики. Хочется просто напомнить слова одного из критиков о том, что «важно и еще, и еще раз заметить: авторская патетика хорошо уживается с раскрытием противоречий жизни. Его герои и он сам поному чувствуют, переживают глубоко, доходя до высоких поэтических обобщений, что переплавка характеров действительно совершается на их глазах и требует высоких взволнованных интонаций» (А. Абрамович «На своей земле»).

Поэма «Земля» тоже известна читателям. Но на ней, думается, необходимо остановиться особо, и не только потому, что она особняком стоит на общем фоне всего творчества поэта, но и потому, что в ней взволнованная достоверность и страстность поэтической речи Буравлева как-то сочетаются с теми досадными промахами, которые являются следствием, если можно так сказать, поэтической запальчивости.

Необходимо сказать, что тема эта давно не давала поэту покоя. Мы встречаем обращение к ней в некоторых стихах, и то чувство тревоги, которое так ясно и немолчно звучит в поэме, думается, вполне закономерно. Рисуя картины возможной гибели земли от неразумного на ней хозяйничанья человека, поэт создает страшные сцены: «И — все. Мертво, как в заброшенном доме. Ни одной живой души — вечный покой».

Люди собираются покидать землю «выж-

женную и облысевшую», им здесь больше ничего делать. Как же такое могло случиться? Да потому, что человек стал «подобно электронам, оставшимся без ядра», «освобожденным от чувства прекрасного».

Острая публицистичность поэмы налицо. Она в своеобразной форме построения, в споре «физиков» и «лириков», в явном, преднамеренном использовании автором таких аргументов, как имена выдающихся наших современников, фактов и газетных статей. И всем нам близок призыв автора «отношение к земле ремонтировать, как кровлю». Смело поднимает голос поэт на те «сегодняшние блага», которые сулят нам проекты вроде осушения Байкала, создание гигантских электроневолов, и следствием которых неизбежно должно стать «облысение земли», а от всего этого недалеко и до того, чтобы и «землю взорвать, если хотите»!

Все это очень искренне, очень страстно. Но, видимо, законы поэзии так же не нарушимы безнаказанно, как и законы физики. И одного только страстного негодования для поэтического утверждения мысли мало. Восклицательные знаки не могут заменить крика души. Когда поэт призывает: «Пощадите природу! Не поднимайте топора!», невольно думается, что Леонид Леонов, на которого он ссылается, делал это в прозе гораздо убедительнее.

Декларативность, присущая поэме, значительно снижает ее эмоциональное значение. Тем не менее, присутствие поэмы в сборнике, как неотделимой части творчества поэта, не только оправданно, но, на наш взгляд, и необходимо.

Нет еще, да и вряд ли когда изобретут прибор, с достаточной достоверностью способный определить коэффициент полезного действия поэта. Читательский успех и неуспех тоже не всегда являются эталоном. Поэту случается обгонять время, и тогда проходят годы, прежде чем в сердцах читательских его строки найдут отклик и признание.

Все это говорит к тому, что книга поэта — явление всегда сложное, ибо она — частица нашей жизни, расшифрованная огнем и болью, сердцем и душой поэта. И предназначается она не для употребления в качестве средств развлечения и информации, а для соизмерения каждым из нас своего личного с тем необозримым, имя которому — окружающий нас мир.

Стихи, настоящие стихи, читаются сердцем. И если оно вдруг трепетно забьется при этом, значит поэт достиг желаемого. Для него это главный качественный измеритель труда. Откройте «Шестую гряду» и послушайте свое сердце...

Вячеслав ТИМОФЕЕВ

Снежный ком в июле

Юмористический рассказ

Утро было веселое, светлое. Граждане опаздывали на работу и гроздьями висели на подножках трамваев.

Бухгалтер мебельной фабрики Майданович на подножке не висел, но на работу тоже опаздывал. Когда товарищ в соломенном канотье на весь трамвай заговорил о фальшивомонетчиках, Майданович пропустил три остановки.

Майдановича раздирали противоречия: с одной стороны, товарищ в канотье говорил поразительные вещи, с другой стороны, Майданович опаздывал уже на двадцать минут.

А товарищ в канотье говорил следующее:

— Вчера на улице Крутой обнаружили группу фальшивомонетчиков. Эти ловкачи делали двадцатники. Кнопку нажал — и эмалированное ведро двадцатников.

— Почему именно эмалированное? — спросил Майданович.

В это время трамвай круто повернул направо, и Майданович обеими руками схватился за талию женщины, которая стояла впереди.

Женщина обернулась и через нос сказала:

— Гражданин! Эмалированное ведро на два литра больше цинкового.

Майданович этого не знал и смутился.

А трамвай шел дальше...

Майданович рванулся к дверям и опять застрял, поскольку товарищ в канотье авторитетно сказал, что фальшивомонетчиков, которые делали двадцатники эмалированными ведрами, задержали ночью.

— Кошмар! — опять в нос сказала дама. — Ведь цены могут подскочить!

— Три эмалированных ведра конфисковано, — сказал товарищ в канотье и добавил: — К вечеру картина прояснится — следствие ведет мой друг.

На следующей остановке Майданович пробился к выходу и с одышкой бежал до фабрики версты полторы.

У дверей конторы его догнал техник Варлам Кифоренко. Он был высокий, жидкий, в очках и грузинском галстуке, который сверкал, как мороженная селедка.

— Про банду слышал? Полтинники, сволочи, делали. Кнопку нажал — и фляга полтинников.

— Двадцатники делали, — сказал Майданович. — Рубильник р-раз! — и эмалированное ведро двадцатников.

— Полтинники! И флягами. Понял?

Поскольку Кифоренко в прошлом году был в командировке в Тбилиси и достал галстук кустарной грузинской работы, он зазнался. Поэтому Кифоренко сказал:

— У вас недостает культуры, товарищ Майданович.

У Майдановича грузинского галстука не было, и он ответил:

— Сам дурак, товарищ Кифоренко.

— Это как понимать?

— А вот так, — сказал Майданович. — Двадцатники и эмалированными ведрами. Ясно?

— Полтинники, — настаивал Кифоренко, поправляя грузинский галстук. — Я в курсе. И вообще!.. Следствие ведет мой друг.

Майданович заколебался и подумал: «Хрен его знает. У Кифоренко галстук и связи. Да и возьми меня: стал бы я двадцатники делать? Я бы покрупнее ударил!..»

Майданович опоздал на работу на сорок минут, но у него был крупный козырь. Переступив порог, он сказал:

— Я тут несколько задержался, но у меня обстоятельства! На улице Крутой — фальшивомонетки. Двадцатники делали и ведрами в Алма-Ату отправляли.

— Я тоже в курсе,— сказала экономист Маврина.— Но на работу не опоздала. И не двадцатники делали, а червонцы. И не в Алма-Ату отправляли, товарищ Майданович, а в Йошкар-Олу. К тому же не поездом, а самолетом.

— Извините, дражайшая,— поджал губы Майданович.— Я когда-нибудь лгал? Я пятнадцать лет за этим столом!

— А я — шестнадцать! И член месткома тринадцать! И утверждаю: делали червонцы и — в Йошкар-Олу.

— А почему в Йошкар-Олу?

— А почему в Алма-Ату, товарищ Майданович?

Маврина проволочка через стол Майдановича телефон и позвонила в пищеторг:

— Симочка? Скажи, Симочка, как там фальшивомонетчики? Что ты говоришь? Поймали, значит. Спасибо, Симочка.

Маврина бросила трубку и укоризненно посмотрела на Майдановича.

Майданович сжался, как ученик, который забыл дома дневник...

После мучительных раздумий Майданович с Кифоренко позвонили участковому.

— Скажите, сколько денег нашли у фальшивомонетчиков?

— Двенадцать пудов,— ответил тот и положил трубку.

Майданович и Кифоренко обомлели. Кифоренко еще раз набрал номер.

— Червонцы царской чеканки,— сказали оттуда и снова положили трубку.

Мебельная фабрика и остальные предприятия гудели. В этот день мебельная фабрика недодала восемь двуспальных кроватей...

Наутро Майданович снова ехал на работу. Он не опаздывал. В вагоне опять говорили о фальшивомонетчиках.

— Кошмар! — сказал дама в нос.— Реформа же будет!..

Майданович пропустил пять остановок и побежал в сберкассау, где стоял в очереди до вечера...

Через три дня выяснилось: гражданин в канотье не имел собственной сберегательной книжки, завидовал вкладчикам и беспокоился о государственной экономике.

Цена 32 коп.

**ОГНИ
КУЗБАССА**